

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Между живущих людей безымянным
никто не бывает
Вовсе; в минуту рождения каждый,
и низкий, и знатный,
Имя свое от родителей
в сладостный дар получает.*

Гомер. Одиссея

Номенклатура современных тюркских личных имен представляет собой своеобразную, весьма причудливую мозаику, составленную из именованных древних и новых, исконно тюркских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам. Кумыкские личные имена прошли долгий путь исторического развития, путь, неразрывно связанный с историей тюркских народов и кумыкского языка.

Интерес к изучению тюркских личных имен, начиная с В. В. Радлова, остается традиционным для отечественных тюркологов. Направление сравнительного исследования личных имен всех тюркских народов было намечено еще А. Н. Самойловичем, который весьма обстоятельно изучал туркменские и ногайские имена [192-198]. Первый же опыт специального исследования кумыкского антропонимикона связан с именем А. А. Сатыбалова.

Необходимость научного изучения собственных имен, представляющих собой весьма важную категорию слов в лексической системе любого языка, получила в настоящее время всеобщее признание, и современный этап тюркского языкознания характеризуется бурным ростом ономастических изысканий. В этой связи укажем на включение раздела "Антропонимия" в очередной выпуск "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков [619- 723].

Именам собственным присуще понятие нормы. Норма является специфическим признаком литературного языка национального периода. Норма является одновременно социально-исторической категорией.

Согласно реформам Петра, людей в Российском государстве стали называть по имени, отчеству и фамилии. Сейчас практически во всем мире принята двухкомпонентная система именования людей — по фамилии и имени: *Джордж Буш*. Глобализация общества отразилась и на стандартах именования политических лидеров: в эпоху «застоя» — товарищ *Леонид Ильич Брежнев*, сегодня — *Владимир Путин*, *Муху Алиев*.

Антропонимы делятся на женские и мужские. В кумыкском антропонимическом ареале почти нет имен, которые используются без строгого обозначения полопринадлежности. В нем представлены и парные онимы, соответствующие традиционному представлению об однозначно мужских и женских онимах: *Амин / Амина, Камил / Камила, Муьмин / Муьминат* и т. д.

Чтобы выявить факторы, повлиявшие на эволюцию и становление антропонимической системы отдельного народа, необходимо восстановить хронологию имен.

«Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу», — писал А.С. Пушкин [40]. Имена как часть духовной культуры народа имеют глубокие корни и отражают первобытные верования, представления, быт древних людей. Следы анимистического мышления отражены в именах, связанных с одухотворением явлений природы, небесных тел, с названиями животных, птиц как тотемов. Политеизм, поклонение обнаруживается и у кумыков.

Исследования по ономастике, способствуя разгадке тайн прошлого, дают в то же время ценный материал для выявления целого ряда сложных вопросов истории языка, а также самого народа, вопросов этнографии, социологии и других смежных наук. Изучение антропонимов дает информацию, помимо национальной принадлежности, о характеристике человеческих качеств, сословном положении, религии, влиянии языков и контактов.

В каждой культуре имя человека выступает как социально-культурный знак. Система личных имен любого языка, уходящая корнями в глубокую историю, несет на себе отпечаток национального самосознания народа и включается в национальную картину мира. Личные имена обладают яркой национально-культурной спецификой и являются чрезвычайно важным источником не только лингвистических, но и историко-культурных знаний. В них, как в особого рода языковых реали-

ях отражаются особенности национальной культуры, традиции и обычаи народа.

Имена собственные составляют обширный пласт словарного состава языка и, с точки зрения развития языка, являются историческими категориями. Подобные слова остаются в памяти народа и как микропамятники сохраняют до нас сведения об определенном этапе эволюции языка. Ономастикон любого народа складывается стихийно в том смысле, что этим процессом никто специально не управляет. Тем не менее, в результате длительного употребления имен складывается их системность, возникают комплексы разнотипных имен со всеми присущими им закономерностями. Следовательно, процессами присвоения и употребления имен управляют законы языка, а также особенности психологии именуемого. Поэтому каждое имя не бессмысленно, оно имеет мотивацию, значимость и значение, которые могут быть раскрыты посредством лингвистического анализа.

Как отмечалось многими исследователями, тюркские имена, подобно языку, очень консервативны и устойчивы. Они встречаются в неизменной форме с глубокой древности по сей день. При этимологии тюркских имен немаловажную роль играет агглютинативность тюркского языка, то есть способ слово- и формообразования, при котором к корню, сохраняющему стабильный звуковой состав, присоединяются стандартные аффиксы. Это значит, что структура слова абсолютно прозрачна, границы морфем отчетливы.

Общеизвестно, что основной закон антропонимики, как и всей ономастики - историзм. Разумеется, при толковании личных имен нужен обширный материал, подтвержденный историческими фактами, экскурсом в историю тюркского именослова и языка. Возможно, этимология некоторых личных имен кумыков кому-то покажется спорной, противоречащей установленным толкованиям. Для доказательства принадлежности антропонимов кумыков использованы различные методы языкознания: сравнительно-исторический, структурный, генетический, ареальный (выявляет ареал сходных элементов собственных имен), а также проведены перекрестные проверки с личными именами тюркских народов, удаленных друг от друга во времени и в пространстве.

Множество имен кумыков, ногайцев, карачаевцев и балкарцев в основном очень близки как по форме, так и по содержанию. Это связано, по всей видимости, с культурно-историческими корнями болгаро-хазаро-половецкого союза племен, общим культурным наследием тюр-

ков. Помимо сказанного, следует добавить, что в эпоху Золотой Орды все эти народы входили в одну империю. На Северном Кавказе не было никаких татар, кроме карачаевцев, балкарцев, кумыков. Но в силу досоветской русской традиции именования тюркских народов "турецко-татарскими", до революции их обычно называли "горскими татарами". Этим еще раз подчеркивалась близость их наречий не только к татарскому, но и другим тюркским языкам, хотя, где были нынешние татары, там они находятся и сейчас. Кто строил и жил в золотоордынских городах Северного Кавказа? Тюрки, прежнее население Булгарского и Хазарского каганатов и Половецкого союза. Это отчетливо наблюдается при сравнении личных имен карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев с именами древних тюрков, хазар, алан, болгар и половцев. Указанная особенность обусловлена еще тем, что в целом, за исключением чувашского и якутского, языки нынешних тюркских этносов, численность которых в пределах бывшего СССР достигала к 1990 году около 50 миллионов человек [Лайпанов, Мизиев: 8], могут, подобно славянским, рассматриваться в качестве близкородственных одного, в сущности, языка, позволяющих говорящим на них довольно свободно общаться друг с другом, жить в кругу одних этнопсихологических представлений.

Тюркские народы считали, что, выбирая имя, они выбирают судьбу, которая будет частью сущности, души человека. Имя служило своего рода талисманом, охранной грамотой от бога; считалось, что личные имена имеют свою душу. Поэтому многие имена людей попадали под табу, слово, совпадающее с именем, должно было заменяться синонимом.

Любое имятворчество предполагает причину, повод, мотив номинации. Мотивировка имени - это комплекс причинно-следственных связей, по-разному представленный у имен разных типов и в разной степени доступный для наблюдения и изучения. В силу этого мотивация имени оказывается на сложном перекрестке философских, психологических и сугубо лингвистических оснований.

Ономастикон (именной фонд, "инвентарь имен", "именник") справедливо рассматривается "как один из компонентов истории духовной культуры народа" [Теория и методы ономастических исследований: 195]. Являясь одним из компонентов исторической и культурной жизни народа, ономастикон дает представление об истоках современного состояния антропонимической системы имен. Как и язык в целом, номенклатура имен языка отражает эпоху и состояние общества на определенном

этапе его развития. Как и на язык в целом, на именной фонд языка влияют все изменения в общественном строе, в классовой структуре общества. Показателен, например, в этом отношении тот факт, что имя Гитлера *Адольф* оказалось "загубленным" для австрийцев после 1936 года и для немцев после разгрома фашистской Германии. Это имя перестали давать новорожденным. Перестали давать и женское имя *Сталина*. И, наконец, после Октябрьской революции большие преобразования, произошедшие в культуре и в быту кумыкского народа, нашли своё отражение в появлении совершенно новых иноязычных имён - русских или западноевропейских. Таким образом, информация о языках, участвовавших и участвующих в формировании антропонимикона конкретного языка, имеет не только большой познавательный, но и, прежде всего, теоретический интерес.

Выбор имени - дело весьма ответственное, хотя и кажется довольно простым. У каждого из нас есть свое, личное представление о красоте и свои вкусы. Однако, выбирая имя, нельзя считаться только с собственным вкусом, ведь носить имя будете не вы, а судить о нем - не только вы. Имя, с которым человек вошел в этот мир, остается с ним навечно. Учитывая это, родители должны внимательно, с большой тщательностью и осторожностью выбирать имя своему ребенку: имя обязано звучать красиво, быть изящным по форме, чтобы человеку нравилось собственное имя. Имя новорожденного носит определённый смысловой отпечаток. Это или уважение к какому-либо из родственников или великих людей, или дань моде определённого периода, или отпечаток личного вкуса.

С древнейших времен человечество трепетно относилось к имени. Его не давали просто так. Как правило, оно свидетельствовало о предназначении ребенка и было связано с именем Аллаха, на покровительство и защиту которого рассчитывали. Ислам знает девяносто девять эпитетов Аллаха, прославляющих его (основное же — сотое — никто не смеет произнести), и все они служат именами.

Говорят, что имя определяет судьбу человека. Возможно, хотя так много людей с одинаковыми именами и очень разными характерами и судьбами, что трудно в это поверить. Но все же от имени многое зависит. В богатейших россыпях кумыкских имен есть великолепные, изысканные, красивые, не менее заслуживающие внимания, чем привычные, слегка затертые от слишком частого употребления.

Имена людей - часть истории народов. В них отражается быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исто-

рические контакты. Для того чтобы какое-либо имя появилось у данного народа, необходимы определенные культурно-исторические события или условия. Поэтому некоторые имена несут на себе яркий отпечаток какой-либо эпохи. Наша страна многонациональна, и у каждого из народов, населяющих ее, есть свои замечательные имена.

Роль личного имени в жизни человека очень велика. Каждого человека можно назвать не иначе как по имени, поэтому все его хорошие или плохие поступки делаются достоянием гласности благодаря имени. Отсюда возможность переносного употребления слова имя. Говорят: у него доброе имя или: не позорь моего имени и т.д., имея ввиду: он хороший человек или не позорь меня.

Знакомиться с антропонимическим фондом чужой культуры без раскрытия внутренней формы антропонимов, без получения представления о системе национальной образности в целом — это все равно, что ходить по «дому бытия» национального духа с завязанными глазами, а потом самоуверенно заявлять о своем знакомстве с ним.

Следовательно, выбор личного имени для человека - дело исключительно значимое. Но для того, чтобы выбрать имя, полезно знать его изначальный смысл. Известно, что едва ли не все имена образованы от существительных, глаголов, прилагательных и т. д. и, разумеется, имеют определенное значение. Поскольку подавляющее большинство личных имён появилось отнюдь не вчера, то возникновение имен связано с историей народа, с его материальной и духовной культурой, с канонами его языка.

Личные имена существовали всегда и у всех народов. В настоящее время личное имя, отчество и фамилия постоянны и служат для идентификации личности и отличения ее от других. Но так было не всегда и не везде. У некоторых народов детям при рождении присваивались одни имена, а при достижении ими определенного возраста старые имена заменялись новыми. У иных народов детям не надо было давать или придумывать имя, оно наследовалось от родителей. Или давалось в соответствии с расположением небесных светил, или в зависимости от дня, в который родился ребенок, и не менялось в течение всей жизни. Причем в те давние времена, если расположение светил на небе оказывалось неудачным или день рождения несчастливым, имитировалось второе рождение в более благополучный день, для чего младенца обносили вокруг коровы или козы, а затем протаскивали у нее под брюхом. Бывало, что имя должно было содержать известное напутствие для новорожден-

ного, у иных - не должно быть привлекательным, иначе злые духи унесут, похитят ребенка. Традиция эта восходит к древним временам, когда настолько тесно отождествлялось имя с его владельцем, что казалось даже его неотъемлемой частью.

В ходе рассмотрения целого ряда кумыкских имён, иллюстрирующих те или иные основные их группы, нам встретятся разные имена: красивые и не очень, утончённые и грубоватые, длинные и короткие. Но обладатели не очень красивых и утончённых имён, которым уже трудно что-либо изменить, не должны горевать по этому поводу, ибо, как гласит кумыкская пословица - «*аты айтылгъан атадан къалмасын осал улан*» - «от отца с добрым именем пусть не останется плохой сын».

Глава 1.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС.

Рождение ребенка. Имянаречение. Традиции.

*Когда произношу я ваше имя,
Мне хочется зевать, скучать, ворчать,
В то время как другие имена,
Когда их произносишь, открывают
Совсем другие двери наших чувств...*

В. Шекспир. «Много шума из ничего».

Предпринимая экскурс в историю человеческого мышления, мы не ставим целью вывести все особенности функционирования имени собственного в современном языке из специфики мышления древнего человека, это и невозможно. Однако отметим, что формирование собственных имен не могло не отразить определенные этапы развития мышления человека.

Факт различного восприятия мира древними и современными людьми отмечается многими исследователями, работающими в разных областях: философами, этнографами, историками, лингвистами, литературоведами, в частности, А. А. Потебней, А. Ф. Лосевым, О. М. Фрейдбергом, М. Ю. Лотманом, Б. А. Успенским, М. И. Стеблин-Каменским, В. Н. Тороповым, Вяч. Вс. Ивановым, Г. Франкфорт и Г. А. Франкфорт, Т. Якобсеном, П. А. Флоренским, Н. И. Толстым и др. Для нас важно отметить, что названные ученые рассматривают мышление человека в древности не как стадию, исторически предшествовавшую современному взгляду на мир, а как особый тип мышления, доминировавший в те отдаленные эпохи. Это было не примитивное мышление, лишенное логики, а мышление, хотя и обладавшее целым рядом особенностей в сравнении с мышлением современного человека, однако способное решать сложные классификационные задачи [Гусарова: 9].

Фундаментальное различие в отношении современного и древнего человека к окружающему миру, по мнению Г. и Г.А. Франкфорт, заключается в следующем: для современного человека мир явлений есть в первую очередь «Оно», для древнего - уникальное одушевленное «Ты». Так как для первобытного человека попросту не существует неодушевленного мира, он постоянно сталкивается с явлениями как с «Ты» [Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт 1984: 25].

М. Ю. Лотман и Б.А. Успенский отмечают, что мир, представленный глазами древнего человека, должен казаться составленным из одно-

ранговых, нерасчленимых на признаки, однократных объектов. Расчленению на дифференциальные признаки соответствует расчленение на части («часть» в древнем сознании функционально соответствует признаку дескриптивного текста, но глубоко от него отличается по механизму, поскольку не характеризует целое, а с ним отождествляется) [Лотман, Успенский 1992: 58-60].

Как подчеркивают исследователи, часть, выступающая вместо целого, - это определенная форма мысли людей в древности. Имя человека также воспринималось как неотъемлемая часть его личности, которая, наряду с прядью волос, тенью, могла замещать его обладателя и являлась носителем индивидуальности его обладателя [Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт 1984: 32; Лотман, Успенский 1992: 59; Топоров 1997: 509; Толстой, Толстая 2000: 597 и др.]. Другими словами, восприятие имени человека было идентично восприятию самого человека.

Концепция тождества имени и его носителя подтверждаются многочисленными примерами, нашедшими отражение во многих древних памятниках культуры. Так, Г. и Г. А. Франкфорт пишут об обряде разбивания глиняных чаш во времена египетских царей - ок. 2050- 1750 гг. до н.э. На чашах были начертаны имена враждебных племен, их вождей и мятежных соплеменников. Цель обряда недвусмысленно определена: египтяне полагали, что, уничтожая имена своих врагов, они причиняют им реальный вред [Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт 1984: 32].

По утверждению Б.Л. Огибенина, исследовавшего вопросы ведийской ономастики, концепция тождества имени и природы носителя имени нашла отражение в «Ригведе» (XIV-XIII вв. до н.э.). Ученый отмечает, что множество имен одного и того же существа рассматривается как отражение его способности появляться в многочисленных формах [Огибенин 1966: 217]. Идентичность восприятия имени и его носителя проявляется и в традиции германских племен давать членам рода имена, аллитерирующие между собой. Этот обычай коренится в представлении, что совпадение или сходство имен означает и физическое родство [Стеблин-Каменский 1978: 38]. Аналогичные представления существовали и у американских индейцев, считавших, что люди, носящие одно имя, - родственники [Ланда 1966: 146-147]. Приведенные примеры ярко демонстрируют особое отношение к имени уже у древнего человека, причем, аналогичное в разных концах Земли, в чем проявляются «общечеловеческие представления о мире, которые закономерно возника-

ли, по крайней мере, у большинства народов земного шара на определенных этапах развития общества» [Редер 1976: 225].

Интересно сопоставить отношение древнего человека к имени с отношением к категориям «время» и «пространство». Каждая стадия человеческой жизни - детство, зрелость, старость - это особое время со своими специфическими качествами. Это могло являться причиной появления у многих народов разветвленной системы имен, так как новое имя, отражая изменившуюся сущность его носителя, служит определенным маркером вступления в следующую, новую временную фазу. Примером этого может служить китайская антропонимическая система, в которой выделяются следующие имена: *сяо* - детское имя, которое ребенок получает при рождении; *мин* - главное имя, его дают родители или учитель в школе; *цзы* - имя, которое получали при достижении совершеннолетия; *хао* - прозвище, даваемое друзьями или избираемое самим носителем; *ши* - почетное имя у привилегированной знати [Вауер 1966: 28]. Более или менее сходные антропонимические системы можно обнаружить у многих народов, что отражает тот факт, что восприятие такой важной категории, как время, неразрывно связано с именем [Гусарова: 11].

Особой проблемой, волнующей человека с древнейших времен, является вопрос о соответствии имени объекту, который, по существу, является частью одного из основных вопросов современной философии, так как касается соотношения языка и действительности. Восприятие имени как «священной части существа» отражено в многочисленных этнологических свидетельствах [Федянович 1980; Толстой, Толстая 2000 и др.]. Тождество имени и предмета/живого существа предполагало особое внимание к объекту именованию и к выбору имени. В. Н. Топоров отмечает, что архаичным коллективам свойственно понимание имени как некой внутренней сущности объекта, души его носителя, источник силы и процветания или же того, что вкладывается, налагается и т.п.

Как показывает ученый, наречение новорожденного именем в ряде культурно-исторических традиций представляло собой процесс отгадывания внутренней сущности того, кому присваивается имя, и приводит в пример поверье, существовавшее у финно-угров, что если младенец много плачет, то ему выбрали не то имя [Топоров 1997: 508-509].

С древнейших времен люди верили в магическую силу действия имени. Для всех религий, всех народов имя имеет большой смысл и чаще всего связывается с судьбой человека [Флоренский 1990: 320; Синенко

1995: 14; Свирин 1994; Никонов 1988 и др.]. Семантика многих собственных имен в Библии тесно связана с предназначением носителей данных имен. Отмечая связь времени с тем, кому оно принадлежит, М. И. Стеблин-Каменский указывает, что для исландцев времени создания саг имя было частью человеческой личности. Все собственные имена употреблялись только как «воплощенные», т.е. прикрепленные к определенным объектам. Всякое личное имя было своего рода вводной характеристикой его носителя, сообщение о том, что он, например, хромой, лысый и т.п. Таким образом, имя являлось не формой, а содержанием [Стеблин-Каменский 1984: 54-59].

Установка древнего сознания на сокровенную связь имени и его носителя, влияние имени на судьбу человека предполагает, как отмечают исследователи, существование двух подходов к имени - вредоносное и благое, так как через имя можно оказывать влияние на носителя этого имени. Имя наделяется магическими свойствами и используется в обрядности как инструмент. Поношению и осмеянию имени в заговорах, черной магии, проклятиях и т.п. противостоит хвала, величание имени на праздниках, свадьбах и т.д. Отсюда, с одной стороны, имя нуждается в защите, укрытии - поэтому весьма многообразны и часты случаи табуирования имени, замена его дублирующими именами, эпитетами или даже неречевыми сигналами. С этим связано различие бытового и настоящего, тайного имени, знание которого врагом может нанести вред. С другой стороны, открытый вариант имяположения был установкой на усиление положительных моментов: наречение приятным именем, именем-пожеланием, выбор имен из сферы божественного (например, значение современных имен *Женнет*, *Алжанат*, *Муслим*, *Муслимат* и т.д.) [Топоров 1997: 509; Синенко 1995: 15; Толстой, Толстая 2000: 599 и др.].

Восприятие собственных имен современным человеком отличается от восприятия имен людьми прошлого. Для человека нового времени, по мнению М. И. Стеблин-Каменского, имя даже в том случае, когда оно в то же время нарицательное (как, например, кумыкские имена *Бриллиант*, *Алтын* «золото», *Гюмюш* «серебро» или русские имена *Вера*, *Надежда*, *Любовь* и т.д.), - это ярлык, прикрепленный к тому, кто назван этим именем, внутренне не связанный с тем, к кому он прикреплен. Хотя, как отмечает ученый, и существует сегодня тенденция к осознанию мотивированности имени, для современного человека собственные имена - это все же ярлыки, сами по себе лишённые значения и служащие только

для того, чтобы различать тех, к кому эти ярлыки прикреплены [Стеблин-Каменский 1984: 57].

Однако представляется, что отношение современного человека к имени никак нельзя назвать безразличным. Особенно ярко это проявляется в выборе имени, который хотя и определяется зачастую факторами, отличающимися от рассмотренных (например, не стремлением отразить сущность именуемого), тем не менее, отражает определенные устремления именуемого и может, в значительной мере, характеризовать если не объект номинации, то того, кто это имя присваивает. Выбор имени, как показывает статистика, определяется в первую очередь модой [Заверюха 2000: 37; Суперанская 2001: 113-115]. Однако представление о том, что, назвав объект определенным именем, можно вызвать желаемые качества, до сих пор существует в жизни наряду с осознанием связи имени с внутренней сущностью называемого. Восприятие имени как своей неотъемлемой части было характерно для Марины Цветаевой. Осознание мотивированности имени явно выражено в стихотворении «Кто создан из камня...»: «...мне имя - Марина, /Я - бrenная пена морская».

Таким образом, обращение к истории имени собственного позволяет отметить следующие моменты, существенные для целей настоящего исследования. Это, прежде всего важность имени собственного в жизни человека на протяжении всей истории развития общества, что проявляется в особом отношении человека к имени, которое по значимости не уступает отношению к таким жизненно важным понятиям, как «место», «время», с которыми оно было тесно связано. Отношение человека к имени обусловило особое отношение к акту присвоения имени. Восприятие имени имело целый ряд особенностей, наиболее существенными из которых являются следующие: имя человека - это часть его индивидуальности, способная выступать вместо целого, отождествляться с ним. Любой объект и явление воспринимались как индивидуальные и именовались, т.е., по существу, все имена были собственными и воплощенными, именами чего-то или кого-то.

Как свидетельствует анализ примеров, в том числе большое количество из обыденной жизни, функционирование имен собственных в современном языке, иногда в большей, иногда в меньшей степени, оказывается сходным с их функционированием в далеком прошлом. Можно сделать вывод о том, что имя по-прежнему небезразлично его носителю, и говорить о превращении его просто в «этикетку» представляется преждевременным. Хотя, безусловно, роль имени в обществе изменилась, однако, следует при-

знать, что имя не утратило своей важности в жизни современного человека [Гусарова: 17].

Антропонимические традиции тюркских народов, несмотря на наличие значительного количества сходных черт, отличаются неповторимой самобытностью и оригинальностью, отражающей взгляд народа на мир и на место в нем человека. Так, для кумыков понятие фамилии связано, прежде всего, с семьей: все члены кумыкской семьи носят, как правило, одну фамилию — фамилию отца.

В испанской семье, состоящей из трех человек — отец, мать и сын — у каждого будет своя фамилия; при этом фамилия ребенка будет составлена из компонентов фамилий обоих родителей — первой фамилии отца и первой фамилии матери (именно в таком порядке) [Рылов: 6].

Изучение имени дает интересные наблюдения над духом народа. Проявления духовной жизни народа в антропонимии разнообразны. Так, если кумыкские домусульманские имена проявляют видимую связь человека с природой, с тотемами, с устремлениями семьи; то в эпоху мусульманизации, когда появились новые, пришедшие с новой религией иноземные имена, эти имена стали обозначать не столько видимую связь индивида с обществом и семьей, сколько с миром невидимым и священным.

На ранних стадиях развития общества имя — неотъемлемый компонент личности, его второе «я», его душа. Узнать имя человека значило сделать его безоружным перед силами зла. Именно поэтому у древних было принято пользоваться субститутами настоящего имени. Следы этих обычаев обнаруживаются и на более поздних этапах цивилизации.

Во многих древних культурах имя считается настоящим духовным центром человека, в котором в символической форме скрывается его сущность [Tartamella: 21-22]. З. Фрейд обращал внимание на подобное восприятие имени детьми [Freud: 94]. П. А. Флоренский, говоря о детской речи, заметил, что ребенок до трех с половиной лет «не употребляет слово Я, а говорит о себе в третьем лице и называет себя по имени» [Флоренский 1999: 208]. В этом автор усматривает «наиболее близкое к райскому, наиболее далекое из естественных состояний сознания», в то время как начало использования в детской речи Я символизирует «первый прорыв первородного греха».

В настоящее время (по крайней мере, в европейских культурах) имя утратило свою магическую значимость, но приобрело важное юридическое и бюрократическое значение, хотя идея *отеп, потеп* продолжа-

ли волновать авторов и в XX веке. Так, П. А. Флоренский считал, что «именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет далее ее духовное и душевное строение» [Флоренский 1999: 211], а итальянский исследователь В. Тартамелла связывает фамилию с судьбой ее носителя, утверждая, что фамилия значительно влияет на поведение человека и, как следствие, на его статус в обществе. Указанный автор заявляет о создании новой научной дисциплины — психогномии [psicognomia], которая призвана заниматься влиянием фамилии на нашу интеллектуальную, профессиональную и общественную жизнь [Tartamella: 130 и след.].

Как уже отмечалось выше, несмотря на внешнее сходство, заключающееся в наличии одинаковых единиц (личного имени и фамилии — компонента, передающегося из поколения в поколение), антропонимическая система каждого языка отличается своеобразием функционирования этих единиц. «Равно как и остальные элементы лексики, имена собственные не могут быть правильно интерпретированы и с пользой изучены вне их системы», — пишет К. А. Мастрелле [Mastrelle: XI]. Так, русское имя или фамилия, попадая, например, в стихию итальянских имен, не только проходит фонетическую и грамматическую обработку, но и адаптацию функциональную. Предположим, что русская женщина по имени Светлана Ивановна Петрова вышла замуж за итальянца по фамилии Rossi и живет в Италии, ее полное имя будет зарегистрировано следующим образом: Svetlana Petrova in Rossi. Соответственно, отчество будет утрачено, утрачены будут и все диминутивы типа *Света*, *Светочка*, *Светланка* и пр.; скорее всего в обычной жизни ее будут называть *Svetlana* (в итальянской огласовке *Zvetlana*).

Предлог *in* перед фамилией мужа в составе фамилии замужней женщины (Petrova in Rossi) используется лишь в некоторых официальных документах, например, в паспорте, а в водительском удостоверении может стоять лишь фамилия *Petrova*. Предлог *in* обычно опускается и полное имя замужней женщины выглядит в списке сотрудников факультета, следующим образом: *Petrova Rossi dottoressa Svetlana* или *Petrova dottoressa Svetlana*. Дети же наследуют фамилию отца [Рылов: 31].

Ю. А. Рылов отмечает курьезный случай взаимодействия различных традиций присвоения фамилий: российская гражданка вышла замуж за гражданина Кубы и при вступлении в брак в соответствии с нашей традицией поменяла свою фамилию на фамилию мужа — *Varela* (это его первая фамилия). Супруги уехали на Кубу, где у них родился

сын, которому — уже в соответствии с кубинским законодательством — была присвоена первая фамилия отца и фамилия матери. В результате получилась фамилия *Varela Varela*, с которой он живет в России [Рылов: 32].

Имена собственные не только образуют свою собственную систему, но и интегрированы в лексическую систему языка в целом, поэтому они по-разному функционируют в разных языковых системах и соответствующих социумах.

Итак, как с точки зрения функциональной и исторической, так и семасиологической и грамматической антропонимы предстают как совершенно особый класс слов: «В ряде языковых ситуаций поведение собственных имен настолько отлично от соответствующего поведения других языковых категорий, что это невольно наталкивает на мысль о том, что перед нами инкорпорированный в толщу естественного языка некоторый другой, иначе устроенный язык» [Лотман, Успенский: 292].

В Италии женщина, выходя замуж, не меняет своей фамилии и пользуется фамилией мужа как дополнительной в прагматических целях: использование фамилии мужа подчеркивает ее семейное положение или принадлежность к какому-либо клану. Фамилия мужа, как указывалось, вносится в удостоверение личности с предлогом *in*: *Maria Golacchi in Napoletano*; в других документах наличие фамилии мужа не обязательно. После замужества на работе женщина продолжает пользоваться своей прежней фамилией, но для соседей и для друзей мужа — она *La Napoletano* [Рылов: 91] и др.

Когда все хлопоты, переживания и страдания, связанные с появлением на свет ребенка, позади, перед родителями встает вопрос: какое имя дать младенцу. Ведь имя - это первый подарок, если не считать самой жизни, который они преподносят своему ребенку, и подарок этот - на всю жизнь.

Чем руководствоваться при выборе имени? Красивым звучанием? Памятью о друге? Желанием увековечить имя близкого родственника? Модой? Что требуется от имени? От него требуется немало, хотя инструкции на этот счет никаких нет.

Красивых имен в мире очень много, как и красивых одежд. Но мы выбираем себе то платье, которое будем носить с удовольствием, которое подойдет к нашей внешности, советуемся, примеряем его. Так и имя - оно не может быть случайным. Прежде всего, имя должно быть не слишком длинным и трудным. Лучше, если оно легко произносится и

запоминается как само по себе, так и с отчеством. Имя обязано звучать красиво, быть изящным по форме, чтобы человеку нравилось собственное имя. "Мне дали при крещенье имя Анна, сладчайшее для губ людских и слуха..." - так не без гордости отзывалась о своем имени Анна Ахматова.

Трудновыговариваемое имя становится помехой при общении, вызывает напряжение у того, кто обращается, и неловкость у того, к кому обращаются. Нельзя, чтобы имя путало, налагало на его обладателя тяжелую обязанность - тянуться за собственным именем, быть «не хуже его».

Человек, по сути, носит сразу три имени: собственное имя, отчество и фамилию. И, выбирая имя, никак нельзя забывать, что ему придется звучать в кругу этих соседей и самому превращаться в отчество. Нельзя, чтобы имя, каким бы красивым оно ни было, звучало полнейшим диссонансом с фамилией человека. Писатель Лев Успенский вспоминает такой случай: "В дореволюционной гимназии у меня был товарищ, носивший прекрасное гордое испанское имя Родриго: у него мать была испанкой. Но отец-то его был русским. Сочетание Родриго Степанов во все не казалось нам ни величественным, ни красивым, мы считали его просто смешным".

Побеспокойтесь и о том, чтобы имя не вызывало неприятных ассоциаций. Выбор имени - дело весьма ответственное, хотя и кажется довольно простым. Не забывайте еще вот о чем: у каждого из нас есть свое, личное представление о красоте и свои вкусы. Однако, выбирая имя, нельзя считаться только с собственным вкусом, ведь носить имя будете не вы, а судить о нем - не только вы [Из книги Б. Ю. Хигира "Имя человека, его характер и судьба"].

В основном главный критерий при выборе имени - нравится - не нравится. Существуют еще семейные традиции. В давние годы принято было называть детей по имени отца, деда, бабушки. Выбирая имя для ребенка, следует также считаться с его отчеством и фамилией, чтобы не появлялись Шехерезады Степановны или Раули Магомедовичи.

*«Имя твое - птица в руке,
Имя твое - льдинка на языке.
Одно-единственное движение губ...
Мячик, пойманный на лету,*

Серебряный бубенец во рту», - писала когда-то Марина Цветаева. Пусть же так звучат имена наших детей.

В кумыкской семье рождение ребенка всегда отмечалось как большое радостное событие, но рождение сына праздновалось особо торжественно. Многодетность рассматривалась как признак семейного благополучия, хотя семья и не любила говорить посторонним о своем численном составе, особенно о мужской ее части, из боязни «сглаза».

Еще перед тем, как отправить свадебный поезд в дом жениха, один из почетных гостей желал невесте иметь много сыновей и только одну дочь. В ответ на оказанную услугу пожилые люди также всегда говорили: «Чтобы твоя жена родила себе сына», а обращаясь к молодой женщине: «Чтобы ты родила сына, чтобы ты была сыта».

Существовало очень много основанных на суеверии обычаев, выполнение которых, по народным представлениям, должно было охранять мать и будущего ребенка от «дурного глаза». Очень многие приметы были связаны с частыми у беременных женщин прихотями в выборе пищи.

Женщины рожали дома с помощью повитухи - «аначы къатын». Муж роженицы в течение пяти-семи дней не должен был показываться жене. Он жил у своих родственников или уходил в поле. Присутствие матери при родах дочери не одобрялось. Как правило, она приходила только после благополучных ее родов. В каждом ауле имелись 3-4 женщины, обладавшие практическим опытом приема родов. Их приглашали на помощь с появлением у женщины первых признаков родов. Повитуха, принимавшая роды, считалась при этом как бы второй матерью родившихся и всегда пользовалась вниманием со стороны семьи, детей, которых она принимала. В семье принято было приглашать одну и ту же бабушку для приема детей, если при ней роды проходили удачно. Существовал обычай тщательно охранять комнату, где проходили роды, чтобы уберечь роженицу от влияния «вредоносных сил», «дурного глаза» и т. д. Считалось, что злая женщина может повредить роженице, если она принесет с собой золото и особенно ртуть (*гюне сув*).

Чтобы «предохранить» как ребенка, так и роженицу от «дурного глаза», к дверям, через которые проходили посетители, ставили что-нибудь железное, чаще всего лемех от плуга или топор [Гаджиева: 194-195].

После благополучного рождения ребенка в доме все оживлялось. Радостную весть сперва сообщали свекрови, а потом другим членам семьи. За это они делали добрым вестникам подарки. Принято было снимать с головы отца новорожденного папаху, которую он выкупал, давая какое-либо вознаграждение вестнику.

С появлением на свет ребенка в доме начинались приготовления к торжествам. Готовили в большом количестве горячую халву, бозбаш и другие кушанья. Поздравлять семью с рождением ребенка приходили все родственники, друзья и соседи. Всех посетителей приглашали к столу и угощали.

Примерно через неделю ребенка торжественно укладывали в люльку и нарекали ему имя. В этот день принято было посылать приглашения соседкам и родственницам, которые, как правило, приходили с подарками. Мужчины на этой церемонии не присутствовали (рождение ребенка, особенно сына, отмечалось ими отдельно). Имя, которое заранее семейный совет наметил дать ребенку, первым называла бабка - «аначы къатын». С ребенком на руках она занимала самое почетное место среди гостей. Бабка в первый раз укладывала ребенка в люльку, обращая на это внимание всех присутствующих.

К выбору имени для ребенка кумыки относились с особым вниманием. С рождением ребенка каждый предлагал имя, но принималось то, которое получало одобрение большинства и особенно нравилось старшим в семье, причем согласия матери на это не требовалось. По традиции, кумыки давали своим детям имена умерших предков, особенно родителей. Девочке, если мать умирала от родов или если отец девочки умер до ее рождения давали имя *Пашманханым* («госпожа печали»).

До 2-3-летнего возраста кумычки укладывали детей в люльку (*бешик*). Бешик представлял собой род маленькой, очень узкой деревянной скамеечки или кровати, поставленной на качающиеся полукруглые подставки. Сверху вдоль скамеечки, на высоте нескольких сантиметров, укреплялась круглая жердочка, к которой привязывались полосы из материи. Этими полосами ребенок с вытянутыми руками и ногами плотно привязывался к люльке. В люльку клали шерстяные матрасы, в которых делалось круглое отверстие для камышовой трубочки. Ребенка привязывали к люльке с таким расчетом, чтобы моча попадала в камышовую трубочку, не пачкая постель, и выводилась в особый горшочек, прикрепленный к люльке снизу [Гаджиева: 196-197].

Бешик до некоторой степени был неудобным «жилищем» ребенка. В бешике он не мог пошевелить даже пальцем, мать кормила его, подсаживаясь к люльке, затем качала, пока он не уснет. Женщина в бедной семье была настолько обременена работой, что не имела возможности в течение целого дня вынуть ребенка из бешика и развязывала его только два раза в день - утром и вечером. Женщины старшего поколения рассказывают, как они целыми днями сидели за ткацким станком, за шитьем, починкой одежды, обработкой кожи, шерсти, одновременно качая ногой люльку с плачущим ребенком. Только в крайнем случае, если младенец не успокаивался, его на время развязывали и вытаскивали из люльки.

Кумыки, как и все мусульмане мира, имянаречение проводят по одному и тому же сценарию: так, как это делал Пророк Мухаммед еще 14 веков назад. Процедура эта простая. Называется *гьакъикъ* «акика».

Проводить ее, как правило, доверяют специально приглашенному имаму или другому религиозно подкованному человеку. Но среди современных кумыков есть достаточно эрудированные молодые отцы, которые в состоянии сами провести обряд. Благо он не сложный.

Ребенка кладут на подушку лицом по направлению к Каабе – главной святыне всех мусульман в Мекке. В правое ухо ребенку произносят слова молитвы – азана и нашептывают его собственное имя и имя его отца, в левое ухо читают другую, но близкую по содержанию молитву – икамат. Мусульмане верят, что в день воскресения всех будут вызывать по тому имени, которое ему дали во время «акики». Тогда и станет известно, чем человек наполнил свое имя. Обессмертил он его или обесславил. Чего человек больше принес в мир под этим своим именем – светлого или темного, добра или зла. И в результате – достоин он награды или наказания.

Дают имя родители, а наполняет его содержанием сам человек. Право имянаречения первому ребенку давалось матери супруга, т.е. бабушке новорожденного по линии отца.

После всех ритуальных действий следует застолье. В давние времена счастливые родители должны были выставить на угощение одного барана, если родилась девочка, или двух баранов, если в семье появился мальчик. Сегодня это чаще традиционные угощения, выпечка, сладости.

Так делали наши предки, так делаем мы, так будут делать наши дети.

Желательно, чтобы сразу же после рождения ребёнка отец прочитал в правое ухо новорождённого аль-азан, а в левое – аль-икамат. Это сунна. В хадисе, переданном от Али, рассказывается: «Те, у кого родился ребёнок, пусть прочитают в правое ухо младенца аль-азан, а в левое – аль-икамат». Также, по свидетельству Ибн Аббаса, Пророк прочитал в правое ухо своего внука Хасана аль-азан, а в левое аль-икамат.

Смысл и тайна чтения аль-азана и аль-икамата в уши ребёнка заключается в следующем. Первыми словами, услышанными новорожденным в этом мире, будут слова возвеличивания и восхваления Аллаха и свидетельство пророческой миссии Его Посланника Мухаммада (мир ему и благословение), а так же призыв к служению Аллаху, к благочестию и добру.

Кроме того, слова свидетельства Единобожия (Ла илагъа илла лагъ) прогоняют проклятого шайтана, защищают ребёнка от его козней.

Следующим суннатом по случаю рождения ребенка является ат-Тахник. Он заключается в том, чтобы помассировать слева и справа десна младенца мякотью спелого финика. Если нет фиников, можно использовать любую сладость: мёд, конфеты, сахар. О желательности этого свидетельствует хадис, который передал Абу Муса: «Когда у меня родился сын, я привёл его к Пророку. Посланник Аллаха назвал его Ибрахимом и потёр его десны мякотью финика».

Возможно, смысл ат-тахник, состоит в том, чтобы дать почувствовать новорожденному в этой жизни первым не горечь, а сладость - сладость Жизни и Веры. Совершать этот ритуал, как и другие ритуалы, лучше доверить человеку Богобоязненному, честному, доброму. Тогда больше вероятности, что в ребенке укрепятся положительные качества, а дальнейшее поведение и характер ребёнка будут соответствовать Исламу.

Как известно, круг вопросов, связанных с продолжением потомства - один из самых важных в жизни человека. Когда девушка становится невестой, выходит замуж, люди, наряду с благословением и пожеланием удачи, дают ей в руки ребенка, выражая невесте свое пожелание видеть ее матерью.

Можно привести бесчисленное множество таких примеров из эпосов тюркских народов, но мы ограничимся упоминанием лишь одного из них. Так, из книги «Китаби Деде Коркут» мы узнаем, что по случаю

рождения детей в племенах устраивались пиры. Тех, у кого в семье был сын, усаживали в белый шатер, у кого дочь - в золотой.

После того, как женщина забеременеет, она начинает проявлять склонность к употреблению кислой и кисло-сладкой пищи. Эта особенность продолжает сохраняться в течение 5-6 месяцев, а иногда и дольше. Согласно верованию, если не дать в это время беременной женщине то, что она просит, ребенок в ее чреве грозит оказаться несовершенным. Вот почему люди, окружающие беременную женщину, желая, чтобы будущий ребенок был во всех отношениях совершенным, чтобы с самого начала предупредить появление каких бы то ни было нежелательных отклонений, обращались к помощи разного рода средств.

Следующие народные премудрости вызывают интерес именно в указанном аспекте. После того, как проявилась беременность женщины: 1) в дом, во двор в течение 6-ти месяцев нельзя приводить зайца, иначе новорожденный будет с заячьей губой; 2) если беременная посмотрела на рыбу или поела рыбное блюдо, ее будущий младенец поздно овладеет речью или же будет совершенно немым; 3) беременной женщине строго запрещалось смотреть на обезьяну; 4) если переступить через ноги беременной в момент, когда она спит, то ребенок родится хромым; 5) своим характером и внешностью ребенок будет похож на того человека, на кого смотрит мать; 6) если смотреть в зеркало, ребенок будет красивым; 7) если беременная поест гранат, ее ребенок будет красивым, айву - его щеки будут румяными, арбуз - будет питать холодное отношение к дому, к семье, став взрослым и т.д.

С целью не допустить рождения несовершенного ребенка, забеременевшая женщина все время старается быть приветливой и обходительной. Везде она старается задержать свой взгляд: на красивых цветах, на воде, небе, радующих душу красках. Вообще, при рождении ребенка люди пытались также определить его будущее по ряду физических признаков. Так, если лоб новорожденного покрыт волосами, считалось, что мальчик будет жестоким; если крупная голова - будет умным; если глаза желтые - мошенником; если на пупке родинка - ему сулили быть большим человеком. Вдобавок ко всему этому, если ребенок появился в нечетный день недели, то следующий ребенок в этой семье должен быть мальчиком. Если во время своего рождения ребенок поднимал ручки к ушам, то окружающие преисполнялись уверенности в том, что он будет известным человеком; если же они оставались на груди — умным чело-

веком; если двигались, словно отыскивая что-то, то у него в будущем будет недобрый нрав.

После отрезания пуповины, младенца купали. В воду при купании добавляли соль с той целью, чтобы ребенок впоследствии был правдивым, стоящим на своем слове, отличался смелостью и сообразительностью. Не напрасно, что даже в наше время, если кто-то проявляет малодушие, говорит неправду, ведет себя легкомысленно, то о нем говорят, что у него «нет соли», что он родился «без соли». Во время купания ребенка мать не приближается к нему. Напротив, младенца приносят к ней. Делается это для того, чтобы ребенок и в дальнейшем отзывался всегда на ее зов, уважал ее.

Если новорожденный бывает очень слаб, в мочке правого ушка у него прокалывают отверстие и вдевают серьгу, независимо от пола ребенка. Этот ритуал встречается в Азербайджане – в Шамахе и Нахичевани. Этого ребенка называли или *Дурсун* «пусть живет» или же присваивали ему имя отца или матери.

Когда у ребенка прорезываются первые зубки, дома из семи видов зерновых культур готовится еда и проводится обряд. Согласно верованию, благодаря этому зубы у младенца прорезаются быстрее и безболезненно. Тот, кто увидел первым прорезывающийся зуб малыша, делал ребенку подарок. Если первой увидела мама, она не говорила об этом никому. На вопрос, прорезался ли зубчик у малыша, она отвечала: «Не знаю».

Только после того, как ребенок достиг годовалого возраста, ему подрезают ногти, стригут волосы. Причем их не выбрасывают. Ногти обычно заворачиваются в лоскуток чистой материи, которую прятали в одну из щелей на стене дома или в полу. Хранят и первые остриженные волосы младенца. Голову ребенка брил дедушка. Первые остриженные волосы малыша взвешивали бумажными деньгами и на эту сумму делали садака.

Укладывая спать своих детей, кумычки пели им колыбельные песни – «бешик йырлар», «лайлалар», «къакъакълар». Каждая мать обычно сама сочиняла их, сообразно со своими желаниями, стремлениями, душевными переживаниями.

Во многих отношениях привлекательны колыбельные песни, имеющие исключительно важное значение в жизни ребенка. Песни являются не только средством усыпления ребенка, в них выражается и ряд серьезных целей, обусловленных реальными жизненными отношения-

ми. К примеру, стремление матери вырастить ребенка мужественным героем, достойным сыном своей Отчизны и народа. Эти обряды значительны и интересны тем, что в них проявляется человеческая солидарность, взаимопомощь, объединенность общим чувством, связанным с самым добрым и священным - рождением ребенка.

Приведем несколько строк из колыбельных песен (для мальчиков).

*Ат туягъын тай басар,
Дёрт де уланым бирге оьсер.
Терен харшны салырбыз,
Тойгъунча ашлыкъ алырбыз*

*Бийлеге, бийкелеге
Сизин къзакъ этмесмен.
Гюнлюк ишин ишлеме
Анагъыз да гетмесмен.*

*Ананг алсын алтын топ,
Сен сав болсанг, маллар кёп.*

*Гъамри оьзенде сув да кёп,
Башлы тюзде ер де кёп.
Барып сабан салырсан,
Арив къызны алырсан.*

Пожелание:

*Кисе-кисе дарай гийсин
уланым.
Къыналы къуйрукъ атгъа минсин
уланым,
Бир къолуна къыргъый алсын
уланым.
Ол къыргъыйны гъавгъа салсын
уланым,
Гъавалардан къазлар тутсун
уланым,
Къалалардан къызлар алсын
уланым,
Барындан да ажайын суйсюн
уланым*

- Биякъайны тирмени.
- Биякъай къайда барасан?
- Бал ашама бараман.
- Бал ашап къачан къайтасан?
- Къыш чыгъып яз болгъанда,
- Бала къазлар къаз болгъанда.

«Кар-кар» каркают вороны,
 Если сломают крыло, плетутся по земле.
 Над мельницей - желоба.
 - Чья эта мельница?
 - Биякая мельница.
 - Биякай, ты куда идешь?
 - Иду лакомиться медом.
 - Когда ты вернешься?
 - Когда пройдет зима и наступит весна,
 Когда гусята станут гусями».

Пожелание матери:

Яшым-яшым яшасын,
 Яз емишлер яшасын.
 Уллу болсун. уьй болсун.
 Уланыма той болсун!
 Мени уланым атлансын,
 Ат гөтермес тон гийсин,
 Тонуна дарай тишлесин.
 Шиша къалалар ишлесин,
 Сагъа хадиргюн тувсун
 Арбалар-атлар булан.
 Дагъыда хадиргюн тувсун
 Къаягент къаплар булан
 Сагъа хадир, сагъа алгъыш,
 Етмесин сагъа къаргъыш,
 Сагъа къаргъыш етмесин.
 Сенден девюр гетмесин!
 Хадир гюнлю, хас тонлу,
 Хас ягъалы акъ тонлу.
 Ягъаларына хан гюелер тиймесин,
 Сюймегенлер сени онгмасын.

«Дитя мое, дитя мое пусть
 здравствует,
 Пусть ест свежие фрукты,
 Пусть вырастет, пусть
 женится,
 Пусть состоится его свадьба
 Пусть сын мой сядет на коня.
 Пусть оденет шубу такую,
 Что и конь его еле поднимет,
 Пусть покроет свою шубу тафтой.
 Пусть дворцы светлые построит,
 Пусть к тебе придет счастье,
 Груженное на подводах
 и лошадях,
 И еще пусть придет счастье
 Полными каякентскими мешками.
 Счастья тебе, добрые пожелания тебе.
 Пусть тебя не настигнет
 проклятье.
 Пусть проклятье тебя не
 настигнет.
 Пусть тебя благополучие не
 покинет!
 Благоденствующий, одетый в шубу
 С воротником из дорогого меха.
 Воротник пусть моль не тронет,
 Кто тебя не любит, пусть счастья не увидит!» [Гаджиева:
 200].

Существует древний обычай называть детей именами ближайших родственников: отца, матери, деда, бабушки и т. д. Среди кумыков не принято давать ребенку имя человека, который жив. Однако этот обычай в последнее время нарушается.

Широко распространен обычай давать детям имена праотцов, пророков, известных людей. Считается, что заслуги и праведность великого человека помогают тому, кто носит его имя, идти по верному жизненному пути.

Не принято давать мужское имя женщине, а женское — мужчине.

У кумыков издавна существовал обычай давать имена в честь предков. Имена эти распространялись и на девочек, и на мальчиков. Честь и право дать своим детям имя отца или матери предоставлялась старшему сыну. Причем не имя живых деда или бабушки получает новорожденный, а нарицательные слова *абай*, *атай*, *агъай*, *инив*, *адаш*, которые уже стали и собственными именами.

В семье человека обычно называют словами, которые выражают то или иное родственное отношение. При обращении к матери дети, например, называют ее *анам* «(моя) мама», а своих отцов называют *атай* «отец». Обращаясь к бабушке, говорят *биби*, а к дедушке *абий*. Существуют также соответствующие формы в разговоре между братьями и сестрами. Младшие по возрасту сестры и братья в разговоре со старшей сестрой называют ее *анай*, а старшего брата — *агъай*, младшего — *инив*, не называя собственного имени или же добавляя термин родства к собственному имени.

Анализ этого явления показывает, что термины родства, которые употребляют люди в повседневной жизни, обращаясь друг к другу, не всегда выражают их истинные кровнородственные связи.

Обычай имянаречения в Дагестане был тесно связан с комплексом других обычаев, сопутствующих рождению ребенка. Вообще, рождение ребенка наряду с созданием новой семьи отмечалось очень широко. Оно было сопряжено с большим числом обычаев и обрядов, начиная от момента рождения ребенка, первого укладывания его в люльку, собственно имянаречения, первой стрижки, появления первых зубов, первого шага ребенка, достижения годовалого возраста. Каждому из перечисленных событий придавалось особое значение, оно отмечалось торжественно, с приглашением гостей, угощением, устройством увеселительных мероприятий. Иными словами, рождению нового человека кумыки традиционно придавали исключительно большое значение и широко его отмечали.

Имянаречение в традиционной системе других обычаев и обрядов было непосредственно связано с обрядом укладывания ребенка в колыбель, обычно на шестой-седьмой день после его рождения. По этому случаю устраивали торжество, резали жертвенного барана (*къурман мал*) и накрывали обильный праздничный стол. На ритуальное празднество приглашались родственники и соседи, которые приходили с подарками для новорожденного.

Между тем молодая мать пеленала ребенка в большой шелковый платок и передавала его свекрови. Свекровь либо, по её выбору, одна из женщин, известная своей добродетелью и благополучием, купала ребенка, а затем, уложив в люльку, пеленала его, выражая благопожелания (*алгыш*). Благопожелания произносили присутствующие при обряде женщины и старики, которых по окончании процедуры пеленания ожидали угощения и подарки.

Имя ребенку при укладывании в колыбель давали обычно дедушка, бабушка либо кто-нибудь из близких старших родственников. Дедушка, как правило, давал имя внуку, а бабушка - внучке. Второго ребенка могли наречь другие близкие родственники или друзья, в том числе и кто-либо, вошедший в комнату первым во время церемонии первого укладывания в колыбель.

Давая имя, обычно заботились о том, чтобы оно придавало ребенку соответствующие качества: мальчику - силу, мужество, высокое положение, девочке - красоту, счастье, нежность, благополучие, высокое положение. Последнее обстоятельство и обуславливает множество кумыкских имен, включающих элементы: *хан* «царь, владыка»; *бек* «вождь»; «могучий, сильный», *герей* «могучий», *мурза* «царевич», *ханум* «госпожа», которые изначального смыслового значения в имени не имеют, а носят вспомогательный характер, чтобы красиво завершить имя, но в то же время как бы возвышают носителя (носительницу) имени.

В традиционных многодетных семьях особое значение придавали рождению сыновей: сын - продолжатель рода, наследник и защитник семьи, родной земли, Отечества. Человек, первым сообщивший отцу или деду известие о рождении мальчика, получал весьма значительный подарок - *сююнчу*. Что касается рождения девочек, то к нему относились более сдержанно.

Существовала даже система имянаречений, которая призвана была ограничить рождение девочек в семьях, где рождались только девочки. К этой ограничительно-заклинательной системе относятся имена типа *Таманкъыз / Къызтаман* - «довольно девочек», *Улангерек* «нужен мальчик» и др. Этим же обстоятельством объясняют тот интересный факт, что женских имён у кумыков, карачаевцев и балкарцев почти вдвое меньше, чем мужских имён, хотя число женщин здесь во все времена, как и у других народов, было приблизительно равно числу мужчин. Кроме того, использовались имена-заклинания, которые призваны были прервать смерть рождавшихся мальчиков (например, *Къалсын* «пусть останется»,

Оьлмес «не умрет», *Тохтар* «останется, остановит смерть», *Къалыркъыз* «девочка не умрет, останется», *Къойсун* «пусть оставит» и т.д.).

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет заключить, что наречение детей именами предков представляет собой явление весьма распространенное. Существование обычая давать новорожденному имя умершего близкого родственника следует отметить у всех народностей Дагестана. Между тем, прослеживая, в связи с наследственными именами, различные формы обращения, бытующие среди местного населения, можно заметить, что обращение по родству к детям, получившим имена своих предков, в одном случае является более значимым и имеет гораздо более широкое распространение, вследствие чего термины обращения по родству затем становятся личными именами людей, а в другом — оно не только не выходит за пределы семьи, но и внутри нее имеет довольно узкое, дробное употребление, отражая реальное отношение родства этого лица лишь по отношению к говорящему. В этом случае термин родства не становится личным именем.

Давать новорожденному имя умершего близкого родственника связано и с тем вниманием, некоторым даже почтением, с которым родственники относятся к такому ребенку. Благодаря тому, что они заимствовали имена своих предков, последние бывают окружены в семье всеобщей заботой и вниманием. Таким образом, уважение к своим умершим родителям переносится и на ребенка, в честь которых он назван. Но это, однако, не распространяется на другого из супругов, который может считать себя не обязанным относиться в силу этого с уважением к своему сыну или дочери.

Следует подчеркнуть, что тюркское этническое мышление и поведение ярко проявляются в обрядах при наречении личного имени. Личное имя для тюрков является жизненно важным [Олонхо: 123, 131], и чем далее в глубь веков, тем более это заметно. «По древним народным представлениям имя обладает магической силой, якобы влияющей на всю судьбу человека, и поэтому выбору имени придавалось особое значение» [Манас кн. 1, 519, прим. 75].

Вопросу о наречении имени у тюркских народов уже в 1911 г. была посвящена программная статья А.Н.Самойловича, где сформулирована задача «произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа» [Самойлович 1911: 299]; имеются в виду имена всех тюркских народов. Для осуществления такого исследования требовались не только

полные алфавитные списки имен, мужских и женских, по отдельным народам, но также и подробные указания, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось или дается определенное имя. Дополнительно к этому необходимы не менее существенные сведения, через какое время после рождения нарекается имя и кем именно нарекается (родителями, родственниками или - в прежние времена - шаманом, муллой, должностным лицом, ханом). К сожалению, и к настоящему времени подобные сведения системно не собраны.

У тувинцев в сравнительно недавнем прошлом имя давалось ребенку по прошествии нескольких недель, месяцев или даже лет, а еще в XIX в. мальчик получал «мужское» имя в возрасте 10 и даже более лет; до этого его называли просто «мальчик», «сын» и т.п. [СЛИ: 305].

У якутов с целью предохранить новорожденного от болезни и смерти, обмануть «злых духов» вместо полученного при рождении имени (оно становилось запретным) давали прозвище, которое употреблялось как имя (чаще всего это были «некрасивые» слова) [СЛИ: 359]. Сходные обычаи наблюдаются у тувинцев [СЛИ: 305-306], каракалпаков, кумыков и других тюркских народов в случае тяжелой болезни ребенка.

У калмыков наречение новорожденных «плохими» именами (например, *Мекля* «лягушка», *Эн биш* «не этот», *Аркинчи* «пьяница», *Му* «плохой» *Мухара* «плохой черный», *Мучиря* «плохое лицо» [СЛИ РСФСР: 226, 227] также «связано с желанием родителей сохранить жизнь ребенку и ввести в заблуждение злых духов, чтобы ребенок не был ими замечен. Из суеверных же побуждений очень часто младенца-мальчика нарекали женским именем и наоборот» [СЛИ РСФСР: 227].

У нанайцев схожий обычай ситуативно обусловлен: «Если ребенок серьезно заболел, ему сразу же меняли имя, стараясь назвать его каким-нибудь неприятным словом, чтобы злые духи не захотели с ним связываться» [СЛИ РСФСР: 259].

В переходной обрядности ранней стадии у тюрков особое место отводилось собаке. По словам Ф. Ф. Илимбетова, «собака играла центральную роль в магических обрядах башкир, туркмен, чувашей, казанских татар, якутов». По-видимому, аналогичное положение можно было бы наблюдать и у некоторых народов Сибири. Так, у эвенков, которыми было принято, что «колыбель новорожденному должен делать чужой человек», существовал обычай, предписывавший: «В новую колыбель положи щенка, чтобы ребенок не болел» [Павлова: 294].

С самых незапамятных времен люди связывали имя человека с его внутренней сутью. Причем детишек никогда не называли просто так. С присвоением того или иного имени у наших предков было связано множество ритуалов. У индейцев, как известно, было два имени: ложное и истинное, которое скрывали, поскольку считалось, что узнавший его получает власть над судьбой человека, обретает способность распоряжаться его жизнью и смертью. В примитивных племенах имя служило отражением сразу всех сторон существования человека. Оно отвечало на вопрос, кто ты, какой ты, что ты умеешь, чем занимаешься и какое место занимаешь в племени. Новорожденному имя давалось по прошествии некоторого времени после появления на свет, когда проявлялась какая-нибудь характерная черта малыша. Подрастая, ребенок получал другое имя, а затем и третье. У каждого человека было как минимум два имени: детское и взрослое. Взрослое имя было связано с важнейшим ритуалом — посвящением — и отражало не только какие-то реальные успехи и способности подростка, но и означало переход в совершенно иной социальный статус.

В Японии до сих пор некоторые знатные и одаренные личности имеют до тридцати имен, сменяя их одно за другим, — по мере смены профессии художника, поэта, каллиграфа, воина и т. д.

Обретение имени — одно из важнейших событий в жизни любого черного африканца. По его убеждению, имя — пропуск в человеческий мир, своего рода удостоверение личности, если угодно, — путеводный знак. На западе Африки детей принято называют по дням недели, в которые они родились. В этом тоже сокрыт некий сакральный смысл, отчасти напоминающий астрологические прогнозы. По упомянутому признаку определяют, какой день недели или какая часть суток наиболее благоприятны носителю того или иного имени, а какие, напротив, грозят опасностью. Между прочим, бывший Генеральный секретарь ООН, ганец по происхождению, Кофи Аннан родился в пятницу, на что указывает его имя. У кумыков из названий недель встречается только *Жума* «пятница» и *Хамис* «четверг».

У йоруба на западе Нигерии ритуал наречения календарно строго регламентирован. Для мальчиков он проводится на седьмой день рождения, для девочек — на девятый, а для разнополых близнецов — на восьмой. До этого момента ни мать, ни ребенок не покидают помещения, где прошли роды. В начале обряда ребенка показывают родственникам. На крышу хижины выплескивают кувшин воды, а самая старшая

из женщин подставляет младенца под льющиеся сверху струи. Под его плач и одобрительные возгласы зрителей подносятся подарки. В этот момент обычно закалывают быка, а если семья победнее, довольствуются отрезанием головы курице.

Затем наступает самый важный момент: местный оракул предсказывает будущее новорожденному и в соответствии с этим дает ему имя. Причем не одно, а сразу три или четыре, чтобы вложить в них побольше пожеланий, гарантирующих ясное и счастливое будущее. В самом первом имени обычно запечатлеваются обстоятельства рождения нового члена общины, подчас достаточно интимные.

В арабских странах существует другая традиция. С первого до третьего дня после рождения мальчика, как правило, носят имя Мухаммед, в честь пророка, основателя мусульманской религии. По истечении этого срока родители могут оставить новорожденному это имя или заменить его на новое. Девочки в течение первых трёх дней после рождения обычно носят имя Фатима — в честь дочери пророка Мухаммеда (от её внуков, детей сыновей — аль-Хасана и аль-Хусейна, — происходят все многочисленные в мусульманском мире потомки «семьи пророка»). По истечении этого срока (обычно через неделю) родители могут заменить его другим или оставить новорожденному это имя.

Вместе с тем в некоторых арабских странах существуют собственные обычаи присвоения имени ребёнку. Так, в Египте ещё со времён фараонов существует праздник «субуа мавлуд» («седьмой день со дня рождения ребёнка»). Подготовка к нему ведётся в течение всей недели под руководством матери и женщины, оказывавшей помощь во время родов (закупаются сладости, свечи, подарки). Если родился мальчик, то берут красивый «ибрик» (то есть кувшин — слово мужского рода), а если девочка, то — «кулля» (тоже кувшин, но женского рода). В них ставятся семь свечей, на каждой из которых написано то или иное имя собственное. Ребёнок получает то имя, которое написано на последней догоревшей свече (чтобы жизнь его была долгой).

В Мавритании этот обычай несколько изменён. Вместо свечей в этой стране берут три одинаковые деревянные палочки и на каждой пишут имя близкого родственника. Затем палочки подносят матери, которая наугад вытаскивает одну: написанное на ней имя присваивается ребёнку.

Как и все на свете, имена имеют свою историю. Они возникают, изменяются, исчезают. С приходом Советской власти в 1917 году тради-

ция именованья снова изменилась, но изменения коснулись скорее порядка присвоения имени. Система именника и его мусульманская основа все же сохранились, хотя строгого соответствия имени «святого», упоминаемого в определенный день, и имени ребенка, рожденного в этот день, уже не было. Правда, в 20-30-е годы XX века была предпринята попытка изменить и систему антропонимикона: в него стали включаться так называемые «новые модные» имена, которые давали на октябринах – торжественной церемонии наречения именем нового члена нового общества. Весьма распространенными у некоторых народов были *Вилор* (Владимир Ильич Ленин, Октябрьская революция), *Владлен* (Владимир Ленин), *Октябрь* и подобные. Во многих календарях того времени предлагались новые имена, чтобы люди выбрали «правильное» имя.

Как сейчас быть тем, кого родители в идеологическом ударе «наградили» такими именами как *Пятилетка*, *Ленин*, *Сталина*, *Трактор*, *Даздраперма* («ДА ЗДРАВствует ПЕРвое МАя!»)? Узбеки, несмотря на сильное влияние ислама и коммунистической идеологии, давали имена *Октябрь*, *Октябрьжон*, *Совет*, *Совхозбек*, *Фидель* и т.д.). Подменили культуру, подменив по древним магическим понятиям самое сокровенное – наши имена. Вообще же, в истории имен дивных и чуждых национальному духу было немало. Вспомним лезгинские имена *Ленин*, *Сталин*, *Маркс*, *Энгельс*, *Мельс* (сокр. от *Маркс*, *Энгельс*, *Ленин*, *Сталин*), *Трактор*, *Победа*, *Октябрь*, *Январат* и т.д. Необходимо отметить невосприимчивость кумыкского именника к онимам подобного характера. Кумыкский именник в отличие от узбекского или лезгинского не отразил внешние события, которые происходили в стране в те годы.

После кемалистской революции перемены у турок произошли и в той области лингвистики: у турок появились фамилии. Закон об их введении был принят в 1934 г. и вступил в силу с 1 января 1935 г. До этой реформы турок имел только имя. Большинство имен было арабского происхождения и пришло вместе с исламом – *Али*, *Хасан*, *Хюсейн*, *Ибрагим*, *Кемаль*, *Мустафа*, *Осман*, *Зия*. Были и иранские, проникшие в турецкую антропонимию через влияние персидской литературы, – *Ферхад*, *Рюстем*, *Рушен*, *Нежат*, *Пертев*. Чисто турецких оставалось мало – *Орхан*, *Яшар*, *Дурсун*, *Эртогрул*, *Демир*.

Отсутствие фамилий вносило большую путаницу в работу почты, в дела администрации, учета и т. п. Тем более, что самыми распространенными, особенно у крестьян, были три-четыре арабских имени – *Мехмед* – сокращенный вариант имени основателя ислама, пророка Мухам-

меда. Это имя настолько широко распространилось в Турции в крестьянской среде, что турки прозвали своих солдат (а это те же крестьяне, только одетые в шинели) «меметчиками» (т. е. «мехмедками»). Правда, еще до кемалистской реформы турки, чтобы как-то разнообразить личную ономастику, не всегда ограничивались одним именем, иногда ребенку давали и второе. Чаще всего это было имя отца. Но вторые имена вошли в практику лишь у горожан, преимущественно у зажиточных и интеллигентных слоев городского населения. «Знатные» же семьи, потомственные аристократы сохраняли и название своего рода – *Кёпрюлюзаде*, *Караосманоглу*, *Чапаноглу* («заде», «оглу» означают «сын»). По сути, это были уже фамилии. Простой люд вместе с именем употреблял и название профессии или рода занятий того или иного лица, чтобы отличить его от других тезок: *Бахчиван Мехмед* (Садовник Мехмед), *Балыкчи Мехмед* (Рыбак Мехмед), *Сарадж Мехмед* (Шорник Мехмед)... Нередки были и прозвища, их тоже ставили перед личным именем: *Топал Ахмед* (Хромой Ахмед), *Чолак Ахмед* (Однорукий Ахмед), *Кёсе Ахмед* (Безбородый Ахмед)... В деревнях эти прозвища, по существу, тоже стали фамилиями, передаваясь и детям: *Топалоглу Ихсан* (Ихсан, сын Хромого), *Чолакоглу Сюлейман* (Сулейман, сын Однорукого). Многие прозвища были неприличны, даже оскорбительны, что, конечно, не нравилось их обладателям, так же как и их детям.

Кемалисты решили упорядочить стихийное возникновение фамилий. Были составлены официальные рекомендательные списки, содержащие сконструированные на основе тюркских корней фамилии, из которых каждый гражданин Турецкой Республики мог выбрать себе понравившуюся. Впрочем, фамилию можно было придумать и самому. Но многие турки не очень-то ломали голову над выбором фамилии. И вот теперь в турецких деревнях и провинциальных городах полным-полно одинаковых фамилий, взятых из рекомендательных списков: *Озтюрк* (Настоящий турок), *Коджатюрк* (Большой турок), *Шентюрк* (Веселый турок), *Четинтюрк* (Суровый турок) или *Акджан* (Светлая душа), *Акалын* (Светлый лоб), *Акйол* (Светлый путь)...

Бывшие аристократы сохранили, как правило, свои родовые фамилии. Так, известный турецкий историк *Мехмед Фуад Кёпрюлюзаде*, происходивший из рода османских везиров, взял фамилию *Кёпрюлю*, отбросив персидское окончание «заде». Ремесленники, торговцы сделали фамилиями названия своих занятий, поставив их после имени: *Мехмед Балыкчи*, *Юсуф Баккал* (*баккал* – бакалейщик)...

Среди интеллигенции, офицерства фамилии чаще изобретались. Так, писатель взял фамилию *Язар* (Пишущий), врач – *Джанкуртаран* (Исцелитель), летчик – *Учанэр* (Летающий), чиновник – *Юрдакул* (Слуга страны). Брала фамилии и по наименованиям тюркских племен – *Сельчук*, *Тюркмен*, *Казак*, *Уйгур*.

Кроме введения на европейский лад фамилий кемалисты рекомендовали давать детям тюркские имена и избегать арабских, связанных с мусульманской религией. Однако это не вызвало положительного отклика: крестьяне, жители провинциальных городов, да нередко и столицы, продолжают и поныне нарекать детей традиционными мусульманскими именами. Тюркские имена, как старые, так и новообразованные, имеют наибольшее хождение среди интеллигенции. Из новых самые модные – *Эрол* (Будь мужчиной), *Эрсин* (Ты мужчина).

Теперь турецкий антропоним состоит обычно, особенно у интеллигенции, из трех компонентов – двух имен и фамилии, например, *Юсуф Бекир Акалын*, *Али Нихад Озтюрк*.

Специальным указом Великое национальное собрание Турции присвоило *Мустафе Кемаль-паше* фамилию *Ататюрк* (Отец турок), признав тем самым его выдающиеся заслуги перед турецкой нацией.

Турецкий парламент принял также закон, отменяющий все феодальные и религиозные титулы, прежние формы обращения – *паша* (генерал, высший сановник), *хазретлери* (его превосходительство), *бей* (вождь племени, князь, господин), *шейх* (глава религиозной секты), *эфенди* (сударь), *ханым* (сударыня). Были введены единые новые обращения: *бай* (господни), *баян* (госпожа), которые употребляются с фамилией: *бай Акйол*, *баян Акйол*.

Однако и слова «бей», «эфенди» сохранились в живом общении. Они употребляются с именем и ставятся после, него. Больше того, в Турции образовалась целая иерархия обращений. Их употребление зависит непосредственно от социального положения человека, к которому обращаешься, от его звания».

*Один из нас – Ахмед-бей,
другой – Ахмед-эфенди,
А есть еще Ахмед-ага
и даже Ахмед-бей-эфенди, –*

иронически писал турецкий поэт Орхан Вели Канык, выстраивая четырех тезок – Ахмедов на разных ступеньках социальной лестницы.

Эфенди – это мелкая сошка – писарь, секретарь, но обычно человек грамотный, получивший хоть небольшое, но все же образование. *Бей* – уже рангом повыше: это инженер, врач, адвокат, офицер, чиновник средней руки, небогатый предприниматель. *Ага* – это туз, денежный мешок, деревенский кулак или городской нуворищ, разбогатевший, но еще «не причесанный» культурой, грубоватый и часто невежественный. «Ага» имеет еще и патриархальный оттенок: в народе, особенно в деревнях, со словом «ага» обращаются не только к богатым, но и к уважаемым односельчанам, старикам... Обращение «*бей-эфенди*» – для высшего класса. Так величают богатого помещика, крупного фабриканта, компрадора с изысканными манерами, банкира, сановника – министра, посла или генерала.

Слово *паша* (в официальном языке его заменило европейское нововведение «генерал») сохранилось в фамильярном обращении между друзьями, оно имеет иронично-ласковый оттенок: *пашам* – «мой генерал». Кстати, подобных обращений у турок (и других тюркоязычных народов) очень много: *жаным* «душа моя», *ики гёзюм* «свет очей моих», *танам* «мой бычок», *кьозум* «мой ягненок» и др.. Последнее приблизительно соответствует русскому «голубчик».

Особенности познавательного опыта конкретного этноса, черты материальной и духовной культуры нации воплощаются и в антропонимических единицах. Безусловно, не все антропонимические единицы в равной мере культурологически значимы, и поэтому мы обратили внимание на национально-культурную ценность отдельных групп антропонимических единиц. Предметная сфера, отраженная в кумыкском антропонимиконе, охватывает лишь те объекты действительности, те связи и отношения, которые наиболее ярко видел древний кумык. Мир антропонимических единиц, отраженный в виде определенной системы, представляет собой наивную картину антропонимического мира данного этноса. Имена совмещают в себе лингвистическое и экстралингвистическое, знаковое и культурное значения, то есть в абсолютном большинстве являются лингвокультурами.

В «добрые старые времена», как нам сейчас кажется, все было гораздо проще. Тогда вряд ли супружеские пары думали о том, когда зачать ребенка и как спланировать пол ребенка. Дети просто рождались. Тогда родители не долго ломали голову над подходящим именем для ребенка. Древние римляне попросту пересчитывали детей. Так, первого сына нарекали *Primus*, второго *Secundus*, третьего *Tertius* и так далее. Что

касается имянаречения девочек, то об этом достоверной информации нет. Возможно, рождение девочек было ничем не примечательным событием. Собственно, цена им была лишь откуп или приданое. Патриархальные традиции распространены и у народов исламского мира.

С этническими традициями тюрков тесно связано их традиционно-патриархальное самосознание, которое проявляется в обостренном чувстве племенной сплоченности, в уважительной памяти к самым далеким своим предкам и соответственно - к их именам. Традиционно-патриархальным самосознанием тюрков обусловлены разветвленная система родства, соответственно система терминов родства и вместе с тем проникновение в тюркскую антропонию целого ряда таких терминов, закрепление их там на многие века. См. антропонимические единицы, восходящие к названиям родственников; старших и младших: *Ата* «отец», *Ана* «мать», *Биби* «сестра», *Агъай* «старший брат», *Инив* «младший брат» и т.п. [Подробно о личных именах кумыков, образованных от терминов родства см.: Таймасханова 1985: 127-134].

Кумыкская антропонимия в основном ориентирована на выполнение дескриптивной и харизматической функций. Эти функции проявляются в мотивах имянаречения:

1) имена, возникшие в связи с эстетическими представлениями: *Марал* «лань», *Лала* «тюльпан», *Чечек* «цветок», *Арив* «красивая», *Гёзел* «прекрасная»;

2) имена, связанные с нравственными качествами: *Камил* «умный, совершенный», *Алим* «ученый», *Илму* «наука»;

3) имена, связанные с историческими лицами: *Уллубий*, *Магъач*, *Тимурлан* и др.;

4) имена, принадлежащие фольклорным и литературным персонажам: *Лейла*, *Манас*, *Мажнун* и др.;

5) имена, возникшие под влиянием традиций: *Навруз*, *Къурбан* - религиозные праздники; *Къызтаман*, *Улангерек* - с древних времен среди кумыков существовала традиция, по которой в семье, где рождались только девочки, последнюю называли этими именами, которые означают «достаточно, хватит; нужен»;

6) личные имена - названия явлений природы: *Боран* (метель), *Боранбий*;

7) Оттопонимические: *Эльбрус*, *Казбек*, *Макка*, *Мадина* и др.

К проявлению магии имён относится широко распространенный поныне обычай утаивания имени. Муж в семье и обществе не называл имени жены. Точно так же жена ни в семье, ни в обществе не называла мужа по имени. Имя утаивалось в разговоре с другими людьми и в отсутствие жены или мужа.

Обращаясь к детям, мать чаще всего говорила о муже: *атагъыз* («ваш отец»), отец в присутствии детей говорил о супруге не иначе как *анагъыз* («ваша мать»). В третьем лице говорили: *яшланы атасы* («отец детей»), *яшланы анасы* («мать детей»). Ещё более жестко табуировалось имя мужа или жены в присутствии отца, матери, свекра и свекрови. Для них муж и жена обозначали друг друга предельно лаконично: *ол* («он, она»), *бу* («этот, эта»), *бу гиши* («этот мужчина»). Муж называла жену *уьйдеги зат* (букв. «домашняя вещь»), *эв* (возможно, междометие), а в некоторых селах *ажай*, *ажайым*. Последние два названия, видимо, объясняются тем, что дети так называли свою мать. Никаких разночтений в смысле адресности быть не могло.

Как рассказывает профессор Н.Х. Ольмесов, в селении Ишарты Буйнакского района муж с женой в лесу искали корову и потеряли друг друга. Даже в этих условиях жена не отменяла себе табу на имя мужа: она во весь лес звала мужа *обзю* «сам».

Невестка скрывала, как правило, не только имя мужа, но и свекра, (*атабыз* – «наш отец» либо *атай* – «папа, отец»), свекрови (*анабыз* – *наша мать*, *анай* – «мама, мать»). В современных семьях иногда используют слова *папа*, *мама*. Иначе говоря, невестка называла свекра и свекровь точно так же, как называл их её муж. Более того, в первый период замужества она не разговаривала со свекром и при свекре вообще.

Скрывание имен невесткой относилось и к старшим братьям мужа (говорят, обычно, *отец такого-то*), людям, носившим имена свекра, мужа и т. д.

Этот народный обычай, который во многих современных «окультуренных» семьях уже не соблюдается, уходит корнями в глубокую древность. Он связан с обычаем утаивания имён, наиболее значимых объектов древней духовной культуры. Наши предки утаивали имена некоторых богов, тотемных животных и т. д.

Таким образом, устаревший обычай сокрытия имени, относившийся, кстати говоря, только к старшим в семье и в роду, являлся не проявлением некоей отсталости и низкой культуры, как нам внушали многие годы, но напротив, выказыванием особого почтения и уважения

к тем, чьи имена скрывали. Это, скорее, элемент очень высокой культуры общения наших предков.

Хорошая книга об именах могла бы стать психологическим портретом каждого отдельного народа-племени, но, вторгаясь в африканскую антропонимику, легко и обжечься. В Нигерии и многих других районах континента исстари считается, что, услышав имя человека, колдуны могут наслать на него порчу. По этой причине африканцы крайне редко зовут друг друга по имени, очутившись в излюбленных, как считается, обиталищах духов: в сумрачных чащах, на болотах, реках или у водопадов. На произнесение имени больного обычно накладывается табу — это может его погубить. В народе конго этот запрет касается, прежде всего, людей с кровоточащей раной.

В памяти приходится держать множество ухищрений. Так, у зулусов и коса, если мужа зовут у-Мпака (животное из семейства кошачьих), то жена должна называть этого зверя другим именем. Кроме того, ей запрещено даже в мыслях произносить имена свекра и других родственников мужского пола по восходящей линии. Мужчины тоже не имеют права произносить имена тещ, а они — их имена.

В Древнем Египте личное имя тщательно оберегалось. Египтяне имели «малое» имя, известное всем, и «большое», которое считалось истинным: оно хранилось в тайне и произносилось лишь во время важных обрядов. Особым почтением пользовались имена фараонов - в текстах их выделяли специальным картушем. С огромным уважением египтяне относились к именам умерших - неправильное обращение с ними наносило непоправимый вред потустороннему бытию. Имя и его носитель составляли одно целое: характерен египетский миф, по которому бог Ра скрывал свое имя, но богине Исиде удалось-таки его выведать, вскрыв ему грудь - имя буквальным образом оказалось внутри тела!

Издавна изменение имени соответствовало изменению человеческой сути. Новые имена давались подросткам при инициации, т. е. при вступлении во взрослые члены общины. В Китае до сих пор существуют детские «молочные» имена, от которых отказываются с возмужанием. В античной Греции новоиспеченные жрецы, отрекаясь от старых имен, вырезали их на металлических дощечках и топили в море. Отзвуки этих представлений можно увидеть в христианской традиции наречения иноческими именами, когда принявший постриг оставляет мир и свое мирское имя.

Первобытный человек считал свое имя существенной частью самого себя и проявляет о нем надлежащую заботу. Североамериканский индеец, к примеру, относится к своему имени не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела (подобно глазам или зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-нибудь телесному органу. Такого же мнения придерживаются многочисленные племена, занимающие пространство от Атлантического океана до Тихого. С этим обычаем связано большое число любопытных правил, относящихся к сокрытию или изменению собственных имен.

На старости лет некоторые эскимосы выбирают себе новое имя, надеясь с его помощью обрести новые силы. Туземцы племени толампу на острове Целебес верят, что, записав имя человека, вы можете вместе с ним унести и его душу. Многие из современных первобытных людей считают имена существенной частью самих себя и прилагают много усилий, чтобы скрыть свои подлинные имена и тем самым не дать в руки злоумышленников оружие против себя.

Австралийские аборигены нередко держат личные имена в тайне от всех из боязни, «что, узнав ваше имя, враг может магическим путем использовать его вам во вред». «Австралийский абориген, – по словам другого автора, – всегда очень неохотно называет свое настоящее имя. Это нежелание, несомненно, объясняется страхом перед тем, что, овладев именем, колдун может ему навредить».

У племен Центральной Австралии каждый мужчина, женщина и ребенок кроме имени, употребляемого в обиходе, имеет тайное или священное имя, которое присваивается ему старейшинами сразу же или вскоре после рождения. Оно известно только членам группы, имеющим полное посвящение. Упоминается это тайное имя лишь в наиболее торжественных случаях. Произнесение его при женщинах или мужчинах из другого клана расценивается как серьезнейшее нарушение племенного этикета (в нашем понимании к нему можно приравнять разве что случаи самого вопиющего святотатства). Во всяком случае имя произносится только шепотом и лишь после того, как приняты все меры предосторожности, чтобы никто из посторонних не смог его подслушать. «Туземцы не сомневаются, что, узнав их тайные имена, иноплеменник получит благоприятную возможность нанести им вред путем магии».

Тот же страх, по-видимому, породил сходный обычай у древних египтян, чей сравнительно высокий уровень цивилизации странным об-

разом уживался с пережитками самой грубой дикости. У каждого египтянина было два имени: истинное и доброе или, иначе, большое и малое. Доброе, или малое, имя было известно всем, истинное же, или большое, имя египтяне держали в глубокой тайне.

Ребенок из касты брахманов также получает при рождении два имени: имя для повседневного обихода и имя тайное (оно должно быть известно только его отцу и матери). Последнее имя произносят только при совершении обрядов, например обряда бракосочетания. Обычай этот направлен на защиту человека от магии: ведь чары становятся действительными лишь в сочетании с подлинным именем.

Свои имена держат в тайне и индейцы-чилоте, они не любят, когда их имена произносят в полный голос. Ведь на материке и на прилегающих островах их могут услышать феи и черти. Зная имена, они не замедлят чем-нибудь навредить людям, но эти злокозненные духи бессильны, пока им неизвестны имена.

Арауканец едва ли откроет свое имя чужестранцу из боязни, что последний приобретет сверхъестественное влияние на него. Если человек, несведущий в предрассудках этого племени, все-таки спросит арауканца о его имени, тот ответит: «У меня его нет». Если тот же вопрос задать оджибве, он посмотрит на одного из присутствующих и попросит ответить за него. «Такое нежелание проистекает из усвоенного в детстве мнения, согласно которому повторение личных имен мешает росту и они останутся малорослыми, Многие пришельцы поэтому воображали, что у индейцев либо совсем нет имен, либо они их позабыли».

Фактом (как бы его ни объясняли) остается то, что дикарь испытывает сильнейшее отвращение к произнесению своего имени и в то же время ничего не имеет против того, чтобы его произносили другие люди. Более того, чтобы удовлетворить любопытство настойчивого чужестранца, он сам предлагает им сделать это вместо него.

В некоторых районах острова Мадагаскар сообщение имени его носителем является для него табу, но входит в обязанность кого-нибудь из сопровождающих его лиц или рабов. Та же любопытная непоследовательность отмечена у некоторых племен американских индейцев. Один автор пишет, что «для американского индейца имя является вещью священной и владелец не должен необдуманно разглашать его. Попросите воина любого племени назвать свое имя ваш вопрос встретит либо прямой отказ, либо вам дипломатично дадут понять, что неясен смысл вопроса. Но лишь успеет подойти кто-то из друзей, как спрошенный

индеец прошепчет нужный ответ ему на ухо. Друг имеет право назвать его имя, узнав в обмен на эту любезность имя человека, который задал вопрос». Это общее правило приложимо, в частности, к индейцам Британской Колумбии, относительно которых известно, что «одним из наиболее странных предрассудков, которыми буквально пропитаны все эти племена, является нежелание индейцев называть свои имена. Вы никогда не сможете узнать действительное имя человека от него самого; но имена своих соплеменников индейцы сообщают без каких-либо колебаний». Тот же этикет остается в силе на островах восточной части Индийского океана. Общим правилом здесь является не произносить собственное имя. Вопрос: «Как вас зовут?»-является здесь крайне не деликатным. Если об имени туземца осведомятся административные или судебные инстанции, тот вместо ответа знаком покажет на товарища или прямо скажет: «Спросите его». Это суеверие распространено по всей без исключения Ост-Индии и встречается в племенах моту и моту-моту, у папуасов Северной Новой Гвинеи, у нумфоров Голландской Новой Гвинеи и меланезийцев архипелага Бисмарка. В Южной Африке местные жители никогда не называют своих имен, если кто-то может сделать это за них, но в случае крайней нужды и сами не отказываются их сообщить.

В некоторых случаях запрет, накладываемый на произнесение имен людей, не имеет постоянного характера, а зависит от обстоятельств и с их изменением утрачивает силу. Так, когда воины племени найди совершают набег, оставшимся дома соплеменникам не разрешается называть их по именам; воинов следует называть именами птиц. Стоит ребенку забыться и назвать кого-нибудь из ушедших по имени, мать выберит и предостережет его: «Не говори о птицах, летающих в небе».

Когда негр племени бангала с Верхнего Конго рыбачит или возвращается с уловом, имя его временно находится под запретом. Все зовут рыбака *mwele* независимо от того, каково его настоящее имя. Делается это потому, что река изобилует духами, которые, услышав настоящее имя рыбака, могут воспользоваться им для того, чтобы помешать ему возвратиться с хорошим уловом. Даже после того как улов выгружен на берег, покупатели продолжают звать рыбака *mwele*. Ведь духи – стоит им услышать его настоящее имя – запомнят его и либо расквитаются с ним на следующий день, либо так испортят уже пойманную рыбу, что он мало за нее выручит. Поэтому рыбак вправе получить крупный штраф со всякого, кто назовет его по имени, или заставить этого

легкомысленного болтуна закупить весь улов по высокой цене. чтобы восстановить удачу на промысле.

Когда воины племени сулка в Новой Британии находятся близко от земли своих врагов гактеев, они тщательно следят за тем, чтобы не произносить вражеских имен. В противном случае враги нападут на них и всех перебьют. Поэтому при подобных обстоятельствах воины сулка именуют гактеев *o larsiek* (что значит «гнилые стволы деревьев»), полагая, что от этого руки и ноги ненавистных врагов станут тяжеловесными и неуклюжими, как бревна. Этот пример хорошо иллюстрирует крайне материалистическое воззрение сулка на природу слова: им кажется, что выражение, означающее неуклюжесть, будучи произнесено, гомеопатически поразит неуклюжестью члены их отдаленных врагов.

Другой пример курьезного заблуждения такого рода мы находим у кафров. Начинаящего вора, по их мнению, можно исправить, достаточно только выкрикнуть его имя над кипящим котлом с целебной водой, прикрыть котел крышкой и на несколько дней оставить имя вора в воде. При этом нет ни малейшей необходимости, чтобы о манипуляциях, которые проделывают над его именем, был осведомлен сам вор. Нравственное возрождение ему и так обеспечено.

Альфурь в районе Посо на острове Целебес ни в коем случае не станут произносить свои имена. Поэтому, если вы желаете узнать чье-то имя, вам следует обратиться не к самому этому человеку, а к его соплеменникам. Если это не представляется возможным, например, если поблизости никого нет, вам надлежит осведомиться об имени его ребенка и обращаться к нему: «Отец такого-то». Впрочем, альфурь неохотно называют даже имена детей: если у ребенка есть племянник или племянница, к нему применяется термин «дядя такого-то» или «тетя такой-то». В традиционном малайском обществе у человека никогда не спрашивают, какое у него имя. Чтобы избежать употребления родительских имен родители зовут именами детей. Автор данного сообщения добавляет, что людей бездетных называют именами младших братьев.

У даяков внутренних областей Борнео детей, достигших возмужания, зовут, в зависимости от пола, отцом или матерью ребенка младшего брата или ребенка сестры отца или матери, то есть его двоюродных братьев и сестер. У кафров считается неучтивым называть невесту ее настоящим именем. Даже если она только что помолвлена и не является еще ни женой, ни матерью, ее принято именовать «матерью такого-то». У племен нага (куки, земи и кача) в Ассаме после рождения ребенка ро-

дители перестают произносить свои имена и зовутся матерью и отцом такого-то. Бездетные пары фигурируют как «бездетный отец» и «бездетная мать».

Высказывалось предположение, что широко распространенный обычай называть отца именем ребенка берет начало из стремлений мужчин утвердить свое отцовство, чтобы с его помощью получить в отношении детей те права, которыми при материнском счете родства пользовалась мать. При этом, однако, не получает объяснения параллельный обычай (обычай называть мать именем ребенка), который, как правило, с ним сосуществует. Это объяснение тем более неприменимо к обычаю называть бездетных родителей матерью и отцом несуществующих детей, называть мужчин именами их младших братьев или употреблять применительно к детям термины «дядя или тетя такого-то», то есть звать их отцами и матерями собственных двоюродных братьев и сестер. Все эти обычаи находят простое и естественное объяснение, если предположить, что они проистекают из нежелания произносить подлинные имена лиц, с которыми говорят, или лиц, о которых идет речь. Это нежелание коренится отчасти в боязни привлечь внимание злых духов, а отчасти в страхе, как бы имя не попало в руки колдунов и те с его помощью не навредили его носителю.

Казалось бы, в общении с родственниками и друзьями сдержанность в употреблении Собственных имен должна исчезнуть или, по крайней мере, ослабеть. На самом же деле часто все как раз наоборот. С величайшей неукоснительностью это правило применяется именно к лицам, связанным самыми тесными кровнородственными узами и в особенности узами брака. Нередко таким лицам запрещается не только называть друг друга по имени, но и употреблять слова, имеющие с этими именами хотя бы один общий слог. Этот запрет относится, в частности, к мужьям и женам, к мужу и родителям жены, к жене и отцу мужа. Например, кафрская женщина не имеет права публично произносить имена, данные при рождении ее мужу или кому-то из его братьев, а также употреблять запретные слова в их обычном значении. Если, к примеру, мужа ее зовут у-Мпака (от слова *ипрака*, небольшое животное из семейства кошачьих), то она должна называть это животное другим именем. Кафрской женщине, далее, запрещено даже про себя произносить имена своего свекра и всех родственников мужского пола по восходящей линии. Если ударный слог одного из этих имен встречается в каком-то другом слове, женщина должна заменить это слово или этот

слог. Благодаря этому обычаю в женской среде зародился как бы язык в языке, который кафры называют «женским наречием». Понять это «наречие» очень трудно: нет определенных правил образования эвфемизмов, а ввиду огромного числа таких слов невозможно составить их словарь. Даже в пределах одного племени может быть значительное число женщин, которые не имеют права использовать заменители, употребляемые другими женщинами, как и сами первоначальные слова. Мужчина-кафр со своей стороны не может произносить имя тещи, а она его имя. Ему, правда, не запрещают употреблять слова, в которых встречается ударный слог её имени.

Киргизка ни в коем случае не решится произнести имена старших родственников своего мужа или употребить слова, напоминающие их по звучанию. Если имя одного из родственников, к примеру, означает «пастух», она должна исключить из своей речи и слово «овца», заменив ее словом «блеющее животное». Если его имя происходит от слова «ягненок», она должна называть ягнят «молодыми блеющими животными».

В Южной Индии женщины верят, что произнести имя мужа даже во сне – значит стать причиной его безвременной кончины. Если приморский даяк произнесет имя тестя или тещи, это вызовет гнев духов. А так как он считает своим тестем и тещей не только отца и мать жены, но и отцов и матерей жен своих братьев и мужей своих сестер, а кроме того, отцов и матерей всех двоюродных братьев и сестер, то число табуированных имен может оказаться весьма значительным, вместе с чем возрастает и возможность ошибки. Путаница становится еще большей потому, что даяки нередко дают людям весьма употребительные имена, такие, например, как Луна, Мост, Кобра, Леопард. Если одно из таких имен носит кто-нибудь из многочисленных тестей и тещ даяка, соответствующее ходовое слово не должно слетать с его уст.

Альфурсы Минахассы на острове Целебес заходят еще дальше: они запрещают употреблять даже такие слова, которые по звучанию чем-то напоминают имена людей. Особый запрет накладывается в этой связи на имя тестя. Если того зовут, например, Капала, его зять не может называть лошадь обычным словом kawalo. Он обязан употреблять применительно к ней словосочетание «животное для верховой езды» (sasakajan). У альфура с острова Буру запрещается произносить имена своих родителей и родителей жены, а также обозначать предметы обихода словами, которые по звучанию похожи на эти имена. Если ваша теща, например, носит имя Далу, что означает («бетель»), вы не имеете

права просто попросить дать вам бетеля, а должны спросить растение, которое «делает рот красным». На том же острове существует табу на упоминание имени старшего брата в его присутствии. Нарушение этих запретов карается штрафом. На острове Сунда считается, что, если человек упомянет имя своего отца или матери, это погубит посев одной из возделываемых там культур.

У нумфоров (Голландская Новая Гвинея) родственникам по браку запрещается называть друг друга по имени. В число табуированных категорий родственников входят жена, теща, тесть, дяди и тети жены, братья и сестры ее деда и все члены семьи жены и мужа одного поколения с ними (есть одно исключение: мужчина может звать по имени своего шурина). Табу эти вступают в силу сразу же после помолвки, то есть еще до бракосочетания. Членам семей жениха и невесты запрещается называть друг друга по имени и даже смотреть друг на друга. При их нечаянных встречах это приводит к комическим сценам. Из употребления исключаются не только сами имена – слова, похожие на них по звучанию, также заменяются другими. Если кому-то из нумфоров по неосмотрительности случилось произнести запретное имя, он должен тут же упасть на пол со словами: «Я употребил запретное имя. Выбрасываю его в дверь, чтобы спокойно поесть».

Мужчина на островах в западной части Торрессова пролива никогда не употреблял личных имен тестя, тещи, шурина и свояченицы: те же запреты распространялись и на женщин. О шуринах разрешалось говорить как о брате или муже лица, которое не возбранялось называть по имени: свояченицу также можно было называть «женой такого-то». Если кому-нибудь из туземцев случалось произнести имя шурина, он от смущения опускал голову. Он переставал стыдиться лишь после того, как преподносил шурина подарок-компенсацию за употребление его имени всуе. Аналогичная компенсация за то, что кто-то случайно произнес их имена, полагалась свояченице, теще и тестю.

У обитателей полуострова Газели в Новой Британии произнесение имени шурина является тягчайшим преступлением, караемым смертью. На островах Банке в Меланезии на употребление имен родственников по браку налагаются очень строгие табу. Мужчине там нельзя называть по имени тестя, шурина, тем более тещу. Но за ним сохраняется право называть по имени свояченицу. Женщина не смеет назвать по имени отца мужа, не говоря уже о самом муже. Островитяне, чьи дети сочетались браком, лишаются права называть друг друга по имени. Им запрещает-

ся произносить не только сами имена, но и слова обыденного языка, которые либо напоминают их по звучанию, либо имеют общие слоги. Так, один туземец не осмеливался произнести слова «свинья» и «умереть», потому что они встречались в многосложном имени его зятя. Сообщают об одном несчастном, которого имя брата жены лишило возможности пользоваться такими словами, как «рука» и «горячий». Ему пришлось изъять из своего словаря даже число «один», которое являлось составной частью имени двоюродного брата его жены.

Нежелание произносить имена, даже слоги имен родственников по браку неотделимо от нежелания многих народов произносить личные имена, а также имена покойников, вождей и правителей. В последнем случае умолчание основывается на суеверии, но и в первом оно не имеет под собой более прочного основания. Нежелание первобытного человека произносить свое имя коренится, по крайней мере, отчасти, в суеверном страхе перед злом, которое враги (будь то люди или духи) могут ему причинить. Нам остается проанализировать этот обычай в отношении имен покойников и особ царской крови.

Читатель, у которого хватило терпения проследить за нашим изложением предрассудков, связанных с личными именами, вероятно, согласится с тем, что тайна, окружающая имена, - особ царского происхождения, не является каким-то исключительным явлением или выражением придворного раболепия. Она является не более как частным применением общего закона первобытного мышления, в сферу действия которого попадают простые смертные, боги, цари и жрецы.

Глава 2. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПЛАСТЫ КУМЬКСКОГО ИМЕННИКА

*«Не бесславьте самих себя:
не давайте друг другу унижительных прозвищ»*
Коран, сура 49: 11

Тезис о культурно-исторической ценности собственных имен не нуждается в доказательствах и представляется аксиоматичным для многих исследователей, занимающихся проблемами антропонимики. В антропологической картине того или иного народа воплощается характер культуры этого народа, отражается национальное самосознание, классовое мировоззрение и этико-эстетические нормы той или иной эпохи. Исследование имен позволяет выявить специфику репрезентации в имени духовной культуры народа.

Антропонимическая система кумыкского языка формировалась в течение длительного периода в своеобразных историко-географических и лингвистических условиях. Исторически сложившиеся этнические и этнокультурные контакты кумыков, как с соседними, так и с территориально отдаленными племенами, народностями и народами нашли непосредственное отражение и в системе личных имен кумыкского народа.

В кумыкском антропонимиконе можно выделить следующие этнолингвистические пласты:

1. Общеалтайские личные имена, Этот слой включает в себя очень древние имена - собственные и составные компоненты имен, характерные для большинства языков алтайской группы - тюркского, монгольского, тунгусско-маньчжурского. Есть некоторые общие с монгольским языком имена: *Пургъан* «святой», *Нугъай* «собака», *Сайыт* «знатный человек». Большинство имен общеалтайского пласта до сих пор широко используется в тюркской, в том числе кумыкской антропонимии, которые являются наиболее древними в системе кумыкских личных имен: *Алтын* «золото; золотой», *Арслан* «лев», *Чопан* «Венера» и др. В них наличествуют элементы древней лексики, относящиеся к алтайской эпохе.

В именах, связанных с названиями небесных светил, отразился тот исторический факт, что древние кумыки поклонялись Солнцу (*Гюнарив* «красивая как Солнце»), Луне (*Айдай* «лунеподобная», *Айбике* «госпожа луна»), звездам (*Чопан* «Венера», *Юлдуз* «Звезда», *Юлдузат* «звездное имя»).

«Звериные» имена *Арслан* «лев», *Къаплан* «тигр», *Бёрю* «волк» – это мифологемы, которые указывают на принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю – «зверю». «Звериные» имена у тюрков не были случайностью, они считали, что носители подобных имен будут иметь качества этих животных. Часто ребенка нарекали в честь тотемного животного племени или рода.

В китайских источниках латная кавалерия тюрков называлась *фули* «волки». Как было отмечено выше, волк был тотемным животным многих тюркских народов. Голова волка украшала знамена гуннов, тюркютов, половцев, золотоордынских ханов. Этот разряд личных имен очень продуктивен не только в кумыкском языке, но и во многих других тюркских языках. Пережитки культа волка фиксируются у карачаевцев, балкарцев, кумыков, татар, башкир и др.

Мужские имена этой группы выражают силу, отвагу, мужество, храбрость. Имена эти давались и даются из желания видеть детей мужественными, храбрыми, выносливыми, физически сильными.

2. Булгарские имена, возраст которых определяется по известному в исторических источниках упоминанию того, что в 149-127 гг. до н.э. «произошли большие смуты в цепи Кавказских гор, в земле булгар» [Лайпанов, Мизиев: 93]: *Манай* «большой, старший, великий», *Мантай* (*Манташ* ласкат.) «большой, неуклюжий», *Телекъай* от *теле* «целеустремленный» + *Акъай*), *Тункъатар* от *тун* «слава» + *къатар* («затвердеет, утвердится»), *Шамсувара* «грозный сувар», *Шамхал* «шавхал, верховный правитель», *Заза* (ласк. *Зазай*) «цветение» *Зазабике*, *Зазакъ* (диал. *Зазюк*) «цветок», *Папа* (ласк. *Папаш*, *Папуй*) «мать». *Алмасхан* от *Алмас* + *хан*.

Имя хана волжско-камских булгар, жившего в X веке. *Алып* «великан, исполин; богатырь». Это имя встречается в эпитафиях на надгробных камнях могил волжских булгар. *Чутай* «луч, сияние, свет». По мнению М. З. Закиева, в основе имени *Чутый* лежат слова *жау* + *ты* ~ *тый*, и оно означает «такой, от которого невозможно оторвать взгляд, ненаглядный».

3. Древнетюркские имена и их компоненты: *Ай* «луна», *Айбике* от *ай* «луна» + *бике* «княгиня», *Али* «герой», *Темир* «железо», *Бек* «князь», *Хан* «хан», *Бай* «богатый», *Болат* «сталь», *Гюмюш* «серебро», *Боран* «ураган», *Чора* «господин», «начальник». Древнетюркский пласт В. А. Гордлевский называл домусульманским [132]. Это наиболее древний слой антропонимов, возникших на базе названий древних божеств, космономии, названий природных явлений [см. также: Гусейнов, Мугумова 2004].

Многие слова и имена, общие для современных тюркских языков, имеют очень древнее происхождение. Прежде всего, это антропонимы, в основе которых лежат названия небесных тел и явлений природы. Среди них наиболее активными являются такие антрополексемы, как *ай* «луна», *гюн* «солнце». И в древности они широко использовались для обра-

зования имен собственных, и в настоящее время они довольно часто встречаются не только в составе кумыкских женских имен, но и в антропонимии других тюркских народов.

Некоторые имена, выражающие желание родителей видеть свою дочь красивой, обаятельной, также восходят к древнебулгарскому периоду *Аривай* от *арив* «красивая + *ай* «луна», *Аривзат* «красивая вещь, нечто» от *арив* «красивая» + *зат* «вещь, нечто», *Аривкъыз* «красивая девушка», *Гюнарив* «прекрасное солнце, день», *Жанарив* «красивая душа», *Мингарив* «тысячкратно красивая»

4. Старокумыкские имена. В кумыкском антропонимиконе немало онимов в основе которых лежат геофорные (перекликающиеся с различными топонимическими, географическими реалиями) имена: *Денгизбий* (*денгиз* «море» + *бий*», *Тавболат* (*тав* «гора» + *болат* «сталь») и др. «Морские» имена *Денгиз*, *Дерия*, *Денгизбий* репрезентируют и пространство, и время, это категория текучести и безбрежности, получившая метафизическую обработку еще в античности.

К старым собственно кумыкским именам относятся и дезидеративы: *Ольмес* «не умрет», *Къалсын* «пусть останется», *Къызтаман* «хватит девочек», *Къоркъмас* «мужественный» и др., а также зооморфное *Борахан*, где *бора* «верблюд-самец» [Сатыбалов: 100]. Многие фамилии рассказывают о былых суевериях: в семьях, где часто умирали дети, новорожденным, чтобы обмануть «нечистую силу», давали имена-обереги: *Табулду* «нашелся», *Къалсын* «пусть останется», *Ольмес* «не умрет», *Улангерек* «мальчик нужен».

Старокумыкский пласт прослеживается в большинстве женских имен кумыкской антропонимии. Эти имена отличаются своей структурной четкостью, в основном они состоят из одного, двух, реже трех корневых слов. Например, это простые имена *Бюлбюл* «соловей», *Гюмюш* «серебро», *Ана* «мать», сложные - *Байбике* «богатая госпожа», *Ханбике* «любимица, невеста», среди имен сложной конструкции наиболее активной, особенно в конце XX века, является антрополексема *Мингли* «с родинкой»: *Мингарив* «красавица с родинкой», *Минглигюл* «цветок с родинкой».

5. Имена, заимствованные из арабского языка: *Магьаммат*, *Абдулла*, *Маржанат*, *Асият*, *Аминат*, *Гъаким*, *Илму*, *Ясин*, *Адабият* и др. Кумыки, как и другие тюркские народы, испытали сильное влияние мусульманской культуры, о чем свидетельствует большое количество арабизмов в кумыкской антропонимии.

6. Имена, заимствованные из персидского языка: *Гюльнара, Гюльжагъан, Пирдавуз, Ораза, Дадай, Болат, Гюльбике*. Ряд персидских слов выступает как компонент в образовании множества кумыкских сложно-составных личных имен: *жан* «душа», *гюл* «цветок», *болат* «сталь» и т.д.

7. Имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков: *Лена, Эмма, Клара, Зоя, Эльвира, Роза, Марат, Эльмира, Зарема, Ренат*. В историческом аспекте лингвокультурные связи между русскими и кумыками зародились давно. Мощное воздействие русского языка на культуру автохтонного населения активизировалось в советский период, в эпоху перехода кумыков от арабского, латинского алфавитов к кириллице, ликвидации безграмотности, затем перевода национальных школ на русский язык обучения, введения всеобщего среднего образования.

Под влиянием русской антропонимической системы у кумыков применяется трехчленная антропонимическая модель «имя + отчество + фамилия»: *Рашит Нурмагомедович Гаджихмедов, Асият Анваровна Мусаева*. Имена, образованные по этой схеме, используются в паспортах, других официальных документах, в языке прессы, телевидения, юридической практике.

Употребление отчества у кумыков, как и у русских, является обязательным. Они образуются от всех кумыкских мужских личных имен, имеют окончания - *ович/- овна*, - *евич/- евна*: *Булатович, Ханмирзаевна, Шамильевич, Эльдаровна*. До трехчленной антропонимической системы у кумыков существовала двухчленная антропонимическая система, в соответствии с которой вместо фамилии называлось имя отца с последующим *уланы* «сын» и *къызы* «дочь»: *Шихмирзаны уланы Руслан* «Руслан сын Шихмирзы», *Анварны къызы Асият* «Асият дочь Анвара».

Имена, усвоенные из горских (нахско-дагестанских) языков, носят единичный характер и представлены чеченским *Яха* «пусть живет» в хасавюртовском диалекте, где последнее, наряду с редким мужским *Ваха* в том же значении, использовалось первоначально, по всей видимости, в качестве второго имени-оберега.

8. Новокумыкские имена: *Гёзел* «красивая», *Аривжан* «красивая душой», *Аривзат* «красивая», *Гиччикъыз* «маленькая девочка», *Алтынчач* «золотая коса», *Гюлбет* «лицо-цветок», *Инчегюл* «тоненький цветок» и др.

Необходимо особо подчеркнуть теснейшую связь онимизованных лексем с апеллятивной лексикой и соответственно прозрачность этимологии раннекумыкских лексем. Разумеется, не приходится говорить ни о

совпадении корпуса апеллятивной лексики и круга онимизованных лексем в количественном плане (при той избирательности в процессе онимизации, которая строго регламентирована экстралингвистическими факторами), ни о совпадении их семантических структур. Кроме того, апеллятив и соответствующая онимизованная лексема (антропонимическая единица) при всей прозрачности этимологии, как правило, не могут полностью совпадать и семантически. Дело в том, что лексическое значение онимизованной лексемы в тюркских языках предстает опосредованным через древние верования (мифологизацию, оживотворение обозначаемых объектов), через позднейшую метафоризацию [Благова: 48].

Современная кумыкская антропонимическая система сохраняет пратюркский «костяк» — саму структурную организацию пратюркской антропонимической системы с ее семантической структурой, с ее материальными составляющими — антропонимическими единицами (т.е. реальными односоставными личными именами и компонентами сложносоставных имен). Естественно, что сохраняемость антропонимической единицы неравномерна по различным тюркским языкам. Высокая степень сохранности характерна, во-первых, для личных имен, связанных с наименованиями объектов мира природы: это и названия неба (Бога), небесных тел (солнце, луна, звезда), метеорологических и атмосферных явлений; названия металлов и минералов (камень, железо, золото, серебро), названия из разряда зоологической лексики. Во-вторых, для имен, связанных с наименованиями объектов мира человека: это обозначения социальных, в том числе и семейных отношений (термины родства, титулатура). В-третьих, прилагательные цветообозначения (*акъ* «белый», *сар* «желтый», *къара* «черный», *гёк* «голубой»); из прилагательных других семантических разрядов — *улуу* «большой», *гиччи* «маленький». В-четвертых — имена, связанные с глаголами состояния (*тур* — «стоять; пребывать», *тол* — «становиться полной, входить в фазу полнолуния — о луне») и глаголами других семантических разрядов (*бер-* «давать», *къач-* «бежать; убежать») [Благова 1997: 6].

Особенности функционирования древнетюркских антропонимов

Ономастическая система любой этнокультурной общности не может быть определена как изначально данная, неизменная, замкнутая

сущность. Под влиянием различных, прежде всего экстралингвистических факторов ономастическое пространство, т.е. мир собственных имен претерпевает различные, порою весьма существенные изменения, приводящие зачастую к значительной или даже полной смене ономастического материала, формирующего данную систему в данный период. Для тюркского мира особую важность представляют материалы древнетюркской ономастики, поскольку к периоду, ограниченному рамками VII–XIII вв., который и определяется учеными, как древнетюркский период, ономастическая система тюрков уже окончательно сформировалась в том виде, в каком за небольшими отклонениями продолжает функционировать и в настоящее время. Антропонимия, как совокупность собственных имен, даваемых человеку или группе людей, представляется наиболее значительной в системе древнетюркской ономастики. Не случайно антропонимия представлена в нарративных источниках (эпитафиях и других памятниках) наиболее широко. Более того, антропонимы оказываются подчас единственными свидетельствами той или иной культуры и человеческой общности в древности, как это случилось с именами хунских правителей [Махпиров].

Тюркологам – историкам языка – хорошо известен факт о том, что расшифровка древнетюркской руники начиналась с прочтения антропонимов, зафиксированных в двуязычных китайско-тюркских памятниках [Бартольд V: 26].

Антропонимия в широком смысле этого слова в древности, как, впрочем, и сейчас, имела чрезвычайно большое значение для члена общества. «Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры» [Митрошкина 1987: 3]. Антропонимы в большей мере, чем другие разряды имен собственных несут в себе повышенную социальную функцию идентификации личности. Более того, для древнего общества было характерно также и достаточно четкое противопоставление круга людей, связанных между собой кровнородственными отношениями, другим аналогичным микроструктурам. Так, отдельные роды в племени имели определенные имена или группы имен, которые во всем племени могли принадлежать только им.

Другим важнейшим фактором, придающим антропонимии особую специфику как функционального, так и номинативного плана, является статус антропонима или те возможности и свойства, которыми якобы обладает имя.

«Мифологическому сознанию свойственно понимание имени как некоей внутренней (глубинной) сущности или же того, что вкладывается, налагается и т.п. (ср. наречение, называние новорожденного именем, как отгадывание внутренней сущности в ряде культурно-исторических традиций, или самоё возможность понимания первого элемента в индоевропейском слове для имени **n* – *ten*- как «в», «внутри»...). Этот архаичный «реализм» ... предполагает, в конечном счете, тождество имени и формы, т.е. природы носителя данного имени...» [Мифы народов мира, I: 508].

Для древнего общества роль имени для человека трудно переоценить. По древним представлениям, личность человека и его имя были органически связаны, более того, имя выполняло и важнейшую охранную функцию, обеспечивая его носителю защиту от злых (или покровительство со стороны добрых) сверхъестественных сил [Бестужев-Лада 1968: 132], выполняя тем самым те же функции, что и обряды, и шаманские гимны, связанные с рождением, пеленанием и воспитанием детей [Митрошкина 1987: 52].

Соотношение социально-различительной и ритуально-харизматической функций имени в древнем обществе было неоднозначным. Однако обе они, каждая по-своему, воздействовали на формирование антропонимической системы.

Важнейшей особенностью древнетюркской антропонимической системы была многоименность членов общества, главным образом его высших, аристократических слоев, т.е. широко распространенная традиция получения нового имени при смене статуса и места в общественно-политической системе. «Многочисленные имена одного человека были своего рода координаторами, позволяющими определить его место в семье, его положение в роде, в частности, его связи с предками» [Иорданский 1982: 242].

В тюркских рунических памятниках (ТРП) неоднократно указывается на факт получения *er ati* – геройского имени. Исследователи часто отмечают, как у тюркутов, так и уйгуров и караханидов смену имени правителем при вступлении на престол и получение нового имени и титула [Мори 1976; Бартольд VII: 11; Gabain 1974 и др.]. Это обстоятельство

послужило основанием для достаточного вольного трактования особенностей древнетюркской антропонимической системы Л. Н. Гумилевым, который предположил, что «тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан, – то титул менялся согласно удельно-лестничной системе» [Гумилев 1967: 90].

Данное высказывание крупнейшего знатока истории древних тюрков цитируется почти всеми исследователями антропонимии тюркоязычных народов без какого-либо критического осмысления.

Комплексный подход к исследованию древнетюркской антропонимии позволяет сделать несколько отличную трактовку особенностей функционирования древнетюркской антропонимической системы.

Исследователи древнетюркской эпиграфики и ряда других памятников подчеркивают, что древнейшие надписи упоминают исключительно официальные титулы каганов и никогда не называют их имен или титулов, которые они носили до восшествия на престол [Мори 1976: 286]. Более того, многие ученые отмечают сложность точного прочтения и абсолютно точной идентификации титулов, имен собственных (антропонимов) и именовании родства [Васильев: 19].

И вместе с тем представляется возможным выделение в древнетюркской антропонимии целого ряда основных антропонимических категорий, которые в достаточно полной мере отражают особенности функционирования антропонимов в древности и особенности социально-политической системы общества. Эти основные категории, как правило, заменяют друг друга и таким образом можно выделить несколько антропонимических подсистем, отличающихся друг от друга сферой функционирования, хронологическими рамками распространения, социальной значимостью.

К числу наиболее значимых антропонимических категорий в древнетюркском обществе относились:

1. Личное имя, даваемое при рождении или взрослому человеку, и служащее для идентификации личности в пределах небольших социумов (семья, род, община, может быть отчасти племя). И, видимо, вследствие живучести архаической традиции, согласно которой в антропонимии действовал принцип *Nomina sunt odiosa* – «Имена одиозны» (в смысле не подлежат оглашению) [Мифы народов мира I: 509]. Эта категория почти не получила отражения в памятниках ранней древности.

Этот принцип также активно способствовал многоименности (условной) представителя древнетюркского общества. Личные имена в этом смысле почти не упоминаются в рунических памятниках, поскольку в них повествуется, главным образом, о жизни и деятельности верховных правителей или, во всяком случае, лиц царской крови и приближенных к ним людей. Причем в памятниках приводятся лишь официальные титулы верховных правителей – каганов, совершенно отличные от их имен и титулов до восшествия на престол, исключение составляет, по-видимому, легендарный даже для тюркских рунических памятников Бумин-каган, носивший официальный титул Ил-кагана [Мори 1976: 281]. К категории личных имен следует также отнести и ряд антропонимов, приведенных в рунических памятниках и относящихся к лицам не царской крови: *Tudun Jamtar*, *Jollug tegin* – автор надписей Кюльтегину и Бильге-кагану, *Макраç* – хранитель печати тюргешей, *Esbara* и т.д., или же обозначающих вообще не тюрков: *Jsigi Jikan* – табгачский посол, *Kuni senun* – табгачский военачальник и проч. [Малов 1959].

Напротив, в памятниках раннего средневековья, в «Диване» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Хас Хажибя, уйгурских юридических документах абсолютное большинство приведенных антропонимов – это личные имена.

В хронологическом плане личные имена имеют активное функционирование с древнейших времен до наших дней. Наряду с этим и до сегодняшних дней сохранились реликты обычая скрывания имени или наличия внутрисемейного имени, существующего в кругу семьи, наряду с официальным именем.

2. *Er ati* – «геройское имя» или «мужское имя». Его удостаивались лица, своей доблестью завоевавшие себе славу. Естественно, что в эпитафиях приведены лишь геройские имена представителей высших кругов древнетюркского общества, наиболее видных его представителей: каганов, наследных принцев, выдающихся военачальников, беков и проч.

Вместе с тем, следует отметить, что факт получения «мужского имени» характерен для большинства древних обществ и знаменует собой акт инициации – обрядов и испытаний, освящающих переход юношей (и девушек) в категорию взрослых [Новиков 1982]. Но уже в давние исторические времена тюркского общества слово *er* стало связываться с представлениями о богатырстве и геройстве, хотя и сохраняло ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не

столько богатыря, героя, сколько просто мужчину, чаще всего война [Урманчиев 1986; сводку значения слова *эр* см. в: Севортьян 1974: 321].

Факт получения *er ati* нашел также широкое отражение в тюркском героическом эпосе (см.: «Китаби Деде Коркуд», «Манас», «Алпамыс» и др.), главные герои которого неизменно получали геройское имя, причем обязательным условием для его получения было совершение подвига [подробнее см. в: Урманчиев 1986].

Сфера функционирования *er ati* была намного шире, чем личного имени – оно выходило за рамки не только семейно-родовой общности, но и за рамки племени и распространялось на все войско и, следовательно, на все государство.

Получив «мужское имя», воин мог присоединить к нему титулы, указывающие на его знатность или место в военно-административной иерархии каганата. Титулы эти являлись частью его «мужского имени» и были неотделимы от него [Кляшторный, Саввинов 1982: 144].

3. Родовое имя. В ряде случаев имело важное функциональное значение. Оно могло служить своего рода кодификатором, фиксирующим отношение данного лица к определенному роду, что давало ему определенные преимущества перед другими. Так, например, сакральным правом на верховную власть в тюркском каганате, как известно, имели лишь члены рода Ашина. Именно поэтому целый ряд правителей, поочередно сменявших друг друга в Западно-тюркском каганате, непременным компонентом своего титула имел родовое имя *Ашина*: *Ашина-Миш*, *Ашина-Боркин*, *Ашина-Торчи*, *Ашина-Низок* и т.д. [Малявкин 1989]. Именно поэтому известны случаи, когда басмылы и карлуки также оспаривали право на происхождение из рода Ашина.

Точно так же в Уйгурском каганате, а потом и в других государствах, созданных уйгурами, право на верховную власть принадлежало только выходцам из рода *Яглакар*, что также отразилось на именах-титулах верховных правителей уйгурских государственных образований [Малявкин 1979]. Члены уйгурского правящего рода, бежавшие в 840 году в Восточный Туркестан и возглавившие там новое государство, носили родовое имя *Яглакар* вплоть до X в. [Hamilton 1955: 71; Кляшторный 1959].

В китайских источниках зафиксировано множество антропонимов, которые учеными связываются с названиями родов уйгуров: *Цзюэлоу* – имя уйгурского министра и *Kurebir* – название рода у уйгуров, *Pugu* – имя министра и *Vugu* – название уйгурского рода, *Eloxe Milige - Jaglakar*

Bilge, уйгурский каган, *Adiz* – уйгурский министр и *Adiz* – название одного из телесских родов и проч. [см.: Hamilton 1955; Mackerras 1974; Малявкин 1979].

Точно так же гуннские, сабирские и болгарские имена собственные представляли собой первоначально не конкретные мужские имена собственные, а скорее названия родов, к которым принадлежали носители этих имен [Баскаков 1985: 30].

Родовое имя давало его носителю особые права и потому тщательно оберегалось и охранялось [Суперанская 1973: 177]. Употребление родового имени как составной части антропонима встречается и в наше время в неофициальной антропонимии (см., например, междусемейные именованья у бурят, т.е. категории имен, основным компонентом которых является внутрисемейное имя, дополненное названием рода или улуса [Митрошкина 1987: 50].

В древнем обществе родовое имя в качестве антропонима отражало систему биологических связей внутри- и межпопуляционного характера и имело глубокое философское основание, интегральную социально-биологическую природу эволюции популяций человека. В языке, как одной из социальных систем, отражаются не только «верхние этажи» популяционной иерархии (этнонимы), но и общности более низких рангов [Соколовский 1985: 27].

В функциональном плане антропоним-родовое имя был чрезвычайно близок к династийному имени, составляющему следующую категорию древнетюркской антропонимии.

Исконно-тюркские имена

Династия Ашина создала в 5-м веке Тюркский Каганат. У болгар и татар были имена *Ашин*, *Ашан*, *Ашыт* (монгольское слово «волк» во множественном числе). Некоторых ханов Тюркского Каганата звали именами, производными от слова *буре* «волк»: *Буре-хан*, *Буре-шад* («Бурекнязь»). У татар были имена *Буре*, *Бурейбай*, *Байбуре*, *Бурекэй*, *Башбуре*, *Бурши*. У кумыков – *Албёрю* «алый, красный» + «волк», *Бёрю* «волк», *Ярбёрю* «гривастый волк», *Алибёрю*. У карачаевцев и балкарцев есть имя *Бёрюка*.

К тюркскому пласту кумыкских имен относятся также следующие: *Темир*, *Темирбек*, *Темирбулат*, *Таштемир*, *Темирхан*, *Актемир*, *Акбатыр*, *Балтабай*, *Къазан*, *Къазанбай*, *Уразбай*, *Ураз*, *Уразлы*, *Уразхан*, *Уразбике*, *Сю-*

юнч, Сююнчгерей, Айтувзган, Темей, Акъмурза, Къарамурза, Акъсакъал, Карасакал и многие другие.

Эти примеры наглядно демонстрируют большое количество производных от одного корня имен у тюрков. Л. Н. Гумилев в своей книге «Древние тюрки» приводит имена некоторых выдающихся тюрков: *Батыр-шад* (Батыр-князь), *Бага-шад* (Божественный князь), *Ир-бэк-шад*, *Турк-шад* (тюркский князь в своем улусе), *Турксан*, *Турэмен* («Я в законе»), *Яучы* (воевода), *Шор* (князь династии Ашина), *Дулу-хан*, *Аба-хан* (старейший хан, но не главный), *Басыл-тегин* («принц-жертва», возможно, против сглаза), *Капкан-хан* («хищный хан»), *Узмыш-тегин*, *Узмыш-хан*, *Алып* (богатырь), *Арслан* (лев), *Иль-Арслан* (Лев своей родины), *Иль-тэбэр* (наместник), *Иль-шад*, *Иль-чур*, *Таман*, *Тапу-хан* (связано с буддийским влиянием), *Боке-хан* («Буга-хан», «герой», «могучий»), *Ишбара-хан*, *Ишбара кабгу*, *Батыр-кабгу*, *Амрак* (спокойный), *Инан* (доверенное лицо), *Кош* (птица), *Туг-бир*, *Ту-у*, *Бильге-хан*, *Этмеш-бек*, *Сылу-бэк*.

Исконно тюркский пласт В.А.Гордлевский называет «домусульманским» (Гордлевский 1968: 131). Именно на основе этого пласта возникают наиболее многочисленные семантические группы антропонимов: имена-пожелания, «охранные» имена, описательные имена, прозвища и другие.

Исследование антропонимов по исходному слову представляет несомненный интерес и для историка, этнографа, ибо оно позволяет лучше понять «идеологию, мышление древнего человека» (Мусаев 1984: 206). Также «...языковая информация имени... может дать сведения о времени создания имени и территории его распространения, пролить свет на историю именуемых объектов» (Антропонимика 1970: 14). Кроме того, через выявленные лексические параллели антропонимы дают более полную картину о контактах различных народов, о миграционных процессах, о взаимовлиянии языков и культур.

Личные имена мамлюков

Изучение истории антропонимов позволяет восстановить историю формирования, расселения и миграции народов.

Как отмечалось многими исследователями, тюркские имена, подобно языку, очень консервативны и устойчивы. Они встречаются в неизменной форме с глубокой древности по сей день. При этимологии тюркских имен немаловажную роль играет агглютинативность тюркско-

го языка, то есть способ слово- и формообразования, при котором к корню, сохраняющему стабильный звуковой состав, присоединяются стандартные аффиксы. Это значит, что структура слова абсолютно прозрачна, границы морфем отчетливы. Обратите внимание на имена гуннов: *Аттила* - в европейских источниках, *Атлы*, *Адиль*, *Атиль* - в современных тюркских языках. Сыновья *Атиллы* - *Улак*, *Тенгизик*, жена - *Арюкан*. Для наглядности сравним их имена с именами кумыков. Что изменилось за 15 веков? *Аттила* - *Атлы* (конник), *Улак* - *Улакъ* (козленок, этим именем часто нарекали младших детей). *Тенгизик* - *Денгиз*, *Денгизхан* «море». *Арюкан* - *Арювка*, *Аривхан*, *Аривжан* «красавица, красивая душа».

Одним из факторов, влияющих на изменение антропонимики, является принятие новой религии, реже - ассимиляция народа. Все эти пласты отчетливо прослеживаются в ономастике. Каждый этнос имеет свой реестр личных имен, которые имеют определённый смысл на языке говорящего на нем народа. Изучение антропонимов дает информацию, помимо национальной принадлежности, о характеристике человеческих качеств, сословном положении, религии, влиянии языков и контактов.

В. А. Никонов пишет: «Первый закон антропонимики, как и всей ономастики - историзм». Разумеется, при толковании личных имен нужен обширный материал, подтвержденный историческими фактами, экскурсом в историю тюркского именослова и языка. Это отмечает О. Сулейменов: «Народы мира сохранили драгоценный шифр тысячелетий - это язык, источник исторических сведений, который является наиболее объективным, беспристрастным документом прошедших эпох. Он лишен предвзятости, он вне временных предрассудков и не подвластен идеологическим колебаниям».

Возможно, этимология некоторых личных имен мамлюков (гулямов) кому-то покажется спорной, противоречащей установленным толкованиям. Для доказательства принадлежности антропонимов мамлюков использованы различные методы языкознания: сравнительно-исторический, структурный, генетический, ареальный (выявляет ареал сходных элементов собственных имен), а также проведены перекрестные проверки с личными именами тюркских народов, удаленных друг от друга во времени и в пространстве. Как отмечалось выше, воины-наемники или проданные в рабство бывшие воины были в основном из Центральной Азии и районов Предкавказья. В частности, в Египет и Си-

рию, в большинстве случаев, они попадали из Крыма, Дербента и Византии.

К сожалению, известные письменные источники древности (летописи, хроники) регистрировали глобальные явления, связанные с именами великих полководцев, каганов, беков, но мало внимания уделяли «простым» именам. Многие остались вне поля зрения в истории тюркских народов. Дошедшие до нас имена - это лишь слабая тень минувших эпох, запечатленная в летописях Руси, Ирана, Китая, Византии, Грузии, Армении и Арабских стран. Ценные материалы содержатся в древнетюркском словаре, в рунических текстах на стелах, поставленных в честь Кюль-Тегина, Тоньюкука, Бильге-кагана, Магиляна, Куличура, как общее наследие всех тюркских народов.

Тюркские личные имена, в их антропонимии, составляют основной пласт. Многие из них в настоящее время семантически не прозрачны, в то же время сохранили древнюю форму (*Инал, Тархан*). Множество имен кумыков, ногайцев, карачаевцев и балкарцев в основном очень близки, как по форме, так и по содержанию. Это связано, по всей видимости, с культурно-историческими корнями болгаро-хазаро-половецкого союза племен, общим культурным наследием западных тюрков. Помимо сказанного, следует добавить, что в эпоху Золотой Орды все эти народы входили в одну империю. На Кавказе не было никаких татар, кроме карачаевцев, балкарцев, кумыков (кстати, до революции их почему-то называли «горскими татарами»). Где были татары, там они находятся и сейчас. Кто строил и жил в золотоордынских городах Северного Кавказа? Тюрки, прежнее население Хазарского, Болгарского и Половецкого каганатов. Это отчетливо наблюдается при сравнении личных имен карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев с именами хазар, алан, болгар и половцев.

К хазарским именам относятся: *Хазар* «соловей», *Гьурия* «ангел», *Адавия* «летний цветок», *Адила*, «равная, справедливая, честная», *Алия* «занимающая высокое положение в обществе», *Аматулла* «слуга Аллаха», *Аниса* «сокровенная, хорошая подруга», *Анвар* «лучи света, цветение», *Азия* «целительница, та, которая приносит утешение», *Асма* «превосходная, ценная, дочь Абу Бакра», *Атика* «девственница, чистая», *Байсан* «идущая с достоинством».

Многочисленный пласт составляют имена, как правило, заканчивающиеся титулами: *хан, бий, бек, герей, мирза (мурза)*. Иногда титул ставился перед именем, но по сути, это не имело значения. Исключение со-

ставляет слово *бек*: когда оно пишется в начале слова, то имеет значение «крепкий» (*Бекболат, Бекташ, Бектемир*); в конце имени, как правило, означает титул (*Къарабек, Муратбек, Наврузбек*). Титул *бий* в женских именах часто встречается в усеченной форме *би*: *Бике, Сарабика, Сююмбика*.

Стоит особо отметить, что пережитки культов волка и барса фиксируются у многих тюркских народов (древних тюрков, половцев, печенегов, турков-сельджуков). В частности, особо следует отметить это у половцев, поскольку основную массу мамлюков составляли выходцы из половецкой федерации племен, куда входили и другие тюркские племена. Как отмечено выше, половцы (кипчаки) - это общее название тюркских племен до прихода монголов.

Как было отмечено выше, волк был тотемным животным многих тюркских народов. Отсюда имена *Бёрю* «волк», *Албёрю* «алый, красный волк», *Ярбёрю* «гривастый волк. Голова волка украшала знамена гуннов, тюркютов, половцев, золотоордынских ханов. Пережитки культа волка фиксируются в данное время у карачаевцев, балкарцев, кумыков, татар и др.

Совершенно очевидно, что культ волка тюрки занесли на Русь. Для наглядности приведем два примера. Х. Ч. Джуртубаев пишет: «Существовал обряд лечения больного ребенка; к колыбели подвязывали кусочек волчьей шкуры и косточку из пасти или просверленный волчий альчик, из волчьей шерсти заплетали косички и когтями подвязывали к перекладине колыбели. Ветряную волчанку лечили водой, в которую бросали волчью шерсть». Волк фигурирует как злейший враг нечистой силы, уничтожающий чертей. В эпосе «Нарты» волки уничтожают бесенят. При встрече богатыря Ерюзмека с чертями те просят его снять волчью шубу. Страх чертей перед волком так велик, что бесовки взвизгивают, когда их касаются полы шубы. Повстречать волка или собаку считалось доброй приметой, встреча с зайцем была предвестием неудачи [Джуртубаев: 35].

А вот другой пример. Б. А. Рыбаков пишет: «Культ волка древен и сложен. Помимо общеизвестных отрицательных сторон этого хищника, мы в фольклоре нередко находили обрисовку и положительных качеств. Волки считаются пожирателями чертей. Встретить волка в пути - к добру, встреча с зайцем - предвестие несчастья» [728, 717]. Наверное, не стоит сомневаться в родстве этих мотивов, однако, Б. А. Рыбаков объясняет эту параллель по своему: «Для древних славян-земледельцев волки были

полезны весной, когда всходили яровые хлеба и лен, а в лесных чащах было множество рогатой дичи, которая причиняла огромный вред молодым зеленым. Волки на открытом пространстве легко травили эту живность, оберегая тем самым поля от потравы» [728]. Весьма оригинальное объяснение.

Родоплеменные этнонимы являются наиболее устойчивой единицей, в какую бы конфедерацию племен они не входили, целиком или частями. Это отмечает В. В. Радлов: «И в самом деле, родовые имена тюрков, записанные много веков тому назад китайскими историками, сохраняются частью и поныне». Родовые подразделения у тюркских народов играли важную роль при централизованной военно-административной системе. Каждое родоплеменное подразделение имело свое точное место в войске, которое состояло из правого и левого крыла, легкой конницы, засадных полков. Наречение ребенка по названию племени, народа в тюркской ономастике - явление обычное. Примечательно это тем, что они обнаруживаются в именах мамлюков Египта: *Кипчак, Хазар, Туран, Салар, Татар, Алан, Карча, Ас, Шеркес*, и т.д. Все эти имена в настоящее время встречаются у различных тюркских народов.

В Золотой Орде, Крымском ханстве и шамхальстве Тарковском существовало господствующее сословие карачи-беки (карча-беки); мамлюки-ветераны назывались в Египте «каранисы». Рода Кара, Караши, Карачи входят в состав башкирского, азербайджанского, алтайского в форме «кара», енисейских тюрков - «карачистар», сибирских татар - «карашор», казахский род «Керей» есть монгольская калька слова «кара». Существуют гидронимы и топонимы: реки «Карачай» в Азербайджане, «Карачай» в низовьях Кубани, озеро «Карачай» на Урале, села «Карачиевцы», «Карачаево» на Украине. «Кара тенгиз» - Черное море, (калька тюркского гидронима, черных морей в природе не бывает это дословный перевод, в данном случае компонент «Кара» означает великое море).

Все эти факты наталкивают на мысль, что языки древних тюрков - гуннов, болгар, хазар, алан, асов - были обычными тюркскими языками, очень близкими половецкому языку. Это подтверждается близостью языка словаря мамлюков Египта с языком карачаевцев, балкарцев, кумыков, ногайцев, татар и т.д., а также личными именами мамлюков. Особо следует отметить, что тюркские воины, попавшие на Восток, были единственным народом, которые сохраняли свои личные имена и язык.

По всей видимости, это было одной из форм стремления сохранить свою этническую самобытность.

Айбек - мамлюк, эмир, атабек армии Египта. Один из инициаторов устранения султана Турана. *Ай* - луна, как отмечалось выше, *Бек* - титул, «князь». Дословно переводится «луноподобный бек». После женитьбы на вдове Туран шаха Шаджарт, Айбек стал султаном Египта.

Акбуга ал Тимирази - мамлюк, эмир.

Атабек Судун ал-Аджамии - мамлюк, наместник Дамаска. Атабек, Аталык, Атахан, Атаман, Атабий - военно-административный чин у тюркских народов. *Ата, ака, ага* - старший, отец. *Бек, бий* - «князь».

Бекташ - мамлюк, эмир. Командовал правым флангом армии мамлюков в битве при Хамсе с войсками хана Хулагу. Слово «бек» в конце имени указывает на титул, но в начале слова ничего с ним общего не имеет [Гафуров: 43]. Здесь слово *бек* означает - «крепкий, твердый» в сочетании с *таш* «камень», *болат* «сталь», *темир* «железо» усиливая значение основного слова. В карачаево-балкарском и кумыкском языках обнаруживаются в формах *Бекболат, Бекмурза, Бекбай, Бекир* и. т.д. *Бекташ* означает «крепкий, как камень».

Байбуга Арус (орус) - мамлюк, эмир. Имя *Байбуга* от *бай* «богатый» + *бугъа* «бык». *Арус, урус, орус, уруш* в тюркских языках означает «война, схватка, воинственный». *Урус Инал* - предводитель древних киргизов, *Урус-хан* - претендент на золотоордынский престол, личное имя *Урусби, Орусби* - «воинственный князь».

Джанибек - хан Золотой Орды.

Джанболат - мамлюк, султан Египта. *Джан* «душа», *болат* «сталь», «стальная душа».

Къоркъмас - мамлюк. Личное имя *Къоркъмас* в тюркских языках означает «бесстрашный». Другие примеры: *Оьлмес* «бессмертный», *Тохтамас* «неудержимый», *Таймас* «неотступающий» и т.д.

Килидж - распространённое имя у мамлюков Египта. *Къылыч* «меч, сабля».

Кара Мурад - мамлюк, эмир совета. Руководил мамлюками при оккупации Кипра. *Кара* в тюркских языках - «чёрный», но здесь *кара* имеет значение «великий, могучий». Любопытный пример приводит А. Гафуров: «Когда в 999 году под натиском тюркских племён пала династия Саманидов, власть в Мавереннахре перешла к Караханидам. Образовалось типично тюркское государство, которым правили фактически независимые ханы. Верховный правитель в этом государстве носил титул

«кара хан» или «карахахан». Ср. кум. *Къарахан тюрк.* «(великий) могучий хан».

Тангиз - мамлюк эмира Тарамака. *Тенгиз/Денгиз* - на всех языках тюркской группы – «море».

Таза – мамлюк. Слово *таза* в кумыкском, ногойском и карачаево-балкарском языках имеет значение «чистый, искренний, аккуратный».

Мамай - мамлюк. Личное имя *Мамай* широко распространено у западных тюрков. *Хан Мамай* - инициатор Куликовской битвы.

Оздемир - мамлюк. *Оъз* означает не только местоимение, но и имеет значение существительного. Древнетюркское *оз* - «основа, сущность, сердце» [Гафуров: 42]. *Оздемир* - «человек с крепкой, как железо основой».

Санджар - мамлюк. Имя *Санджар* А. Гафуров интерпретирует как «пронзающий». В кумыкском и карачаево-балкарском языках *сан* - «тело, фигура, осанка, телосложение», *джар / яр* - «разрубать». Видимо, точнее было бы «рубака, рубящий». Другой вариант: *джар* - «светлый». *Санджар* – «светлый телом».

Сункур (кум. *Сунгур/Сонгур*) - мамлюк. *Сункур* - «кречет». *Сункурхан* - чингизид.

Кумыкские имена иноязычного происхождения

*Радуйтесь тому,
что имена ваши написаны на небесах.*
Евангелие от Луки (X, 20)

Заимствование слов — естественный процесс развития любого языка. Лексическое заимствование обогащает язык и обычно нисколько не вредит его самобытности, т.к. при этом основной словарь сохраняется, а, кроме того, заимствования «не могут влиять на грамматический строй языка, не нарушают внутренние законы языкового развития» [Крысин 1984: 101]. Различают собственно языковые и неязыковые причины заимствования. Основной собственно языковой причиной лексических заимствований является необходимость замены описательного наименования простым. Неязыковые причины — это результат торгово-экономических, общественно-политических контактов.

Антропонимы, как и другие имена собственные, сравнительно быстро и легко переходят из одного языка в другой. При этом они обычно не поддаются переводу, во многих случаях не меняя фонетический состав, сохраняют первоначальный облик.

Наличие большого количества заимствованных имен — характерная черта антропонимии любого народа. «Состав имен у каждого народа сформирован исторически. Он многослоен, в нем имена из разных народов и разных времен», — пишет В. А. Никонов (Никонов 1984: 191). Об этом же говорит и А. В. Суперанская: «Значительная доля собственных имен любого языка — заимствования, так или иначе адаптированные... Собственные имена легче и чаще, чем нарицательные, переходят из одного языка в другой...» [Суперанская 1969: 4].

Огромное влияние на именник кумыков оказало принятие ислама. Заимствования из арабского языка составляют самую большую группу среди иноязычных антропонимов.

Арабский пласт личных имен кумыков

Заимствование дагестанскими языками арабских слов в разное время проходило по-разному. Это влияние происходило также в системе личных имен иберийско-кавказских и тюркоязычных народов, проживающих на Северном Кавказе. Распространение ислама и вместе с тем арабо-мусульманского именника повлекло за собой коренные изменения в антропонимических системах многих народов Северного Кавказа.

В Европе при рождении ребёнка первые дни он обычно ещё не имеет персонального имени, так как родители выбирают его не сразу, а до тех пор его называют нарицательно — новорожденным, младенцем и т.д. В арабских странах существует другая традиция. С первого до третьего дня после рождения мальчишки, как правило, носят имя *Мухаммед*, в честь пророка, основателя мусульманской религии. По истечении этого срока родители могут оставить новорожденному это имя или заменить его на новое. Девочки в течение первых трёх дней после рождения обычно носят имя *Фатима* — в честь дочери пророка Мухаммеда. От её внуков, детей сыновей — аль-Хасана и аль-Хусейна, — происходят все многочисленные в мусульманском мире потомки «семьи пророка». По истечении этого срока (обычно через неделю) родители могут заменить его другим или оставить новорожденному это имя.

На протяжении многих веков арабская культура, особенно классический арабский язык, играл большую роль в языковом и культурном развитии народов Северного Кавказа. Особенно возросло его значение на Востоке с арабскими завоеваниями и распространением ислама, который оказывал определяющее влияние на все области духовной жизни мусульман.

Значительное место среди заимствованных антропонимов занимают мусульманские канонические имена арабского происхождения, распространенные во всех дагестанских языках. Наиболее часто встречаются имена *Магомед, Айшат, Патимат, Аминат, Гаджи, Ахмед, Гусейн, Ислам* и др. Как отмечает В. А. Гордлевский, мусульмане чаще выбирают имена Пророка, ближайших его сподвижников или родных. «Имена пророков избираются во исполнение воли Мухаммеда, выраженной в хадисе: «Дайте детям вашим имена пророков» [Гордлевский: 132]. Это подтверждает проведенный нами анализ личных имен кумыков.

Такие библейские имена как *Иса (Иисус), Муса (Моисей), Ибрагъим (Авраам), Сулейман (Соломон) Якъуп (Ягуб), Юсуп (Иосиф), Юнус (Ионис)* и др. стали распространяться среди кумыков в трансформированной арабами форме.

Многие собственные имена, мужские и женские, по своему происхождению связаны с названиями месяцев, дней недели, времен года. Здесь уместно отметить, что большинство имен этого разряда состоят из двух компонентов. Первым компонентом обычно является название месяца, а вторым компонентом могут быть разные антропокомпоненты. *Сапар* — название второго месяца лунного календаря. Личные имена, образованные от названия этого месяца, — *Сапар, Сапармурат, Сапарали*. Реже встречается в именнике кумыков название седьмого месяца календаря. Мужское имя, связанное с названием этого месяца, — *Ражап*. *Ораз* — название девятого месяца. В этот месяц справлялся праздник Ораза. С названием этого месяца связаны мужские личные имена *Ораза, Оразай, Байрам* — название десятого месяца лунного календаря (буквально «праздник»). Это слово в настоящее время утратило свое значение как название месяца, а употребляется как нарицательное имя в значении «праздник». С этим словом связан целый ряд мужских (*Байрам, Байрамали, Байрамбек* и др.) и одно женское имя *Байрамкъыз*. *Къурбан* — последний месяц лунного календаря. В старину в десятый день этого месяца совершались жертвоприношения. И в большинстве случаев ребенка, родившегося в этом месяце, нарекали именем *Къурбан*. Мальчикам да-

вали имена *Къурбан*, *Къурбанали*, *Къурбангъажи* и т.д. Девочкам давали имя *Къурбанкъыз*.

По отношению к дням недели личные имена даются в честь пятого дня недели *Жума* и четвертого дня - *Хамис*. Пятница в народе считается добрым, приносящим благополучие. В этот день начинали большие дела, поминали умерших. С названием этого дня недели связаны следующие личные имена: мужское — *Жумагиши* и женские имена *Жумакъыз*, *Жумайсат*.

Можно выделить небольшую группу имен, обозначающих науки и связанные с ними понятия: *Илму* «наука» (производные женские имена *Илмугъаят*, *Илмугъат*, *Илмуханум*), *Жумла* «предложение», *Калимат* «слово, изречение» и др.

Географические названия: *Арабстан* «Аравия», *Гъиндустан* «Индия», *Макка*, *Мадина* и др.

Названия красивых, ароматных цветов, растений: *Лала* «тюльпан», *Райгъан* «базилик» и т.п.

Названия вкусных плодов, сладостей: *Зайтун* – *Зайтунат* «маслина» и др.

Имена, выражающие черты характера, свойства ума: *Саламат* «спокойствие», *Низам* «дисциплина» и др.

Антропонимы, связанные с названиями профессий, званий, титулов и прочих обозначений человека в обществе: *Алим* «ученый», *Муталим* «ученик», *Гъаким* «начальник, богач», *Солтан* «повелитель» и др.

Некоторые заимствованные арабские имена сохраняют формальные показатели пола. Ср. *Басир* - *Басират*, *Гъабиб* - *Гъабибат*, *Малик* – *Маликат*. В подобных антропонимах –*ат* можно считать показателем женского имени.

У кумыков отмечаются своеобразные «гнезда» женских имен арабского происхождения: *Рашия* – *Рашияхан* – *Рашияханым*, *Илму* – *Илмухан* – *Илмуханым*.

Ряд имен арабского происхождения имеют свои нарицательные параллели: *Адам* – *адам* «человек», *Мурат* – *мурат* «цель», *Ислам* – *ислам* «религия», *Женнет* – *женнет* «рай», *Гъурият* – *гъурият* «революция», *Илму* – *илму* «наука».

Имена арабского происхождения в основном сложносоставные и включают в свой состав следующие антропокомпоненты, заимствованные из арабского языка:

1) *-ислам-*, который может находиться в пре- и постпозиции: *Исламали, Исламхан, Динислам, Шайхулислам*. Употребляется самостоятельно и в качестве имени;

2) компонент *-дин-*: *Изамутдин, Садрутдин, Нажмутдин, Динислам, Абудин*. Используется только в качестве антропокомпонента, встречается в препозиции и постпозиции;

3) антропокомпонент *-улла* «существующий и единственный», «всевышний»: *Набигулла* «посланец всевышнего», *Хайрулла, Насурулла, Валиюлла, Сайпулла*. Занимает только постпозицию и используется только в качестве антропокомпонента. Теофорные имена с морфемой *-улла* с синхронной точки зрения рассматриваются лингвистикой как корневые. С нашей точки зрения, «серийность» и постоянство позиций корневых морфов со значением «бог» типа *-улла* в конце производящих единиц позволяет относить исходные имена, содержащие подобные морфы, к числу производных. Ср.: *Рагьмат – Рагьматулла, Абдул – Абдулла*. Аффиксом женских имен является *-ат*: *Жамил – Жамилат, Саид – Саидат, Рашид – Рашидат*;

4) антропокомпонент *абд-* «раб, слуга аллаха»: *Абдулла* «раб Всевышнего», *Абдулкерим* «раб Щедрого», *Абдулгаьпан* «раб Вседарящего». Встречается только в препозиции и функционирует только в качестве антропокомпонента;

5) антропокомпонент *-нур* «луч, сияние» встречается в препозиции и постпозиции: *Нурмагьаммат, Нурният, Нурали, Нурипаша, Магьамматнур* и др. В именнике кумыков реализуется только в качестве антропокомпонента;

6) компонент *-гьажи-* встречается как в препозиции сложных имен, так и в постпозиции: *Гьажиагьмат, Агьматгьажи, Гьажигиши, Магьамматгьажи* и др;

7) антропокомпонент *-умм* встречается только в препозиции: *Умият, Уммугьан, Умматали, Умсалимат, Умзагьра* и т.п.;

8) компонент *алим-* «ученый» реализуется только в препозиции: *Алимхан, Алимпаша, Алимсолтан* и др.;

9) компонент *илму-* «наука» встречается только в препозиции личных имен дагестанцев: *Илмухан, Илмуханум, Илмугьаят* и др.;

10) компонент *имам-* реализуется только в инициальной позиции арабских имен кумыков: *Имамутдин, Имамали, Имампаша* и т.п.

Некоторые антропокомпоненты образуют только женские или только мужские личные имена, тогда как другие служат для образова-

ния и женских, и мужских личных имен. Одни из лексико-генетических моделей сложных имен кумыков представляют собой гибридные личные имена, другие же имеют только арабское происхождение. Некоторые из антропокомпонентов не функционируют в качестве самостоятельного имени (*абд, улла, дин, нур*), тогда как другие употребляются и в качестве самостоятельных антропонимических единиц (*гъажи, имам, ислам, алим, илму*).

Таким образом, по мере укрепления влияния ислама и при усиленном содействии мусульманского духовенства число арабских имен у кумыков увеличивается и, вполне понятно, пальму первенства по распространенности все основательнее занимают имена пророков, святых, а также многочисленные синонимы пророка Магомеда [см. подробнее Гаджихамедов 2002; Гусейнов, Мугумова 2002].

Из 99 имен Аллаха

«У Аллаха прекрасные имена...»

Коран, сура 7: 180/179

99 имен занимают важное место в мусульманском вероубеждении, так как наглядно описывают основные качества Аллаха. В мусульманской литературе имеется большое количество трактатов, толкующих имена Аллаха. Список в 99 имен возводится к хадису Абу Хурайры, в котором пророк называет цифру 99 и предрекает рай тем, кто повторяет имена Аллаха в молитвах.

Выбор имени весьма важен для мусульманина. Пророку, например, доводилось даже менять имена некоторым из своих друзей, казавшиеся ему несчастливыми, оскорбительными или уродливыми, на более приемлемые и благозвучные. Мухаммад, однако, посоветовал: «Желая угодить Аллаху, дайте своим детям имена *Абдалла* «раб Аллаха» или *Абдурахман* «раб Милостивого».

Если первая часть мужского имени состоит из слова *Абд* «Раб», то второй и заключительной его частью обязательно должен быть один из девяносто девяти эпитетов Аллаха. Например, *Абдулкерим* «Раб щедрого» или *Абдурагъман* «раб милостивого». Мусульманин раб только Аллаха, и поэтому детям не дают таких, скажем, имён, как *Абдулмагъаммат* «Раб Мухаммада», ибо при всём уважении к Пророку мусульманин всё же не может быть Его рабом. Девочек чаще всего наделяют именами

женщин из семьи пророка, например, *Айшат, Фатима, Хадиджат, Рукьяят и Зайнап*.

Пророк не одобрил такие имена, как «Благонравный», «Прекрасный» и т. д., скрытно или явно намекающие на наличие у человека неких нравственных или физических характеристик, каковые могут и не соответствовать действительности. Хотя всё же такая практика имеет место быть.

Ал-Асма ал-Хусна («прекрасные имена») - имена-эпитеты, которыми Коран приказывает называть Аллаха: «У Аллаха прекрасные имена, зовите Его по ним и оставьте тех, кто раскольничает о Его именах» (7: 180/179); «Призывайте Аллаха или призывайте Милосердного; как бы вы ни звали, у Него самые лучшие имена» (17: 110, см. также 20: 8/7; 59: 24). Имен этих - 99. Они занимают важное место в мусульманском богословии, т. к. наглядно описывают основные качества Аллаха. Опираясь на них, богословы средневековья обсуждали проблемы атрибутов Аллаха, вечности его свойств и признаков, иерархии его качеств. Им посвящались специальные главы всех основных богословских сочинений. **Ал-Асма ал-Хусна** являются элементом молитвы в мусульманском ритуале. Суфии широко используют эти имена в зикрах, рассматривая их как свод идеальных качеств божества и идеалов-ориентиров на пути человека к совершенству. Проявлением благочестия считается как можно чаще упоминать Аллаха и его имена.

Их число кратно количеству бусин на стандартных мусульманских четках. **Ал-Асма ал-Хусна** используются в мусульманской магии как талисманы и в этом качестве попадают даже в немусульманские тексты (например, в концовку «Хождения за три моря» Афанасия Никитина). В мусульманской богословской литературе имеется большое количество трактатов, толкующих имена Аллаха, их списки входят в большинство молитвенных сборников. Они являются элементом одной из наиболее распространенных моделей мусульманского имени: «раб Аллаха», например, *Абдурагьман, Абдусамат, Абдулмуслим* и т. д. В Коране содержится только краткий список «прекрасных имен Аллаха» (59: 22-24): *ар-Рахман, ар-Рахим, ал-Малик, ал-Куддус, ас-Салам, ал-Му'мин, ал-Мухаймин, ал-'Азиз, ал-Джаббар, ал-Мутакаббир, ал-Халик, ал-Бари, ал-Мусаввир*. Все другие имена восходят к встречающимся в разных местах Корана эпитетам Аллаха и образованы от связываемых с ним глаголов.

Список в 99 имен возводится к хадису от Абу Хурайры, в котором Пророк называет цифру 99 и предрекает рай тем, кто повторяет имена

Аллаха в молитвах. Далее во многих сводах хадисов (но не во всех) следует список **ал-Асма ал-Хусна**. Список этот, скорее всего, вторичен. Список, видимо, сложился ок. IX-X вв., но точных данных об этом нет. Список от Абу Хурайры не является канонизацией 99 имен. Существует несколько вариантов списка **ал-Асма ал-Хусна**. Согласно одному из них, имя *Аллах* входит в состав 99 имен. В этом случае качество единичности передается одним из двух терминов: *ал-Ахад* или *ал-Вахид* (первый чаще в сборниках хадисов и в быту, второй - в специальных сочинениях, например у ал-Газали и у ал-Иджи). Другой вариант содержит и *ал-Ахад*, и *ал-Вахид*, а *Аллах* в нем - сотое имя. Ниже приводится список **ал-Асма ал-Хусна** согласно *ал-Газали* и *ал-Иджи*

Переводы имен достаточно условны, т. к. существуют различные толкования нюансов значения каждого из них. В быту широко употребляются восходящие к Корану и к кораническим словам и корням имена Аллаха, отсутствующие в списке от Абу Хурайры. Это такие распространенные в молитвах и в составе теофорных имен **ал-Асма ал-Хусна**, как *Рабб* «Господь», *ал-Мун'им* «дающий благополучие», *ал-Му'ти* «дающий», *ас-Садик* «искренний», *ас-Саттар* «оберегающий». В разных сборниках хадисов встречаются и иные списки, варьирующие некоторые из имен и включающие или исключающие из числа 99 имен Аллаха. Распространено (главным образом у суфиев) представление о главном, величайшем имени Бога (*ал-исм ал-а'зам*), известном только пророкам. Оно якобы было произнесено в составе имен Аллаха в трех местах Корана – 2: 255/256; 3: 1; 20: 111/110, т. е. является одним из четырех: *Аллах*, *ал-Хайй*, *ал-Каййум*, *Хувва*. Среди **ал-Асма ал-Хусна** выделяют категорию *исм аз-зат*, обозначающую божественную сущность (*Аллах*, *Хувва*), отличную от божественных свойств, которые обозначаются другими именами. Среди последних различаются категории *исм джалали* (означает свойства силы, могущества, власти - например, *ал-Кабир*, *ал-Хаким* и категория *исм джамали* (означает свойства милосердия и сострадания, например, *ар-Рахман*, *ар-Рахим*, *ас-Сами'*).

Из 99 имен Аллаха у кумыков встречаются следующие: они выделены жирным шрифтом.

1. **Рагъман** (ар-Рахман) - Милостивый, Милосердный, Добрый. Он, который дает благословения и успех всему сущему не делая различия.

2. **Рагъим** (ар-Рахим) - Милосердный, Сострадательный. Он, который дает благословения и успех, особенно тем, кто использует эти дары так, как сказал Аллах.

3. **Малик** (ал-Малик) - Властелин. Он, который абсолютный владыка вселенной.

4. ал-Куддус - Святой. Он, который свободен от заблуждения, свободен от беспомощности и какого-либо порока.

5. **Салам** (ас-Салям) - Источник мира. Он, который освобождает слуг своих от любых опасностей и преград.

6. **Муъмин** (ал-Му'мин) - Хранитель веры. Он, который вселяет веру в сердца своих слуг, поддерживая тех, кто ищет спасения в Нем. Он и дает им спокойствие.

7. ал-Мухайюмин - Защитник. Он, который охраняет и защищает все сущее.

8. **Азиз** (ал-Азиз) - Могущественный, Непобедимый, Несокрушимый.

9. **Жапар** (ал-Жаббар) - Подчиняющий. Он, который восстанавливает все испорченное, завершает все незавершенное и кто обладает возможностью силой заставить людей сделать все, что Он пожелает.

10. ал-Мутакаббир - Величественный. Он, который показывает свое величие в каждой вещи и во всех случаях.

11. **Халикъ** (ал-Халик) - Создатель. Он, который создал все вещи со знанием того, что произойдет с ним.

12. **Бари** (ал-Бари) - Развивающий, Совершенствующий. Он, который создает все вещи *соразмерно*. *Барий*, Абдулбари.

13. **Мусавир** (ал-Мусауир) - Созидающий. Он, который придал форму всему сущему.

14. **Къапар** (ал-Гаффар) - Прощающий. Он, который все прощает.

15. **Къагъар** ал-Каххар - Покоритель. Он, который победоносный и господствующий, так как Он может все что пожелает.

16. **Вагъап** (ал-Уаххаб) - Покрывающий. Он, который дарует все благословения своим созданиям.

17. **Разакъ** (ар-Разак) - Обеспечивающий. Он, который обеспечивает благо от всех вещей своим созданиям.

18. **Патагъ** (ал-Фаттах) - Открывающий. Он, который открывает разрешение всех проблем.

19. **Амин** (ал-, амин) - Всезнающий. Он, который все знает.

20. ал-Кабид - Сжимающий.

21. ал-Басит - Расширяющий, Развивающий, Увеличивающий. Он, который развивает.

22. ал-Хафид - Унижающий. Он, который ослабляет.

23. **Рапи** (ар-Рафи) - Возвеличивающий. Он, который возвышает.
24. ал-Му'из - Почитатель, Почитающий, Возвышающий, Он, кто делает нас славными и дает достоинство.
25. ал-Музилль - Низвергающий, Обеспечивающий. Он, который уничтожает, бросает в бесчестие и деградацию.
26. **Самий** ас-Сами - Всеслышащий. Он, который все слышит.
27. **Басир** (ал-Басир) - Всевидящий. Он, который все видит.
28. **Гьаким** (ал-Хакам) - Правый. Он, который судит и обеспечивает то, что должно произойти.
29. **Адил** (ал-Адль) - Праведный. Он, который праведный.
30. **Латип** (ал-Латиф) - Благой, Мягкий, Нежный. Он, который знает мельчайшие стороны любой вещи. Он, кто создает вещи, которые не доступны пониманию людей самым благим образом.
31. **Хабир** (ал-Хабир) - Постигнувший. Он, который знает самое сокровенное во всех вещах и их внутреннюю суть.
32. **Гьалим** (ал-Халим) - Переносящий. Он, который милостиво переносит все.
33. **Азим** (ал- Азым) - Великий. Он, который великий.
34. **Къапур** (ал-Гафур) - Всепрощающий. Он, который все прощает. Он, который благодарен и воздаст за деяния сделанные для Него.
35. **Шукур** (аш-Шакур) - Благодарный. Он, который благодарен и воздаст за деяния, сделанные для Него.
36. **Али** (ал- Али) - Возвышенный. Он, который выше всех.
37. **Кабир** (ал-Кабир) - Величайший. Он, который самый великий.
38. **Гьапиз** (ал-Хафиз) - Хранитель. Он, который охраняет все вещи в мелочах и временами от несчастья и бед.
39. ал-Мукиит - Выдерживающий, Стойкий. Он, который поддерживает спокойствие.
40. **Гьасиб** ал-Хасиб - Знающий, Знатный, Он, который знает все деяния людей до мелочей, что они сделали за свою жизнь.
41. **Жалил** (ал-Джалиль) - Величественный, Славный. Он, который имеет святость и власть.
42. **Карим** (ал-Карим) - Великодушный, Щедрый. Он, который добрый и щедрый.
43. ар-Ракиб - Стоящий на страже. Он, который обзревает все создания и каждое деяние под Его контролем.
44. ал-Муджиб - Исполняющий. Он, который реагирует на каждую нужду.

45. ал-Уаси - Всеобъемлющий. Он, который имеет беспредельные возможности.

46. **Гъаким** (ал-Хахим) - Мудрый. Он, который имеет мудрость во всех случаях и во всех деяниях.

47. **Межит** (ал-Маджид) - Наиславнейший. Он, который самый славный.

48. **Вадут** (ал-Уадуд) - Любящий. Он, который любит тех, кто делает добро и одаривает их своей щедростью.

49. ал-Ба'ис - Воскресающий. Он, который дает жизнь всем живым существам в Судный день.

50. **Шагъит** (аш-Шахид) - Свидетельствующий. Он, который присутствует везде и обзирает все сущее.

51. **Гъакъ** (ал-Хакк) - Высшая истина. Он, без которого существование не может измениться.

52. **Вакил** (ал-Уакиль) - Управляющий, Уполномоченный. Он, который делает все для решения всех проблем самым лучшим образом.

53. ал-Кауи - Наисильнейший. Он, который самый сильный.

54. ал-Матин - Стойкий, Твердый.

55. **Вали** (ал-Уали) - Поддерживающий друг. Знающий друг. Он, который друг своих истинных слуг.

56. **Гъамит** (ал-Хамид) - Стоящий прославления. Он, который единственный драгоценный и прославленный, и благодаримый всеми живущими.

57. ал-Мухси - Знающий, Ведающий. Он, который знает число всех вещей и ведает каждой из них.

58. ал-Мубди - Создатель. Он, который создал все существа из ничего и без образа и подобия.

59. **Муи** (ал-Му'ид) - Обновляющий. Он, который восстанавливает все сущее.

60. **Мугъи** ал-Мухий - Дающий жизнь. Он, который дает жизнь и здоровье.

61. ал-Мумит - смерть.

62. ал-Хайи - живущий. Он, который все знает и Его сила достаточна для чего угодно.

63. ал-Каюм - Вечно существующий. Он, который вечно существует.

64. **Важит** (ал-Уаджид) - Находящий. Он, который находит, что захочет.

65. **Мажит** (ал-Маджид) - Славный, Благородный. Он, чья возвышенность велика, кто благотворителен и Его возможности обширны.

66. **Вагъит** (ал-Уахид) - Единственен. Он, кто один в делах своих. Он не имеет равных.

67. **Ахат** (ал-Ахад) - Единственный.

68. **Самат** (ас-Самад) - Вечный. Он, кто единственное сущее. Кому надо Он направит мысли, если у кого-либо возникла нужда и от которых нужно избавиться.

69. **Къадыр** (ал-Кадир) - Искусный, Способный. Он, который способен сотворить что угодно и как Он захочет.

70. ал-Муктадир - Могущественный. Он, который более могуч.

71. ал-Мукаддим - Предоставляющий, Подающий.

72. ал-Му' аххир - Откладывающий. Он, который откладывает все то, чего Он пожелает.

73. ал-Ауаль - Первый.

74. ал-Ахир - Последний.

75. **Загъир** (аз-Захир) - Ясный, Явный.

76. ал-Батин - Скрытый.

77. **Вали** (ал-Уали) - Правящий. Он, кто направляет, руководит, оценивает, планирует каждое действие, которое возникает в любой момент во вселенной.

78. **Мутаалим** (ал-Мута'али) - Возвышенный. Он, кто выше всего.

79. ал-Барр - Источник всего благонравия. Он, который терпим к своим слугам, ко всем созданиям и добр к ним.

80. ат-Тауаб - Принимающий покаяние.

81. ал-Мунтаким - Мстящий. Тот, кто наказывает идущих не праведным путем.

82. ал-Афуа - Прощающий. Он, который прощает всех, кто кается искренне.

83. **Рауф** (ар-Ра'уф) - Милосердный. Он, который добр.

84. **Малик** -уль-Мульк - Вечный владыка высшей власти.

85. **Жалил, Икрам** Зуль-джалаль уаль-икрам - Господин величия и таланта.

86. ал-Муксит - Праведный. Он, который праведный.

87. ал-Джами - Собирающий.

88. **Къани** (ал-Гани) - Независимый, Независящий.

89. ал-Мухни - Обогащающий.

90. ал-Мани - Отвергающий.

91. ад-Дарр - Опечаливающий. Он, кто создает то, что заставляет кого-либо придти в отчаяние.

92. **Напи** (ан-Нафи), - Благосклонный, Милостивый. Он, который создает все сущее таким образом, что оно дает добро и приносит пользу.

93. **Нур** (в составе сложных имен) ан-Нур - Свет. Он, который обеспечивает божественным светом всю вселенную.

94. **Хади** (ал-Хади) - Сопровождающий, Ведущий. Он, который ведет, дает успех и направляет своих слуг на совершение дел полезных для других.

95. ал-Бади, - Несравнимый, Несравненный. Он, который вершит чудеса во вселенной.

96. **Баки** (ал-Баки) - Вечный.

97. **Варис** (ал-Уарис) - Высший наследник. Он, кто имеет вещное право на владение всеми вещами.

98. **Рашит** (ар-Рашид) - Ведущий к праведному пути.

99. **Сабур** (ас-Сабур) - Терпеливый.

Происхождение и значение многих арабских мужских и женских имен, проникших в именник народов, исповедующих ислам, подробно рассмотрены А. Гафуровым [Гафуров 1971].

Имена арабского происхождения по своему источнику можно разделить на несколько групп:

1. Имена, связывающие носителя имени с идеей ислама через:

а) эпитеты имени Аллаха, его пророка Мухаммада: *Адил* «справедливый»; *Азиз* «дорогой, великий»; *Амин* «верный, честный»; *Анвар* «лучезарный»; *Ахмат* «прославленный»; *Керим* «великодушный, благородный»; *Къадыр* «всемогущий»; *Мажит* «могущественный»; *Магъмут* «прославленный»; *Къасым* (*Касым*) «распределяющий»; *Муртаз* «избранный, любимый»; *Мустапа* «избранный»; *Мухтар* «избранный»; *Рагъмат* «милосердный»; *Рашит* «идущий правильным путем»; *Салигь* «хороший, добрый»; *Самат* «вечный»; *Супиян* «благочестивый»; *Тагьир* «чистый, непорочный»; *Гьалим* «кроткий, добродетельный»; *Халит* «вечный, постоянный»; *Гьамит* «славящий, восхваляющий»; *Шамиль* «всеобъемлющий» и т.п.;

б) имена родственников, ближайших сподвижников пророка, выдающихся деятелей мусульманства: муж.: *Али* «возвышенный» — зять Мухаммада; *Гьасан* «хороший» — имам, отпрыск Али; *Гьусейн*, *Гьусейн* — уменьш. от *Гьасан* — имам, потомок Али; *Мугьажир* «переехавший» —

сподвижник Мухаммада, переехавший с ним из Мекки в Медину; *Омар* «жизненный», *Осман* «медлительный» - праведные халифы; **жен.:** *Айшат* «живущая» — жена пророка; *Аминат* «находящаяся в безопасности» — мать Мухаммада; *Зайнап* «полная» — дочь Мухаммада; *Хадиджат* «недоношенная» — жена Мухаммада; *Патимат* «отнятая от груди» — дочь Мухаммада и др.;

в) имена, связанные с понятиями и атрибутами мусульманской религии: **муж.:** *Абдулла* «раб Аллаха»; *Абдурагъман* «раб Милосердного»; *Иман* «вера, религия»; *Ислам* «покорность, предание себя Аллаху»; *Магъди* «направляемый Аллахом»; *Муъмин* «правоверный»; *Муслим* «мусульманин»; *Мугъитдин* «поддерживающий веру»; *Нажмутдин* «звезда веры», «любимец Аллаха»; *Гъадис* «священное предание, рассказ»; *Гъажи* «паломник»; *Гъанани* «последователь имама Абу-Ханифы»; *Шамсутдин* «солнце веры»; *Шаранутдин* «слава веры»; **жен.:** *Абидат* «поклоняющаяся»; *Муслимат* «женская форма от *Муслим* «мусульманин»; *Кавсар* «райская река, нектар»; *Мадина*, *Мекка* — названия священных городов мусульман; *Кааба* «Кааба, главное святилище мусульман»; *Малик* «ангел» и др.;

г) имена, пришедшие к мусульманам из Библии: **муж.:** *Адам* «человек», первоначально «земля»; *Аюб* (др.-евр. *Нув*) «преследуемый, раскаивающийся»; *Даниял* (др.-евр. *Даниэл*) «дар Божий»; *Давут* (др.-евр. *Давид*) «любимый»; *Жабраил* (др.-евр. *Гавриил*) «Божий воин»; *Юнус* (др.-евр. *Иона*) «голубь»; *Закария* (др.-евр. *Зехарья*) «памятный, о ком помнит Бог»; *Ибрагъим* (др.-евр. *Аврахам*) «отец народов»; *Исмаил* (др.-евр. *Ишмаэл*) «услышал Бог»; *Исхакъ* (Исхак) (др.-евр. *Ицхакъ*) «смех»; *Муса* (др.-егип. *Мешу*) «дитя»; *Нугъ* (др.-евр. *Ноах*) «утешение»; *Сулейман* (др.-евр. *Шеломо*) «мирный, защищенный»; *Гъарун* (др.-евр. *Ахарон*) «горный»; *Юсуп* (др.-евр. *Иосиф*) «приумноженный»; *Якъуб* (*Якуб*) (др.-евр. *Иаков*) «идущий следом, последователь»; **жен.:** *Мариям* (др.-евр. *Мириям*) «горькая»; *Хауа* (др.-евр. *Хавна*) «источник жизни».

д) имена по названиям месяцев лунного календаря: *Ражан* — название 7-го месяца, *Рамазан* — 9-го, *Сапар* — 2-го, *Ораз* — 10-го и т.п.

2. Имена, в которых отражаются чувства родителей, различные пожелания ребенку: **муж.:** *Аббас* «строгий», *Азамат* «величие, слава»; *Алим* «знающий, ученый»; *Амир* «повелитель, правитель, князь»; *Асхат* «самый счастливый»; *Баттал* «герой»; *Бахит* «счастье»; *Башир* «вестник радости»; *Билял* «здоровый»; *Давлет* «богатство, счастье»; *Жамал* «красота, совершенство»; *Зубайир* «сильный, умный»; *Камал* «совершен-

ство»; *Малик* «владыка»; *Макъсут* «счастливей»; *Мурат* «желанный»; *Назир* «министр»; *Салам* «благополучие»; *Салагъ* «благо, добро»; *Салим* «здоровый, невредимый»; *Сайит* «господин»; *Солтан* «правитель, государь»; *Тайгиб* «добрый, благоприятный»; *Гьалим* «мягкий, добрый»; **жен.**: *Азиза* «дорогая»; *Асият* «утешающая, лечащая»; *Жамиля* «прекрасная»; *Замира* «сердце, совесть»; *Закият* «добродетельная»; *Камила* «совершенная»; *Марзият* «благоприятная»; *Надия* «щедрая»; *Назипат* «чистая»; *Написат* «тонкая, изящная»; *Разият* «приятная»; *Рагьимат* «милостивая»; *Сакинат* «спокойствие, тишина»; *Салимат* «здоровая, невредимая»; *Гьалимат* «мягкая, добрая».

33 известных пророка и их имена

Из имен 33 известных пророков в кумыкском именнике представлены следующие имена: *Адам*, *Идрис*, *Нугъ* (Ной), *Салигъ*, *Ибрагьим* (Авраам), *Исмаил*, *Исакъ* (Исаак), *Якъуп*, *Юсуп* (Иосиф), *Аюп* (Иов), *Шуайп* (Иофор), *Муса* (Моисей), *Гьарун* (Аарон), *Хыдыр*, *Ильяс* (Илия), *Юнус* (Юнус бин Мета), *Давут* (Давид), *Сулейман* (Соломон), *Лукъман*, *Закария* (Захария), *Иса* (Иса бин Мариам Иисус Христос), *Ягьия* (Иоанн Креститель), *Зулкъарнай* (Зуль-Карнайн), *Узайир* (Узайр), *Магьаммат* (Мухаммад Мустафа Хабиб-ул-Лак).

Антропонимы, заимствованные из персидского языка

Иранско-дагестанские контакты, как известно, развивались раньше арабско-дагестанских. В середине века, как и в других сопредельных странах, в Дагестане персидский язык, как язык древнейшей культуры, большой литературной традиции, пользовался особым статусом. Передовые представители дагестанских народов изучали персидский язык, писали на нем литературные сочинения.

Пути проникновения персидских личных имен в кумыкский именослов различны. Они могли проникнуть непосредственно через персидский, опосредованно через арабский и азербайджанский языки или через литературу, искусство.

По количеству имена персидского происхождения значительно уступают арабским именам, но, несмотря на это, они прошли длинный исторический путь и так прочно вошли в антропонимический фонд кумыков, что давно воспринимаются как собственные, исконные. Точная

хронологизация персидских заимствований в кумыкском языке вряд ли сейчас возможна. Мужские имена: *Къагъруман* «победитель, герой»; *Рустам* «могучий ростом (телом)»; *Хожа* «господин, наставник»; Женские: *Гюльнара* «цветок граната»; *Жавгъар* «жемчужина»; *Зумрут* «изумруд»; *Гулизар*, *Гулистан* «цветник»; *Пирдавуз* «рай, райский сад»; *Фируза* «бирюза» и др.

Персидские заимствования отражают этико-эстетические взгляды населения, восприятие красоты и изящества. Среди них также особое место занимают имена, указывающие на искренность души, красоту, изящество, ум, мудрость женщин: *Пакизат* «очень чистого происхождения», *Пери* «фея, красавица», *Пирдавуз* «райская, рай, райская обитель», *Равзан* «светлый, чистый», *Хуришит* «светлое, яркое солнце»; в переносном значении: «солнцеподобная красавица», *Шагъанназ* «царственная грация», *Шамшит* «лучезарный», *Шахназ* «царица грации», *Шахсенем* «главная фея, пери; красавица, которой поклоняются шахи», *Ширин* «сладкая, дарящая негу» и др.

Из антропокомпонентов, заимствованных из персидского языка, активно используется в образовании женских имен антрополоксама *гюл* «цветок»: *Гюлбике*, *Гюлнара*, *Гюлмира*, *Гюлханум* и т.д. Большинство имен с компонентом *гюл* — женские.

Приблизительно в XIV веке в мусульманском именнике появилось имя *Дарвиш*. Первоначально оно было своего рода прозвищем, присоединяемым к именам *Али*, *Мухаммад*, *Хасан*, *Хусайн*, смысл которого нельзя передать однозначно. В большинстве случаев слово *дарвиш* в сочетании с мусульманским именем можно истолковать как особую метафору, например, *Дарвиш Али* — это «дарвиш (бедняк) по имени Али». Но если сложносоставное имя с компонентом *дарвиш* давали новорожденному, то значение его менялось. Так, *Дарвишали* могло означать и «бедняк, преданный халифу Али», и «нищий, нуждающийся в милости Али».

Персидские исторические источники под словом *дарвиш* подразумевали бедняков, неимущих. В персидском языке религиозный термин «дарвиш» вошел в обиход много позднее. Еще в XV веке это слово употреблялось в качестве самоуничижительного эпитета, обозначало скромного, но свободного и независимого бедняка. Немало выдающихся деятелей средневековой иранской культуры, например, поэт *Дарвиш Мансур*, музыканты *Дарвиш Ахмад Кануни*, *Дарвиш Максуд Андиджани*,

Дарвиш Фазлуллах Найи (XV в.), Дарвиш Шайхи Каландар Харави (XVI-XVII вв.), имели в имени этот компонент [Гафуров: 20].

У кумыков имя *Дербиш* встречается очень редко.

Присоединение к имени слова *жан* придает ему оттенок ласкательности и одновременно уважительности. Сложносоставные имена с компонентом *жан* появились не раньше XIII века. Первоначально слово *жан* стояло перед именами Али или Мухаммад. Такие сложные имена обязаны своим появлением усилившемуся с XIII века влиянию в исламе суфизма, а вместе с ним и доисламских представлений. Имя *Джан-и Али*, например, буквально означало «душа Али», т.е. подразумевалось, что душа человека, носящего такое имя, посвящена зятю пророка, она принадлежит ему и после смерти отлетит к нему.

Вообще семантика подобных имен многопланова. При помощи имени *Джан-и Али* надеялись продлить жизнь ребенку. Его душа как бы сливалась с душой патрона и становилась особо охраняемой. И в таких именах компонент *жан* не передавал гипокористического, ласкательного значения. [Гафуров: 40]

Имя *Риза* восходит к почетному прозвищу восьмого шиитского имама Али ибн Мусы — *ар-Риза* «избранник», т.е. «тот, кому благоволит Аллах». *Разия*, будучи одного корня с именем *Риза*, имеет сходную семантику.

В составе кумыкских сложносоставных имен часто употребляются следующие персидские лексемы: *шекер* «сахар» (жен.): *Шекерханум, Балшекер, Шекерхан, султан* – «царь» (жен., муж.): *Амирсултан, Султанбек, Султанат, Султангерей*. Персидские титулы и звания: *шагь* «монарх, царь, правитель» - *Шагьмурат, Шагьмирза, мурза/мирза* «царевич» – *Мирзахан, Адилмирза, Ханмирза, эмир/амир* «правитель, глава государства, принц; военачальник; предводитель рода» – *Эмирбек, Амирали, Амирхан, Амирчупан*.

Имена русского происхождения

Мощное воздействие русского языка на культуру автохтонного населения активизировалось в советский период, эпоху перехода кумыков от арабского, латинского алфавитов к кириллице, ликвидации безграмотности, затем перевода национальных школ на русский язык обучения, введения всеобщего среднего образования. Русский именник не оказал какого-либо заметного влияния на кумыкские имена.

Антропонимы русского происхождения в кумыкском языке относятся к поздним заимствованиям. Под влиянием русской антропонимической системы у кумыков применяется трехчленная антропонимическая модель «имя + отчество + фамилия»: *Рашит Нурмагомедович Гаджихмедов*. Имена, образованные по этой схеме, используются в паспортах, других официальных документах, в языке прессы, телевидения, юридической практике.

Употребление отчества у кумыков, как и у русских, сейчас является обязательным. Они образуются от всех кумыкских мужских личных имен, имеют окончания - *ович/- овна*, - *евич/- евна*: *Эльдарович, Алиевич, Ханмирзаевна, Руслановна*.

Все имена, независимо от языка-источника, приспособляются к основным фонетическим закономерностям принимающего языка. Большое количество заимствованных имен, проникших в кумыкскую антропонимическую систему, подчиняется определенным фонетическим правилам.

Имена русского происхождения среди кумыков встречаются редко: *Максим* (лат.) — «величайший»; *Бэла* (лат.) — «красивая»; *Зоя* (греч.) — «жизнь»; *Марина* (лат.) «морской, морская»; *Раиса* (греч.) — «легкая»; *Софья* (греч.) — «хмудрость».

На процесс имянаречения все большее влияние начинают оказывать средства массовой информации, особенно телевидение. Имеют пока низкую частотность, но становятся все более популярными имена, взятые из литературных произведений, телесериалов и т.п. Родители, дающие детям такие имена, по справедливому замечанию Дж. Н. Кокова, «забывают, что имя ребенка... должно в какой-то мере сочетаться с именем отца» [Коков 2001: 86]. В результате появляются имена, как будто вышедшие из-под пера писателя-юмориста: *Роберт Нажмутдинович, Изаура Идрисовна, Венера Исхаковна* и др.

Антропонимы, заимствованные из других языков

Строго говоря, заимствованные антропонимы в большинстве случаев теряют свое семантическое значение, свойственное языку оригинала. Для носителя подобного имени оно не всегда ясно и неизвестна также его первоначальная мотивировка. Такие имена даются обычно по созвучию или в честь какого-либо родственника.

Среди новых имен, заимствованных кумыками, как уже указывалось выше, немаловажное место занимают нерусские имена, пришедшие посредством русского языка, а именно через печать, радио, кино, телевидение: а) мужские личные имена: *Азнаур, Артур, Руслан, Альберт, Арсен, Заур, Зураб, Давуд*; б) женские личные имена: *Альбина, Анфиса, Ангела, Диана, Динара, Зоя, Марина, Рая, Раиса, Роза, Сима, Эльвира, Элла, Элиза, Эллина, Индира, Аида, Сайда, зарема, Карина, Карема, Замира, Земфира, Залина, Жамиля, Заира, Наида, Наира, Севиль, Зульфия, Сабина, Оксана*.

Таким образом, информация о языках, участвовавших и участвующих в формировании антропонимикона конкретного языка, имеет не только большой познавательный, но и, прежде всего, теоретический интерес.

У кумыков практически нет имен, заимствованных у других соседних народов. Значительное число заимствованных имен тюркского происхождения имеется у всех нетюркских народов Северного Кавказа. Наибольшее их число (более половины от общего числа) имеется у соседних с кумыками народов – аварцев и даргинцев.

Заимствованные имена арабского (реже - персидского) происхождения имеются у всех без исключения народов Северного Кавказа. Наибольшее их число - у народов Дагестана, что можно частично объяснить более ранним принятием этими народами ислама по сравнению с соседними народами.

Столь высокий уровень заимствований можно объяснить многовековым политическим и этнокультурным доминированием тюркской цивилизации в Евразии. Это относится и к доминированию тюркских языков - языков межнационального общения. Что касается Северного Кавказа, то такой безусловно доминантной культурой вплоть до 17 в. была культура кавказских тюрок - хазар, алан, болгар и их потомков на Кавказе - современных карачаевцев, балкарцев и кумыков.

Вероятно, проблема заимствования имён в кавказской ономастике представляется весьма интересной и заслуживает отдельного исследования, но мы ограничимся приведенными суждениями.

Глава 2.

СЕМАНТИКА ЛИЧНЫХ ИМЕН КУМЫКОВ

Состав личных имен людей связан опосредованно с реальной действительностью, отражает мировоззрение и эстетические взгляды их носителей. Исследуя значения личных имен, следует иметь в виду, что каждое личное имя, взятое из любого языка, что-то значит, имеет внутренний смысл, хотя в большинстве случаев носители имен не знают этого смысла. Из этого уже вытекает, что лексические значения слов-основ, от которых образованы антропонимы, имеют большое значение для семантики личных имен. Недопустимо подменять семантический анализ имен анализом значений их основ.

В прошлом имена кумыков были более конкретными, их значение прозрачным, понятным, со временем они все более абстрагировались, это произошло особенно после принятия Ислама. Домусульманские имена стали употребляться все меньше и меньше, они до наших дней сохранились в большинстве своем в фамилиях и документах.

Кумыкская антропонимия по своему составу многообразна и сложна. В антропонимах отразились различные представления народа, обычаи, мировоззрение, традиции, бытовой уклад, различные культурно-исторические факторы, религиозные представления народа, экономический, общественно-политический строй.

В личных именах кумыков можно выделить две группы антропонимов: антропонимы немотивированные и антропонимы мотивированные. Содержание мотивированного антропонима определяется первоначальным исходным значением нарицательного существительного, легшего в основу личного имени.

Исследуя кумыкские антропонимы, можно наблюдать, что в разряд антропонимов могут переходить различные слова, обозначающие самые разнообразные предметы и понятия. Чаще всего в разряд антропонимов переходят слова эмоционально насыщенные, являющиеся названиями привлекательных предметов, слова, служащие для обозначения предметов материального и духовного мира человека.

Попытка семантической интерпретации компонентов древнетюркских личных имен была предпринята в коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев) [2001]. Личные имена древних тюрков рассматриваются авторами указанной работы по модели семантической классификации элементов, состоящей из 12 разделов: «Пространство и время», «Флора», «Фауна», «Сакральная сфера», «Антропоцентрическая

сфера», «Социально-юридическая сфера» «Экономическая сфера», «Мир вещей», «Военная сфера», «Абстрактные понятия», «Атрибуты», «Предикаты». В древнетюркской антропонимии широко представлены разделы «Космология»: небо, солнце, луна, звезда, море, гора, скала, камень; «Явления природы»: ясное небо, снег, два синонимичных слова, обозначающих туман, буря, ветер, молния. В разделе «Пространство и время» приводятся компоненты: *гюн, ай, юлдуз, тав, къая, таш*.

Мир природы в личных именах кумыков

Кумыкские антропонимы генетически тесно и широко связаны с апеллятивной лексикой и поэтому сравнительно легко поддаются разветвленной и дробной семантической классификации. Так, например, ряд антропонимических единиц отражает в себе наименования понятий круга «Мир природы», в том числе:

а) названия космических тел, метеорологических и природных явлений: *Айдаи* «как Луна», *Айбатыр* «мужественный как Луна», *Гюнариив* «красивая как солнце», *Юлдуз* «звезда», *Чолпан* «Венера».

Характерно, что легендарный Огуз-хан назвал своих старших сыновей, рожденных от небесной девы, - *Кун* «Солнце», *Ай* «Луна, месяц», *Юлдуз* «Звезда» [МНМ 2: 240].

Имена с компонентами *гюн* «солнце», *танг* «заря», *ай* «луна», «месяц», *юлдуз* «звезда» хранят следы поклонения древних тюрков небесным светилам.

Юлдуз - имя одного из старших сыновей Огуз-хана. Оно связано с планетарными верованиями древних тюрков. «Звезды были объектом поклонения, к ним обращались с молитвенными словами... Понятие звезды соотносится с понятием знамени, предсказания будущего...» [Мак.: 35, 36].

Метафоричность личного имени *Юлдуз* первоначально исходила, по-видимому, из оценки благоприятствования звезды судьбе человека. Впоследствии вторичное действие метафоры - этого постоянного расадника алогичного (как называет ее Н. Д. Арутюнова) - позволила сравнивать несопоставимое - элементы разной природы [Арутюнова: 367], в нашем случае - звезду и человека [СИГТЯ: 647]. Это поэтическое сравнение дало жизнь таким именам как: *Юлдуз, Юлдузат, Юлдузхан*.

В именах, связанных с названиями небесных светил, отразился тот исторический факт, что древние кумыки поклонялись солнцу (*Гюнариив*

«красивая как солнце»), луне (*Айдай* «лунеподобная», *Айбике* «госпожа Луна», *Айханым* «госпожа Луна»), звездам (*Юлдуз* «Звезда», *Юлдузат* «звездное имя»).

Лица, способные вызывать бурю или дождь, были люди, «по народным поверьям, исключительные, обладавшие сверхъестественными свойствами» [Трепавл.: 564]. Описания соответствующих действий имеются в эпических произведениях разных тюркских народов. [СИГТЯ: 679]. У кумыков встречаются производные от *Боран* личные имена *Боранчы* «вызыватель бури или родился во время бурана», *Боранбий* стяж. от *Боран* «буря» + *бий*», *Борахан* стяж. от *Боран* «буря» + *хан*».

Представляется, что личные имена с компонентом-дериватом на *-чы* от названий некоторых разновидностей непогоды, скорее всего, явление сравнительно позднее. Это заключение подтверждается наблюдениями И. Н. Ванникова над ходом развития шаманства: именно с поздними этапами его существования ученый связывает необходимость в достаточно узкой специализации деятельности шамана - одни из них лечили больных, другие вызывали дождь и т.д. [СИГТЯ: 682]

Гора воспринималась древними тюрками как природное связующее звено между землей и небом - в различных мифах саяно-алтайских тюркских народов считалось, что три сферы Вселенной может связывать «гора, упирающаяся в небеса» [МНМ 2: 539], «гора-господин» [МК Алт.ГЭ стх. 29]. Видимо, именно с учетом связей верхнего и среднего миров три младших сына Огуз-хана, рожденные от земной девы, были наречены: *Кёк* «небо», *Тав* «гора» и *Денгиз* «море», которое, видимо, также воспринималось как связующее звено между этими средами [СИГТЯ: 687].

Имена с компонентами *тав*, *къяя*, *таш* могли сигнализировать о посвящении ребенка, нарекаемого одним из таких личных имен, «хозяину» горы, с одной стороны, а с другой - о просьбе к «хозяину» покровительствовать нарекаемому. Вторичная метафоризация такого имени происходила через сравнение нарекаемого с горой — «пожелание «стать подобным горе человеком» [СИГТЯ: 688]. С компонентом *тав* у кумыков встречаем следующие имена: *Тавбийке* от *тав* «гора» + *бийке*, *Алтав* усеч. от *алты* «шесть» + *тав* «гора», *Ентав*, *Маматав*, *Тавай* от *тав* + *ай* «луна», *Тавбий* «князь гор» от *тав* + *бий* «князь», *Тавбийке* «госпожа гор», *Тавболат* от *тав* + *болат* «сталь», *Тавжан* «душа гор», *Тавлу* «горец», *Тавлугъажи* от *тавлу* + *гъажи*», *Тавмурза* от *тав* + *мурза*, *Тавсият*, *Тавсолтан* от *тав* «гора, горный» + *Солтан*, *Тавханум* «госпожа гор».

Включение слова *Къая* в состав тюркской антропонимической системы основывается на мифологических представлениях древних тюрков о том природном объекте, который этим словом обозначается. «Пупом земли» называют в алтайском эпосе священную скалу [МК Алт.ГЭ, прим. 112 к с. 465], «воротами между небом и землей» - две черных скалы: «днем и ночью они, как два бодающихся быка, расходились и сходились» [там же стх. 3089-3093]. Отголоском древних верований тюрков является то, что скале отводится особая роль в хакасском эпосе: о сотворении богатыря «внутри Белой Скалы; прекрасная девушка *Алтын Арыз* родилась сама по себе также внутри *родовой Белой Скалы* [там же стх. 7308-7309].

Вторичная метафоризация опиралась на подразумевавшееся сравнение: «скала» — «необоримый», «неуязвимый», «твердый/крепкий, как скала»; этому способствовали такие именные определения, которые получало слово *къая* в составе сложносоставного личного имени в средние века. См., например, ср.-уйг. личное имя *temür qağa* [Махп. Уйг. ЮД: 49], с первоначальным значением «железо-скала»/»железная скала» (т.е. скала, содержащая железистые породы), с последующей метафоризацией: «скала, [твердая, как] железо» и перенесением этого образа твердости на человека [СИГТЯ: 688-689]. У кумыков часто встречается имя *Къаяханум* «госпожа (твердая, как) скала».

Древними тюрками почитались не только гора, скала, но и камни [см. Троц.: 247, 275]. Вторичная метафоризация *таш* «камень» происходила на основе сравнения: «как камень» — «твердый». В современных тюркских именниках личные имена с компонентом *таш* обычно предназначаются для мужчин, но в кумыкском имеется женское личное имя *Ташбике* «княгиня (твердая, как) камень». Имена с компонентом *таш* в препозиции: *Ташбек* от *таш* «камень» + *бек* «господин», *Ташбике*, *Ташбулат* от *таш* «камень» + *булат* «сталь высшего сорта», *Ташмухтар* от *таш* + *Мухтар*, *Таштемир* «подобное камню железо» (ср.: *Темирташ*), *Таштув* от *таш* + *тув* «родиться». Слово *таш* в постпозиции: *Темирташ* (ср.: *Таштемир*), *Айташ* 1) красивый, как месяц, и твердый, как камень; 2) драгоценный камень с красотой месяца; лунный камень, *Акъташи* от *акъ* «белый» + *таш* «камень», *Бекташ* «крепкий как камень», *Пахурташ*, *Суташ*.

Изначально значение *темир* «железо», «железный» зафиксировано в сложносоставных личных именах, соединивших в себе по два названия природных объектов - железо и луна, железо и камень: *Айтемир*, *Таш-*

темир [СЛИ РСФСР: 115]. Личное имя *темир* содержит в себе метафорическое пожелание, чтобы носитель личного имени был крепким, твердым («как железо»), «энергичным», «неумирающим» [Менаж.: 79]. Препозитивное употребление: *Темирбек* «железный бек» от *темир* + *бек*, *Темирбий* «железный князь» от *темир* + *бий*, *Темирболат* «стальной князь» от *темир* + *болат* «сталь», *Темирхан* «железный хан» от *темир* + *хан*; постпозитивное употребление: *Шагьтемир* «железный шах» от *шагь* + *темир*, *Акьтемир* от *акь* «белый» + *темир* «железо», *Алтемир* от *ал* «медь; медный» + *темир* «железо», *Байтемир* от *бай* «богатый» + *темир*, *Бектемир* «железный бек» от *бек* + *темир*, *Бийтемир* «железный князь» от *бий* «князь» + *темир* «железо», *Жантемир* от *жан* «душа» + *темир*, *Къантемир* «кровавое железо» от *къан* + *темир*, *Кьойтемир* от *кьой* «баран» + *темир*, *Таштемир* «подобное камню железо».

Метафоризации *алтын* «золото», «золотой» — «очень хороший», «драгоценный», «благородный» — возможно, благоприятствовало наличие «чувственно-экспрессивного элемента» [Буд. I 2001: 93 и сл.]. Чисто звуковые схождения этого слова наблюдаются со словами *ал* «алый», *ал* «шелковая ткань светло-красного цвета, используемая на знамена и в убранстве верховой лошади», *али* «герой, богатырь», *ал-* «брат, взять» [ДТС: 32, 32, 36]. *Алтын* «золото, золотой», *Алтынбике* «золотая госпожа», *Алтынчач* «золотая коса».

Метафоризация значения имени *Гюмюш* «серебро» содержит элементы пожелания: «драгоценный металл белого цвета» — «символ внутренней чистоты, невинности» [Саттаров: 116], позднее, в женских именах — «белотелая девушка (женщина)».

Типологическое подобие можно усматривать в русских фамилиях: князь *Серебряный*, *Серебрякова*, *Серебренников* [СИГТЯ: 693].

Из названий драгоценных камней, металлов отметим еще следующие: *Маржанат* «коралл», *Танажар* «жемчужина», *Перезе* «бирюза», *Якь-ут* «яхонт», *Зумрут* «изумруд», *Бриллианта*, *Болат* «сталь».

Антропонимы, связанные с названиями растений

Фитофорные имена (имена, содержащие лексемы, в которых отражается флора) также очень древние. Наиболее ранние из них связаны с фетишизмом и тотемизмом, более поздние - с традицией и метафорическим употреблением названий растений. Состав таких имен во многом зависит от природных условий и ономастических традиций: на Востоке

очень распространены имена, образованные от названий цветов, для России более типичны названия деревьев и т.д. Количественно эта группа имен почти у всех народов уступает зоофорным.

Этимология этого разряда личных имен наиболее прозрачна. Мужские имена, связанные с названиями растений, выражают стойкость, выносливость в суровых условиях, неприхотливость. Эти имена даются мальчикам из желания видеть их крепкими, стойкими в различных жизненных ситуациях. С названиями растений связаны такие имена: *Алма* от *алма* «яблоня», *Баъли* от *баъли* «черешня», *Будай* от *будай* «пшеница», *Манналакъ* (*Мандалак*) от *мандалакъ* «бутень, клубнеобразный съедобный корень», *Хурма* от *хурма* «финик, плод финиковой пальмы», *Чечек* от *чечек* «цветок, соцветие» и др.

Женские имена, связанные с названиями растений, выражают красоту, изящество, сладость, нежность. Даются они по названиям красивых цветов, плодов. Очень часто женские имена, связанные с названиями растений, являются сложными по своей структуре.

Живописное изображение родового священного дерева *байтерек* от *бай* «богатый» + *терек* «тополь» или *темиртерек* «железный тополь» см. в алтайском эпосе:

«Стоствольный вечный тополь

Под лучами луны и солнца,

Как золото сверкая, стоит» [МК Алт.ГЭ 47-49 и далее стх. 50-119].

Священное дерево может предсказывать смерть эпических персонажей: «Золотолиственный богатый тополь *байтерек* На запад, оказывается, склонился» [МК Алт.ГЭ стх. 7330-7331; см. также 461, прим. 13].

Соответственно название тополя широко задействовано в тюркской антропонимии. Собранные материалы позволяют реконструировать *терек* как компонент личного имени и именную модель для сложносоставных личных имен с компонентом *терек* в препозиции и постпозиции: *Балтерек* «медовое дерево», *Терекбей* от *терек* + *бей* «господин», *Терекмурза* от *терек* + *мурза*, *Терикбий* от *терек* + *бий*, *Терик*, *Балтерек* «медовое дерево».

Произошла двухступенчатая метафоризация: в прежние времена это было имя-посвящение (с надеждой на покровительство священного дерева нарекаемому); впоследствии - имя-пожелание: чтобы он был крепок, могуч и долголетен, как «стоствольный вечный тополь» [СИГТЯ: 695].

Тенденция к использованию названий деревьев в тюркской антропонимической системе, как это видно из приведенных примеров, не утрачена и в настоящее время, более того - поддерживается фактом существования имен с компонентом в виде названия дерева, произрастающего на южных территориях, - чинары. Собранный материал позволяет реконструировать более позднюю региональную (центральноазиатскую) форму личного имени *Чинар*.

Из числа растительных образов в тюркской антропонимической системе с широким разбросом по языкам представлены личное имя *Чечек* «цветок» и сложносоставные личные имена с этим компонентом. Личное имя *Чечек* искони было связано с «древнетюркскими представлениями об умирающей и вновь воскресающей растительности» [Сухранова О. А. К вопросу о культуре мусульманских святых - цит. по Кармышеву 1987, 233, прим. 5]. По мнению Б. Х. Кармышевой, «имя *Гуль* «цветок», несомненно, отражает эти же представления, ибо в Таджикистане и Узбекистане существовали весенние праздники цветов, которые исследователями объясняются из культа божеств, олицетворяющих умирающую и вновь воскресающую растительность» [Кармышева 1987: 233-234].

С учетом вышеизложенного вторичной должна быть признана метафоризация значения: «цветок» - символ красоты, чистоты, нежности, полного расцвета.

Впоследствии компонент женских личных имен *чечек* был сильно потеснен персидским заимствованием *гул* «цветок; роза», обладающим большим чувственно-экспрессивным потенциалом, нежели *чечек*. Широкое использование *гул* в функции компонента тюркских женских имен укрепляет исторически проявившуюся тенденцию к вовлечению растительных образов в тюркскую антропонимическую систему.

Из двухкомпонентных кумыкских женских имен, имеющих широкое распространение, сочетание *имя + роза* «цветок, роза» или реже *роза + имя* по своей продуктивности занимает одно из первых мест. Впрочем, элемент *гул* «роза, цветок» в составе женских имен широко употребителен не только у кумыков, но и у других нетюркских народов Дагестана, главным образом лезгин, рутульцев, цахурцев и агульцев.

Эпитет *гул* «роза» часто встречается в сложных женских именах у туркмен [Сапарова: 77-78], каракалпаков (Баскаков: 138). Широко распространен он и у казахов. Название фруктов, ягод, цветов в качестве мужских имен не встречается. Так называют только девочек [Султаньяев:

75]. В этих эпитетах в сложных женских именах отражаются национальные черты народа, его отношение к женщине [Баскаков: 139].

Как уже отмечалось выше, элемент *гюл* «роза» в кумыкских двух-элементных женских собственных именах чаще встречается в постпозиции по отношению к другому элементу, хотя имеются случаи, когда он может выступать как в постпозиции, так и в препозиции, и, наконец, случаи, когда тот же элемент наличен только в препозиции.

В соответствии с локализацией элемента *гюл* «роза» все кумыкские женские имена, имеющие этот элемент, разделяются на три основные группы: 1) имя + *гюл*; 2) имя + *гюл*, *гюл* + имя и 3) *гюл* + имя.

Каждая из этих основных структурных групп разделяется в свою очередь на несколько семантических классов.

1. **Имя + *гюл***, т.е. группа имен, в которых элемент *гюл* находится только в постпозиции: имя, указывающее на отношение к растению + *гюл*: *Алмагюл* «яблоневый цветок» от *алма* «яблоко, яблоня» + *гюл*; *Наргюл* «гранатовый цветок» от *нар* «гранат» + *гюл*, *Асилгюл* «благородный цветок», *Бахтигюл* «счастливая роза», *Къызылгюл* «красная роза», *Сюйгюл* «роза, цветок любви», *Инчегюл* от *инче* «тонкий» + *гюл*.

2. ***Гюл* + имя**, т.е. группа имен, в которых элемент *гюл* находится только в препозиции. *Гюлаба* «розовая вода», *Гюлайбат* «счастливая роза», *Гюлаят* от *гюл* + *аят* (Корана), *Гюлбав* от *гюл* «роза» + *бав* «сад», *Гюлбагъыдат гюл* + *Багъыдат* (Багдад), *Гюлбагъар* «весенний цветок», *Гюлбахча* «бахча (садик) роз» от *гюл* + *бахча*, *Гюлбес* «сад цветов», *Гюлбет* «лицо, подобное розе», *Гюлбике гюл* + *бике*, *Гюлгъайбат* от *гюл* + *гъайбат*, *Гюлгъасибат* «лучший цветок мендаля», *Гюлдесде* «букет роз», *Гюлеймат* «сладкая роза», *Гюлесбет* «лицо, подобное цветку», *Гюлжан* «*гюл* + *жан* «душа», *Гюлжагъан* «мир, вселенная роз цветок мира», *Гюлжамал* «красота, совершенство цветка», *Гюлжамина* от *гюл* + *Жамина*, *Гюлженнет* от *гюл* + *Женнет*, *Гюлзада* «потомок розы», *Гюлзаман* «время роз(ы)», *Гюлзар* «цветник, цветущий сад», *Гюлзарат* от *Гюлзар* «золотая», *Гюлистан* «цветник», *Гюлишат* «цветник, цветок радости», *Гюлкъыз* «девушка роза», *Гюллер* «роза (мн.ч.)», *Гюлмагъаммат* от *гюл* + *Магъаммат*, *Гюлнадият* «редкостный цветок», *Гюлназ* «грациозный цветок, обаятельная как цветок, изящная», *Гюлнар* «цветок граната», *Гюлниса* «госпожа цветов», *Гюлпатимат* от *гюл* + *Патимат*, *Гюлпери* от *гюл* + *пери* «фея», *Гюлсара* «самый свежий, самый лучший цветок», *Гюлхан* от *гюл* + *хан*, *Гюлханум* от *гюл* + *Ханум*, *Гюлчечек* «цветок розы», *Гюлишан* «цветник», *Гюлишарип* «слава цве-

тов, роз», *Гюльяр* «подруга роз», *Гюлязим* «великая роза, роза величия» и др.

Как видно из перечисленных выше женских кумыкских имен, элемент *гюл*, входящий в их структуру, несет не только смысловую, но и формальную, отвлеченную от прямого своего значения *гюл* «роза, цветок» семантику эмоционального, нежного, ласкательного оттенка, придаваемого основному имени.

Таким образом, детерминативный элемент *гюл* «роза, цветок» в современных кумыкских женских именах имеет обобщающее отвлеченное значение формата, придающего имени эмоционально-экспрессивную окраску, и только в сочетаниях с другими детерминативами приобретает самостоятельное значение.

В тюркских антропонимических системах можно видеть также случаи использования в качестве имен (или их компонентов) названий плодов. Привлечение дополнительных сведений позволяет реконструировать в пратюркской антропонимической системе сложносоставные личные имена *Алмагюл* «яблоневый цветок» от *алма* «яблоко, яблоня», *Алмаханум* «госпожа яблочек» с препозицией и постпозицией компонента *алма*.

В кумыкском именнике часто встречаются еще следующие имена из разряда растительной лексики: *Мелевше* «фиалка», *Инжили* «инжир», *Лала* «тюльпан», *Хурма* «финик» и т.д.

Кстати, наименования злаковых культур и овощей не имеют места в именнике кумыков. Здесь приходится констатировать, что в русских фамилиях большое место занимают названия злаковых и овощей (*Пшеничников*, *Огурцов*, *Морковин* и др.). Названия злаковых культур и овощей в кумыкском именнике не встречаются.

Антропонимы, связанные с названиями животных

Названия диких и домашних животных занимали значительное место в общем именнике кумыков. Эти имена, очевидно, возникли в тот период, когда люди верили в магическую силу слова (имени) и старались придать имени то качество, которое хотели видеть в своем ребенке: здоровье, крепость, силу, ум, находчивость и др.

Поэтому преимущественно применялись в качестве имени названия сильных, могущественных зверей: и тотемных животных, как *Аюв* «медведь», *Арслан* «лев», *Бёрю* «волк». Но никогда не называли ребенка именем *къоян* «заяц», *донгуз* «свинья», тюлку «лиса», *лобан* «крыса» и т.п. Они встречаются в качестве уничижительных прозвищ.

Среди приученных животных особое место у тюрков занимают *ит* «собака» и *гючюк/кучук* «щенок». Это имена-обереги. У кумыков встречается только имя *Кучук*. Оно сохранилось сейчас только в фамилии *Кучуков*. У балкарцев *Ахкёбек* от *акъ* «белый» + *кёбек* «собака»

Встречаются больше всего общие наименования животных, как *Атлы* «всадник», *Атлыгиши* «всадник, известный мужчина». Но кумыки никогда не давали имени *обгюз* «вол», *сыйыр* «корова», *байтал* «кобыла» и т.п., хотя в русских именах их сплошь и рядом.

В составе древних имен имеются названия детенышей животных: *Къозу* «ягненок», *Акътай* «белый жеребёнок», *Къартай* «чёрный жеребёнок».

В именовании своих детей названиями детенышей животных выражается также особо почтительное отношение к этим животным и тотемистические взгляды. Корова не считалась тотемным животным у кумыков, поэтому название теленка *бузав* не давалось детям.

Почитались не только дикие, но и домашние животные. Данные, свидетельствующие о наличии культа барана (*къочхар*) приводит К. Г. Азаматов: на шею барана у балкарцев и карачаевцев, в отличие от коровы, скажем, никаких амулетов не вешали, ибо сам живой баран считался оберегом от всяких злых сил. Кумыки и балкарцы новорожденному ребенку мазали лицо кровью жертвенного барана; одним из главнейших элементов орнамента на войлочных коврах (*кийизах*) является *къочхар мюйюз* — «бараньи рога»; изображение это, как и сами рога, которые закапывались под пол при строительстве дома, видимо, «были призваны ограждать дом от любого несчастья [Азаматов 1980: 155- 156]. Существовал и обычай прибивать над входом в жилище или на воротах бараньи рога.

Кроме упомянутых *волка, барана, ласки и собаки* в антропонимии кумыков встречаются названия следующих животных: *Аюв* от *аюв* «медведь», *Къаплан* (*Каплан*) от *къаплан* «тигр», *Къозу* (*Козу*) от *къозу* «ягненок», *Тана* от *тана* «годовалый теленок», *Теке* от *теке* «козел», *Токълу* (*Токлу*) от *токълу* «годовалый ягненок», *Тюлку* от *тюлку* «лиса», *Улакъ* (*Улак*) от

улакь «козленок». Многие из названных имен встречаются только в фамилиях.

Этот разряд личных имен очень продуктивен во многих других тюркских языках. Мужские имена этой группы выражают силу, отвагу, мужество, храбрость. Имена эти давались и даются из желания видеть детей мужественными, храбрыми, выносливыми, физически сильными.

Женские имена, образованные от названий животных, означают красоту, горделивость, величавость. Например: *Марал* «степная лань», *Жейран* «косуля, жейран», *Сона* «дикая утка», *Мая* «верблюдица».

В кумыкских именах нет названий насекомых.

«Птичьи» имена

Бахаеддин Ёгел сообщает: «Слово «Куманы» расшифровывается как «кугу» («дети лебедя»). Каган гёктюрков превращается в лебедя. Деде Коркут превращается в голубя, чтобы скрыться от Исраила».

В поэзии тюрков эпохи сельджуков часто используется оппозиция ястреб - (символ войны) и голубь (символ мира). Дервиши Хорасана превращаются в журавлей (танец дервишей ордена Мевлеви, именуемый «сема»), а халифы Бекташи - в соколов. Есть поэтически иносказательные посвящения дервишских поэтов друг другу, построенные на птичьих и других мифологических реминисценциях.

Шаман со временем вносит в одежду птичьи элементы, подчеркивая свою «связь» с небом, способность к перевоплощению. Это относится и к дервишам. Основатель ордена дервишей Ходжа Ахмед Ясави выражал свою божественную субстанцию в виде журавля («*турна*»), а Хаджи Бекташ Вели - в виде голубя («*гёгюрчюн*»).

Тотемами (символами) двадцати четырех огузских племен также являются птицы. Будучи на Енисее - у «красных» тюрков, - швейцарский путешественник Штраленберг отметил, что у якутов лебедь, гусь и ворона священны. У тюрков тотемы не осовременились. У якутов ими являются конь с белыми пятнами, ворона, лебедь (кугу), ястреб, орел, журавль, черная корова. Тотем орла выдает принадлежность к знатным родам. Ни мясом, ни молоком священной коровы не пользовались. Долганы даже избегали называть священных животных. Хоронили их по обряду [Урусбиева: 88].

Вот как выглядит портрет кагана, дошедший из самых древних источников: лицо - синее, рот - красный, огненный, глаза - карие, волосы и

брови - черные. Только раз он прикоснулся к материнской груди. В детстве питался стерлядью, шурпой и вином. Через сорок дней после рождения ходил и играл, ноги у него были как у быка, поясница - как у волка, плечи - как у соболя, а грудь - как у медведя. Он обладал всеми качествами, которые должны сочетаться в военном предводителе - сердцем льва, когтями тигра, в набеге - свирепостью и силой кабана, хитростью яка и лисы, мстительностью верблюда, простодушием сороки, юркостью ворона, благородством льва, бдительностью недремлющей совы [Урусбиева: 88].

Бестиарий тюрков содержит около трехсот наименований, соотносимых с человеком. Об этом свидетельствует памятник «Кутадгу билиг». А вот набор зверей у арабов, используемый для той же цели Ал-Мадари: «Как петух - отважен, как курица - целомудрен и честен, как лев - смел, как кабан - агрессивен, как собака - терпелив, как журавль - недремлющий, как ворон - величав, как волк - стремителен». Как видим, набор еще многообразнее и подробнее, и он не всегда совпадает с европейскими и славянскими интерпретациями животных и птиц [Урусбиева: 88].

Общепризнано, что птицы играют важную роль в мифологиях всех народов мира, а в мифологии тюркских народов Сибири они занимают одно из центральных мест, с ними связаны здесь два комплекса мифов: о сотворении земли и о получении огня [Дыр. Птица: 119]. Птица была активным помощником, участником творения земли, а «пока не сотворилась еще земля, была лишь вода, и божество Кудай - с тем, кто потом стал Эрликом, - летали над водой, будучи черными гусями» [Дыр. Птица: 121-123].

В легендах о даровании людям огня птицей говорится, что каждому роду в отдельности стали приносить огонь различные птицы; их-то и начали эти роды считать своими божествами. К числу таких птиц относились лебедь, ястреб и орел [Дыр. Птица: 124-125].

Уже из сказанного видно, что не только крылья птицы позволяют отнести этот образ к верхнему, небесному миру, но особенно - исполняемые ею функции в мифическом мироустройстве.

В числе представителей животного мира, упоминаемых в средневековой Книге гаданий, - беркут, орел, сокол, лебедь, ворон, журавль, кукушка - так или иначе связаны с дошаманистскими и шаманистскими культурами тюркских народов [Стебл. 1971: 222].

В позднетюркской антропонимической системе реконструируется древний монголизм *Лачин* в качестве личного имени [СИГТЯ 1997:

651]. Метафоризация двухступенчатая: в личном имени *Лачин* усматриваются следы былых тотемических представлений. В позднее время могла произойти вторичная метафоризация *лачин* «сокол» — «храбрый», «сильный», «зоркий» [Бегматов: 9], благодаря чему это личное имя становится именем-пожеланием. Культу хищных птиц у народов Средней Азии посвящена книга Г. Н. Симакова «Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты)» [СПб 1998]. В русский исторический ономастикон проникли фамилии *Лачин*, *Лачиновы* [Вес.Оном.: 178; Трепавл.: 729].

Синонимом имени *Лачин* является имя *Сунгур*, которое встречается в таких сложносоставных именах как *Сунгурбек* от *сунгур* «сокол» + *бек*, *Байсунгур* от *бай* «богатый» + *сунгур*.

Тот факт, что удалось разыскать сравнительно небольшое количество личных имен с компонентом *Сунгур/Сонгур*, предположительно можно было бы объяснить наличием в этом слове «погибельной» для человека семантики. Возможно, что в ряде тюркоязычных регионов это препятствовало проникновению *Сунгур* в антропонимию. Как утверждает Н. Д. Арутюнова, «освещение проблемы взаимодействия значения слова и жизненного опыта существенно и для понимания природы метафоры, и для понимания семантических процессов в целом» [Арутюнова: 347].

Возможно, что аналогичным образом допустимо объяснять, отчего так мало имен со словами *акъ кьуш* или *къув* «лебедь». Причина в том, что это слово также связывалось с обозначением смерти, несчастья. «В северночувашском встречается *акаш* или *хоркайак акаш* «лебедь», «дикий гусь». Пролетающий над деревней лебедь для всей деревни означает большое несчастье, падёж скота, пожар» [Чув.Ф: 88].

В своем развитии личное имя *Къарчыгъа* могло претерпевать вторичную метафоризацию («ястреб» - «смелый», «стремительный», «зоркий»).

В пратюркской антропонимической системе реконструируется компонент личного имени *къарлыгъач* «ласточка» [СИГТЯ 1997: 652].

По якутскому преданию, каждому роду в отдельности стали приносить огонь различные птицы; у бурят существует легенда о похищении ласточкой огня (для людей) [Дыр. Птица 125 и прим. к с. 125]. В якутском мифе о мироздании Эрлик «превращается в ласточку, ныряет в воду и выносит ил», т.е. «птица творит мир» [Дыр. Птица: 126]. «У алтайцев ласточка прилетает к Ульгеню, неся во рту дёрн, который она и

рассеивает по земле (до этого земля была голая). ...Ласточка приносит (людям) от Эрлика кремень» [Дыр. Птица: 123].

У чувашей ласточка - «любимая птица народных мифов. Бог ее тоже очень любит. Осенью, когда птицы улетают с полей и лесов, с земли поднимаются они к Богу. Ласточка тоже прилетает к Богу, но тогда как остальные птицы находятся в отдалении от него, ласточка вьет свое гнездо под столом Бога и чирикает вокруг его ног. Народное поверье с помощью мифа [о змеях, комаре и ласточках] объясняет, почему люди должны любить ласточку (она спасла человека от змей)» [Чув.Ф: 90-91]. У кумыков не принято разрушать гнездо ласточки.

Метафоризация двухступенчатая: вначале было имя-посвящение покровительнице рода - ласточке; впоследствии через сравнение происходила вторичная метафоризация - «чиста, как ласточка».

Небесным вестником предстает в тюркской мифологии *гёгюрчюн* «голубь»; к тому же, «образ птицы-души соотносится с образом птицы-вестника смерти, и в таком сочетании голубь воспринимается также рядом народов Средней Азии» [Стебл. 2002: 33]. Высказывается предположение, что «образ голубя, по-видимому, появился в мифологиях мусульманского мира из древнееврейской традиции через христианскую и соединился в них с их собственными представлениями о птицах» [там же: 33]. В волшебных турецких сказках много мотивов с голубем: голубка, окунувшись в бассейн, превратилась в прекрасную девушку: «она была дочерью падишаха птиц»; «похищенный сын падишаха прилетает в его дом голубем; прилетели две голубки, подхватили спящую девушку и перенесли ее в дом суженого» [Стебл. 2002: 16].

Неудивительно, что образ голубя с древности запечатлен в антропони-мии тюркских народов. Привлечение дополнительных данных позволяет реконструировать в пратюркской антропонимической системе личное имя *Гёгюрчюн* «голубь» [СИГТЯ: 706].

В тюркской мифологии особое место занимает и дикая утка. Так, во всех многочисленных космогонических легендах птицы - божества, плавают они или летают, всегда носятся над бесконечным пространством воды. Естественно, что образ дикой утки *сона* нашел отражение в пратюркской антропонимической системе.

Круг значений *сона*: «селезень», «самка кряквы», «утка», «дикая утка»; общее название дикой водоплавающей птицы и куликов; какая-то птица и др.

В турецких диалектах метафорическое значение *suna* относимо как к женщине, так и к мужчине: «красавица», «красивый» [ЭСТЯ 2003: 306].

В кумыкском именнике представлены два варианта этого имени: *Суна* и *Сона*. Обнаружена только одна сложносоставная форма этого имени – *Сонаханым/Сунаханым*.

У карачаевцев и балкарцев встречается синонимичное женское личное имя *Баппуш* [СЛИ РСФСР: 103]. Ср. с кумыкским мужским именем *Бабуш*.

Традиция наречения «птичьих» имен настолько исторически глубоко укоренилась в этнической памяти тюркских народов, что имеет даже тенденцию разрастания у некоторых из этих народов [см. в современной якутской антропонимии, например, «имена от названий птиц, воспеваемых в произведениях устного народного творчества, - преимущественно женские» [СЛИ РСФСР: 202]]. Помимо рассмотренных выше имен в антропонимические системы разных народов оказались вовлечены образы и соответственно названия других различных птиц. При этом образы ряда таких птиц можно найти в архаичных мифах, легендах, преданиях тотемического типа.

Из названий домашних птиц в карачаево-балкарской антропонимии задействовано в качестве женского имени *Гогуш* (< «индюк»), см. также *Жумарыкь* «горная курица» [СЛИ РСФСР: 103].

Приведенный материал со всей очевидностью показывает: в тюркской антропонимии так называемые «птичьие» имена (или «птичьие» компоненты сложносоставных личных имен) остаются весьма активными на протяжении десятков веков: личные имена с использованием орнитологической лексики в их составе продолжают жить у тюрков и в XXI в. В этом ярко проявляется «богатая аналогическая творческая сила народного духа», о которой в свое время писал Д. Месарош применительно к чувашам [Чув.Ф: 27]. Применительно к тюркской антропонимической системе в ее историческом развитии это утверждение может быть распространено и на многие другие тюркские народы.

«Божественная зоология тюрков»

Особняком в «божественной зоологии» стоят тотемные животные, считающиеся прародителями тюрков, отцовские и материнские. У тюрков это волк, у киргизов и ногайцев - собака, у телеутов - медведь. Отсюда происходят и названия родов-племен: от слова *ногъай* «собака» пошло

название ногайцев, а от *донгуз* «кабан» - название тунгусов. От названий животных произошли и многие личные имена.

Тотемы птичьи преобладают у якутов, тотем киргизов - сорока, у монголов же - соболь. У каждого из названных народов атрибутом камлания шаманов является як [Урусбиева: 89].

При этом надо отметить, что животные, бытующие в карачаево-балкарских сказках со времен Нуха (Ноя), - те же самые, в том числе экзотические, теперь не встречающиеся. Совпадает со старотюркской вся семиотическая нагрузка у птиц и животных в устно-поэтическом творчестве карачаевцев и балкарцев, особенно в песнях о набегах, плачах, лирических песнях и ийнарах, то есть в жанрах, наиболее «экстремальных» для художественного сознания: *къаргъа* «ворон», *къапчыгъай* «сорока», *лачин* «сокол», *тюлкю* «лисица», *хундуз* «куница» и так далее.

Материнское и отцовское начала в тотеме особенно четко дифференцируются в шаманской культуре. Если отцовский тотем принадлежит всему племени, то материнский оберегает только одного конкретного шамана, представляя собой его дух.

Не дружественны человеку собака и волк. Кстати, культ волка, давшего жизнь тюркскому роду, постепенно уходит из первого ряда тотемов, становясь скорее геральдическим символом тюрков, т.е. уступая место более родовитым тотемам - орлу, оленю, медведю.

В монгольских легендах о батырах волк занимает особо почетное место. Волка нельзя приручить. В монгольской легенде о батыре Бондачаре волк раскрывает свои благородные качества: он не убивает запертого в пещеру батыра, делит с ним добычу. Анатолийская пословица гласит: «Волк соседа не тронет». В чагатайских курганах при раскопках обнаружено много амулетов, выделанных волчьих чучел для обрядов, гербов. В якутской легенде багатур, надев варежки из волчьей шерсти, затыкает дыру, откуда дули холодные ветры из вселенной.

Ту же «волчью» символику содержит сон матери Чингисхана (чем подчеркивается необычность его рождения) или сон матери маджарского короля Алмаша.

Только с ослаблением языческого мироощущения и принятием мусульманства в державной символике уйгуров, египетских и тюркских мамлюков начинает преобладать лев. [Урусбиева: 90].

В «Шах-Наме» утверждается, что род Чингисхана происходит от льва, в монгольской мифологии праматерь рода в виде солнечного луча проникает через окно, позже она же предстает в образе львицы. В Ана-

толии шейхи алеви изображаются верхом на льве с плетью в виде змеи [Урусбиева: 87].

Бахаеддин Ёгел утверждает: «В гёктюрских легендах белая олениха является царицей морей и озер. Отец Чингисхана (волк, спустившийся с небес); был женат на оленихе. Пророк Хамза принял мусульманство после того, как его выходила олениха. В кавказской мифологии богиня охоты Дали, бог Апсаты и его дочь (трехногая олениха) имеют полузооморфный облик [Урусбиева: 87].

В Месопотамии, в бассейне рек Тигр и Евфрат, почитается олениха, а шумеров, вавилонян, в Эламе и Ассирии священным считается олень (5 тысяч лет до н.э.). Он участвует в культуре Артемиды (у греков) и Дианы у римлян). Эта богиня защищала животных от охотников, вспаивая их своим молоком. У христиан же олень символизирует дух» [Урусбиева: 87].

У древних тюрков шаману в путешествии между небом и подземным миром помогали лвята и тигрята, каждых по двое.

Бахаеддин Ёгел напоминает: «Пророку Мухаммеду, когда он вознесся на небо (совершал мирадж), дорогу преградил лев. Пророк бросил ему в пасть золотое кольцо, и тогда лев пропустил его. Наутро пророк рассказал о происшедшем Хазрет Али, на что тот вынул изо рта золотое кольцо» [Урусбиева: 87].

Лев стережет гробницы фараонов. В буддийской символике и в Юго-Восточной Азии лев означает силу и могущество государства.

Выражение «Гейикли Баба» у дервишей означает «Олений дед». Предводители на войне садились на оленя и надевали на голову рог.

Из разряда зоологической лексики обращают внимание кумыкские имена *Жайран* «джейран, серна», *Марал* «лань», *Арслан* «лев», *Къаплан* «тигр»; *Къызыларслан* от *къызыл* «красный» + *арслан* «лев»; *Бёрю* «волк», *Жанбёрю* от *жан* «душа» + *бёрю* «волк», *Тана* «двугодовалый теленок», *Къозу* «ягненок», *Тоту* «павлин».

«Звериные» имена - это мифологемы, они указывают на принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому прародителю — «зверю». В таких именах сохраняются черты чрезвычайной этнокультурной архаики. С утратой этой мифологической актуальности в современных условиях некоторые из таких имен претерпели метафоризацию, в результате чего превратились в имена-пожелания с качественными характеристиками. Неудивительно поэтому, что целый ряд современных английских фамилий восходит к названиям животных, растений и дру-

гих предметов, изображения которых служили домовыми знаками и дали соответствующие фамильные прозвания жившим или работавшим в этих домах людям. Ср. *Бэр* «медведь», *Лайон* «лев», *Вульф* «Волк и др.

К тотемным принято относить имена, в основе которых лежат апеллятивы - названия животных, птиц и т.д. Происхождение их можно объяснить по-разному. «С одной стороны, в них обнаруживаются явные следы тотемистических представлений древнего человека, - пишет А. Гафуров. — Это особенно заметно в обряде наречения именем *Волк* у болгар и у таджиков. У тех и других ребенка как бы приобщают к роду Волка. Прежде чем назвать ребенка *Бури* или *Гург* (первое узбекское, а второе таджикское в значении «волк»), его протаскивают через шкуру волка. Тем самым ребенок будто бы приобретает силу, выносливость, живучесть волка и его покровительство как тотема. А с другой стороны, «животное» имя... призвано маскировать человека, скрывать его от духов» [Гафуров 1971: 9].

В пратюркской антропонимической системе реконструированы сложносоставные личные имена с компонентами - названиями хищных зверей – *Арслан*, *Бёрю*, *Къаплан* [СИГТЯ 1997/2000: 640-644].

Аюв истолковывается как «подобный медведю сильный / могучий» [Сатт. 1998: 49].

Решение спорного вопроса о том, является ли волк тотемом тюрков (аргументация «pro» и «contra» подробно изложена в литературе), по нашему мнению, должно находиться в компетенции специалистов-этнографов.

Из числа названий четырех видов скота в тюркской антропонимии широко задействовано *Къочкъар* «баран-производитель». Этнограф Б. Х. Кармышева связывала мужское имя *Кочкар* с культом барана, опираясь на собственные наблюдения и на работу Б. А. Литвинского [108], где это имя было истолковано таким образом применительно к мазарам *Кочкар-ата* в Фергане. Б. Х. Кармышева особо подчеркивала, что «имя *Кочкар* давалось ребенку с целью уберечь его от беды, т.е. «даже название этого животного обладало сверхъестественной магической силой» [Кармышева 1987: 234 и прим. 11 к с. 234].

При учете вышеизложенного в качестве результата вторичной метафоризации могут рассматриваться те толкования значения мужского имени *Кочкар*, которые предложены носителями языка, как, например: имя *Къочкъарбай* давалось «в связи с желанием родителей иметь больше мальчиков». Ср. метафоризованные значения *qoc*, *qocuyar*, приведенные в

ЭСТЯ 2000: 88: «добрый молодец, удалец», «храбрый, сильный, крепкий», «здоровый» и др.

В пратюркской антропонимической системе реконструированы компонент личного имени *Тека* «козел», «дикий козел» и именная модель сложносоставного личного имени ««имя + *teka*» [СИГТЯ 1997: 647-648].

Из ихтиологической лексики, задействованной в кумыкской антропонимической системе личное имя *Чортан* «щука».

Необходимо особо подчеркнуть теснейшую связь онимизованных лексем с апеллятивной лексикой и, соответственно, прозрачность их этимологии. Семантическая структура тюркской антропонимической системы существенно отличается от семантической структуры апеллятивной лексики. Эти отличия обеспечиваются, во-первых, специфичностью отбора онимизуемых лексем. Хотя в древнетюркской антропонимической системе в большей мере, чем, например, в древнегерманской антропонимической системе, отражена бытовая и другая сугубо «земная» лексика (заметная ориентированность древнетюркской антропонимии на бытовую сторону жизни и обычаи в противовес тому, что древнегерманские имена считаются «специфическими сочетаниями поэтического типа» [Топорова: 135], не приходится, разумеется, говорить ни о совпадении корпуса апеллятивной лексики и круга онимизованных лексем в количественном плане (при той избирательности в процессе онимизации, которая строго регламентирована экстралингвистическими факторами), ни о совпадении их семантических структур. Во-вторых, апеллятив и соответствующая онимизованная лексема при всей прозрачности этимологии этой последней в тюркских языках, как правило, не могут полностью совпадать и семантически. Дело в том, что лексическое значение онимизованной лексемы в тюркских языках предстает опосредованным через древние верования (мифологизацию, оживотворение обозначаемых объектов), через позднейшую метафоризацию.

Как видно из этого выборочного перечня, комплексный подход к проблеме позволяет очертить семантическую структуру раннекумыкской антропонимической системы. В перспективе это открывает путь к тому, чтобы, опираясь на «исходные» значения онимизованных лексем - односоставных имен и компонентов сложносоставных имен, построить модель картины мира, каким его видел древний кумык [см. СИГТЯ 1997: 702-723].

По свидетельству К. М. Мусаева, «большинство антропонимических исследований использует принцип семантической классификации» (Мусаев 1984: 207). Несмотря на относительную разработанность темы, в работах, посвященных семантическому анализу антропонимов, часто прослеживается отсутствие четких критериев: одна группа специалистов критерием семантической классификации считает исходное значение антропонима - название животных, растений, явлений природы и т.д., другая группа — мотивы наименования; кроме того, в ряде работ наблюдается соединение этих критериев.

От упрощенного семантического анализа предостерегал В. А. Никонов, справедливо отмечавший, что лексическое значение того слова, из которого оно возникло, нельзя принимать за семантику собственного имени, и что подмена семантики собственных имен лексическими значениями породивших их слов полностью зачеркивает подлинные значения собственных имен, разрывает действительные семантические группы и сваливает в кучу совершенно разнородное. По его мнению, имени *Арслан* «лев» место не в ряду «по животным», а вместе с *Булат* «сталь», *Темир* «железо» и другими — в ряду имен-заклинаний. Это пожелание ребенку вырасти могучим и сильным [Ономастика 1980: 186, 187].

Сказанное не отрицает необходимости изучения лексики этих слов. Изучение лексических основ и их значений имеет важное значение хотя бы потому, что некоторые слова, утраченные языком, сохранились только в основах фамилий. Но семантика этих основ — совсем не семантика самих фамилий.

Даже четкое следование единому принципу — выявлению мотива присвоения имени не позволяет однозначно отнести то или иное имя в определенную группу: некоторые антропонимы могут иметь в разных случаях разные мотивировки. Имя *Бугъа* «бык» на равных основаниях можно отнести как к дезидеративам (пожелание ребенку вырасти сильным, могучим), так и к тотемным (связанным с культом быка).

В. А. Никонов, как мы видели выше, относит имя *Темир* «железо» к именам-заклинаниям, а С. К. Бушмакин имя с лексическим значением «железо» располагает в семантической группе, отражающей индивидуальные физические и физиологические качества человека, на том основании, что для выражения этих качеств «часто используются обычные названия предметов и явлений, выражающих идею необходимого качества, например, *Пух* — легкий, *Лучина* - худой, *Железо* - крепкий и т.д.» [Бушмакин 1970: 123].

Сложности возникают еще и потому, что нелегко установить, какие из собственных имен давались при рождении как имена и какие появлялись позже как прозвища, поскольку первые могли иметь разное происхождение. В одних случаях имя отражает действительное положение вещей, например, когда дается по физическому недостатку новорожденного). В других оно не ассоциируется со словами обыденной речи, а дается потому, что давно уже служит личным именем. В третьих, семантическое содержание имени имеет значение, так как дается с целью предохранить новорожденного от действия недобрых сил. Т.е. грань между именем и прозвищем весьма зыбка: «Ученые спорят о том или ином антропониме прошлого: признать ли его прозвищем или именем (в узком смысле слова)? А само различие между ними никем еще не определено» [Личные 1970: 55].

Первую классификацию мотивов тюркских антропонимов сделал В. А. Гордлевский в статье «К личной ономастике у османцев». [Гордлевский 1968]. Он разделил их на семь групп: происхождение; приметы: цвет волос, фигура, походка, физические недостатки; характер, свойство, склонность; профессия, занятие отца; собственная профессия или занятие, должность; социальное или общественное положение; исторические прозвища. Как видим, В. А. Гордлевский здесь разграничивает имена и прозвища: вряд ли можно говорить о «характере и склонностях» или «собственной профессии» новорожденного.

Таким образом, ввиду невозможности выявления точного мотива номинации, нам кажется целесообразным не выделять их в отдельную группу, а рассматривать вместе с именами, в основе которых лежат слова - названия растений, драгоценностей, металлов, различных предметов обихода, т.е. включить их в группу «охранных» имен, которые были призваны предохранять ребенка от болезней, злых духов, обмануть их.

Описательные имена (дескриптивы)

Описательные имена относятся к числу ономастических универсалий, т.е. встречаются у многих, а может быть, и у всех народов мира и являются одними из самых древних. Г. Я. Сими́на отмечает: «Данные ономастики свидетельствуют, что всякое наименование того или иного объекта на ранних ступенях ее развития являлось названием-характеристикой, т.е. определяло объект по какому-то его признаку. ...Имя человека, как правило, должно было включать прямо или пере-

носно качественную характеристику его» [Сими́на 1969: 29-30]. Описательные имена обычно констатируют признаки новорожденного, различные обстоятельства и условия его рождения, содержат данные о родителях. Сюда же относятся имена, даваемые уже взрослому человеку по каким-нибудь телесным недостаткам или другим признакам.

Тюркские народы считали, что, выбирая имя, они выбирают судьбу, которая будет частью сущности, души человека. Имя служило своего рода талисманом, охранной грамотой от бога; считалось, что личные имена имеют свою душу. Поэтому многие имена людей попадали под табу, слово, совпадающее с именем, должно было заменяться синонимом.

Личные имена у различных народов имеют свои специфические черты, это отмечает Б. К. Мусукаев: «У славян преобладают компоненты «добр», «свет», «свят», «мир», «слав». У греков и римлян - слова, подчеркивающие в человеке человеческое. У евреев и арабов - слова, подчеркивающие отрешенность от земного и обращение к богу». [Ук. р.: 109]. У тюрков, как и у древних немцев, на первом месте были воинственные имена. Это послужило причиной появления таких имен, как *Къылыч* «меч, сабля», *Алкъылыч* «сабля Али», *Санжар* «пронзающий», *Элбуздукъ* «разрушитель» и т.д. В тюркских именах обширный раздел имеет «звериную» семантику: *Аслан* «лев», *Къаплан* «тигр», *Бёрю* «волк», табуированное *Аюв* «медведь», *Лачин* «сокол» и т. д. Звериные имена у тюрков не были случайностью, они считали, что носители подобных имен будут иметь качества этих животных. Часто ребенка нарекали в честь тотемного животного племени или рода.

В данную группу входят имена, отражающие физические данные ребенка – рост, полноту, худобу; название частей тела, отличительный знак на теле; первые признаки поведения ребенка и т.д.

Физическая особенность ребенка с родинкой и пожелание родителей красоты обусловили устойчивость и активность антрополоксемы *минг* «родинка»: *Минглигюл*, *Мингли*, *Мингали* усеч. от *Мингли али*, *Минг-солтан*.

Наряду с тюрко-татарскими именами встречаются заимствованные имена, которые описывают физические особенности ребенка: а) арабские: *Зульфат* «кудрявый», *Залия* «светловолосая», *Гульсум* «полнощечная»; б) персидские: *Наргис* «черноокая». *Зарина* «золотоцветная», *Магъият* «дуноподобная, дунолика».

Опираясь на кумыкский именной, можно выделить следующие под-
группы имен:

а) место и характер рождения: *Юлдаш* - юл + *даш* - «спутник» – это имя могло быть дано мальчику, родившемуся в дороге или в момент от-
правления в путь, в дорогу кого-то из близких людей. Древнетюркское
обрядовое имя *Къардаш* означает «рожденный одной матерью, единоут-
робный». Это имя давалось ребенку, родившемуся от другого (нового)
мужа.

б) дни недели и месяц рождения: *Сапар*, *Ашура*, *Шавалай*, *Ражан*,
Рамазан;

в) имена, связанные с культовыми праздниками: *Байрам*, *Навруз*,
Мавлит;

г) имена, отражающие чувства родителей: *Сююндюк* «мы обрадо-
вались», *Къойсун* «пусть оставит», *Турсун* «пусть живет», *Улангерек* «ну-
жен мальчик» и др.

Имена, отражающие физические, физиологические и психологи-
ческие особенности человека делятся на:

а) имена, отражающие физические, физиологические свойства,
внешний вид: *Акъгъз* от *акъ* «белый» + *гъз* «глаз», *Гиччибийке* от *гиччи* «ма-
ленький» + *бийке*, *Гёкгъз* от *гёк* «голубой, синий» + *гъз* «глаз, глаза». *Къара-
чач* от *къара* «черный» + *чач* «волосы», *Байбаш* «богатая голова» от *бай*
«богатый» + *баш* «голова», *Балшекер* от *бал* «мед» + *шекер* «сахар», *Гъайран-
бийке* от *гъайран* «удивительно красивая» + *бийке* «госпожа», *Нюркъыз* от
нюр «свет, луч» + *къыз* «девушка», *Акъбет* от *акъ* «белое» + *бет* «лицо» и
др.;

б) психологические: *Асил* от *асил* «благородная», *Батыр* от *батыр*
«храбрый», *Къоркъмас* от *къоркъмас* «неустрашимый, бесстрашный», *Са-
бур* от *сабур* «спокойный, медлительный, неспешный», *Чомарт* от *чомарт*
«щедрый», *Яхшибек* от *яхши* «хороший» + *бек*.

Имена, отражающие род занятий, пристрастия, социальное поло-
жение. Многие из этих антропонимов образованы при помощи аффик-
са *-чы* (*-чу*, *-чю*, *-чи*), образующего имена со значением именованного лица
по профессии: *Абрек* от *абрек* «разбойник, абрек; изгой»; *Къазакъ* (*Казак*)
от *къазакъ* «в феодальной иерархии кумыков *къазакъ* - представитель
низшего сословия, домашний раб, дворовый», *Къойчу* (*Койчу*) от *къой*
«овца» + аффикс *-чу*, *Малчы* от *мал* «скот» + аффикс *-чы*, *Молла* от *молла*
«мулла, мусульманский священник», *Сабанчы* «крестьянин, землепашец»

от *сабан* «плуг, пашня» + аффикс *-чы*, *Оракъчы* «жнец» от *оракъ* «серп» + аффикс *-чы*, *Будайчы* от *будай* «пшеница» + аффикс *-чы*.

Имена, образованные от этнонимов или по названию местности.

А. В. Суперанская пишет: «В разные эпохи и в разных языках наличие топооснов в антропонимии представлено по-разному. Например, в настоящее время в топонимии СССР широко представлены основы фамилий выдающихся людей. В дореволюционной топонимии было много названий поселений, образованных от личных имен первопоселенцев, в еще более раннее время, до того, как институт частной собственности на землю сложился и окреп, в топонимии преобладали названия, отражающие природные особенности местности, и, естественно, антропоосновы встречались в них значительно реже» [Суперанская 1969: 23]. Топонимическими названиями могут выступать как личные имена, так и фамилии, причем они охватывают самые различные объекты местности: названия населенных пунктов, впадин, пашен, возвышенностей, пещер, стойбищ, сенокосных угодий, скал, лесов, балок, полян и т.п.

Топонимы, в основе которых фамилии владельцев: *Нугъай тала* «поляна Нухая», *Мусани бучен* «сенокосный участок Мусы», *Аятны бучен* «сенокосный участок Аят» и др.

Имена, повторяющие топонимы или этнонимы, иллюстрируют контакты между различными народами или этническими группами, отражают определенные культурно-исторические реалии.

Относительно ограниченное количество кумыкских антропонимов данного типа объясняется тем, что в них в основном представлена топонимика и этнонимика Северного Кавказа и Закавказья. *Къалмукъ* от *къалмукъ* «калмык», *Магрел* от *магрел* «мегрел», *Малкъар* от *малкъар* «Балкария», *Ногъайлы* от *ногъайлы* «ногаец», *Татар* от *татар* «татарин», *Тавлу* от *тавлу* «горец», одно из самоназваний балкарцев и карачаевцев, *Черкес* от *черкес* «черкес, кабардинец, адыг», *Чечен* от *чечен*, *чеченли* «чеченец».

Охранные (пожелательные) имена.

Имена-пожелания отличаются исключительным многообразием подгрупп, свидетельствуя о безграничном творчестве при имяназвании. В отличие от описательных имен, характеризующие человека по какому-либо реальному признаку, пожелательные имена не отражают объективного признака конкретного человека, но призваны

приписывать ребенку желательный признак [Митрошкина 1987: 14]. Возникновение таких имен связано с верой в магическую силу слова, в то, что имя способно определить будущую судьбу ребенка. Судя по распространённости таких имен, это было характерно для всех народов мира. Особенно большое место они занимают на Востоке. По словам А. Гафурова, «...имен, образованных только от корня, имеющего значение счастливый, в арабском языке больше десятка» [Гафуров 1971: 11].

Много таких имен и в кумыкской антропонимии. В них выражаются:

1. Пожелания ребенку:

а) долгой жизни: *Яшар* «будет жить», *Къалыркъыз* от *къалыр* «останется» + *къыз* «девочка», *Оьлмес* «не умрет», *Къалсын* «пусть останется»;

б) имена, в основе которых лежит пожелание красоты: *Гёзел* «красивая, прекрасная, прелестная», *Гёзелбек* от *гёзел* «прекрасная» + *бек* «князь», *Гёзелханым* от *гёзел* «прекрасная» + *ханым*, *Гёзелия*, *Жамал*, *Жамиля* и др.

в) силы, смелости и твердости, храбрости, геройства (мальчикам): *Жантемир* от *жан* «душа» + *темир* «железо», *Темиржан* «железная душа» от *темир* + *жан*, *Багъатыр* «богатырь, витязь», *Батыр* «смелый, храбрый, герой», *Батырхан* «смелый хан», *Эртувгъан* «родившийся мужественным», *Герей* сильный, могучий. Арабское имя *Гъайдар*, кумыкское *Арслан*, древнетюркско-славянское *Руслан*, русское *Лев* свидетельствуют о желании родителей видеть своих сыновей сильными, ловкими, выносливыми, как львы.

У тюркоязычных народов основы *темир* «железо», *таш* «камень» встречаются в составе мужских имен, как пожелание силы, твердости духа.

Сюда же относятся имена, образованные от слов, имеющих отношение к войне, набегам, сражениям и т.д.: *Акъболат* (*Акболат*) «счастливый (букв. «белый») клинок», *Аскер* «войско, воин», *Атлы* «всадник», *Башчы* «предводитель», *Чора* — *чора*, *чоро*, *шора*... во всех основных тюркских языках кыпчакской группы — 1) «сын богатыря, княжеский отрок», 2) «дружинник», 3) «соратник, сподвижник богатыря» [Баскаков 1985: 149];

г) счастья: *Оразай* от *ораз* + *-ай* - ласкат. аффикс; *Оразбатыр* от *ораз* + *батыр* «богатырь, витязь», *Оразлы* счастливая, *Насипли* от *насип* + аффикс *-ли* «счастливая».

«...Слова *ураз, ораз* «счастье» встречаются в средневековом тюркском языке «тюрки», а также в современном татарском, туркменском и некоторых других языках» [Баскаков 1993: 252]. В кумыкском языке эти слова встречаются в форме *оразлы* «счастливым».

По-мнению Х. Ч. Джуртубаева, от той же основы образован и антропоним *Орусбий*, который обычно возводят к *орус* «русский». Так, например, Н. А. Баскаков пишет, что имя *Урусбий* и фамилия *Урусбиев* широко известны и в настоящее время. «Прозвище или имя *Урус* могло быть дано человеку, ведущему русский образ жизни или рожденному от русской матери... Прозвище *Урус* могло быть и усеченным из *tirus-sa* «драчун» [Баскаков 1993: 188 – 189].

А. И. Мусукаев приводит легенду о происхождении антропонима *Урусбий*: «...когда кто-то из старших родственников Басханука, придя посмотреть на новорожденного, увидел белокурого, голубоглазого ребенка, он воскликнул: «Да это же русский князь!». Против этого никто возражать не стал, так его и назвали» [Мусукаев 1978: 13]. Легенды, подобные приведенным выше, возникают обычно из желания объяснить непонятное, вышедшее из употребления слово. На наш взгляд, в основе кумыкского антропонима *Орусбий* лежит именно слово *орус*, потому что, если бы данное имя произошло от слова *ораз*, в кумыкском языке данный антропоним имел бы звучание *Оразбиев*, а не *Орусбиев*. Кроме того, в пользу русского происхождения антропонима *Орусбиев* говорит и то, что в кумыкском языке не сохранился оним *ораз*;

д) власти, знатности. Это имена, содержащие элементы *-хан*, *-солтан*, *шах* «царь, правитель», *бий* «князь, господин», *эмир* «повелитель, правитель», *мурза* «царевич» (мужские): *Абайхан* от *абай* «внимательный, осмотнительный» + *хан*, *Амирхан* от *амир* «повелитель, правитель», *Байсолтан* от *бай* «богатый», *Тавсолтан* от *тав* «гора; горский». *Элбий* от *эл* «страна; село». *Гертибий* от *герти* «истинный», *Шахмурза* от *мурза* «аристократический титул; принц». Женские: *Бийче* «княгиня»; *Акъбийче* от *акъ* «белая; счастливая». Характерные для кумыкского мужского именина имена-пожелания власти, чина, статуса в обществе в основном образованы от антропокомпонентов и антропоформантов, обозначающих различные сословные титулы, профессии, ремёсла. Эти антропокомпоненты в древности выполняли функцию конкретизации, составляя этим дополнительную номинативную категорию [Саттаров 1969: 59], но в течение определенного времени получили статус полисоставного мужского имени;

е) богатства, процветания: *Давлет* «богатство, счастье». *Давлетгерей*, *Давлетбике*, *Давлетгелди* от *давет* «богатство» + *гелди* «пришло», *Давлетгерей*, *Давлетукъа*, *Азат* «свободный».

Имена этой группы образованы в основном при помощи форманта -*бай* «богатый, богач»: *Акъбай* от *акъ* «счастливый», *Байгиши* от *гиши* «человек», *Байтувгъан* (*Байтуган*) от *тувгъан* «родиться», *Байбек* от *бай* «богатый» + *бек* «господин», *Байбийке* от *бай* «богатая княжна, княгиня», *Байболат* от *бай* «богатый» + *болат* «сталь», *Байгерей* от *бай* «богатый» + *герей*, *Байгиши* от *бай* «богатый» + *гиши* «мужчина», *Баймагъаммат* от *бай* «богатый» + *Магъаммат*, *Баймурат* от *бай* «богатый» + *Мурат*, *Баймурза* «богатый господин, князь, царевич», *Байсолтан* от *бай* «богатый» + *солтан* «султан», *Байсонгур* от *бай* «богатый» + *сонгур* «сокол», *Байсултан* от *бай* «богатый» + *султан*, *Байтемир* от *бай* «богатый» + *темир* «железо», *Байхан* от *бай* «богатый» + *хан*.

Слово *бай* широко употребляется среди всех тюркских народов как имяобразующий компонент сложных имен. По словам В. А. Никонова, оно совершенно десемантизировалось и превратилось в «служебный формант, означающий «мужское имя» [Никонов 1984: 194]. Того же мнения и К. М. Мусаев [Мусаев 1984: 220].

Данное слово привлекло в свое время внимание видного ученого А. Н. Самойловича, который указал, что еще в 1878 г. Г. Вамбери в своем этимологическом словаре сближал слова со значением «богатый», «князь», «бог» в тюркских языках, а Н. Я. Марр независимо от Г. Вамбери включил в один пучок значений слова «богатый», «князь», «бог». [Самойлович 1936: 31];

ж) лучших душевных качеств: *Асил* «благородный», *Сабур* «степенная»; *Гъайбат* «неотразимая», *Сююнч* «радость», *Асилгюл* «благородный цветок», *Асилхан* «благородный хан», *Насипли* «счастливая», *Сыйлыкъыз* от *сыйлы* «уважаемая» + *къыз* «девочка» и т.п.;

з) красоты, нежности (девочкам): *Алтынчач* «златовласая», *Балкъыз* (*Балкыз*) «медовая», *Гъайранбийке* от *гъайран* «удивительно красивая» + *бийке*, *Аривай* «красивая луна», «красивенькая», *Аривкъыз* «красивая девушка», *Жанарив* «красивая душа», *Гёзел* «красивая, прекрасная, прелестная», *Байрамкъыз* от *байрам* «праздник» + *къыз*, *Гёзелбек* от *гёзел* «прекрасная» + *бек* «князь» и др.;

и) Имена-пожелания быть умным, образованным содержат антропокомпоненты: *алим* «ученый» (только в мужских именах), *илму* «наука» (чаще в женских именах): *Алим* 1) «знающий, осведомлённый»

(эпитет мусульманских правителей) 2) Мудрый, Всеведущий (эпитет Аллаха), *Абдулалим* «раб Ученого», *Алимали* от *Алим* «ученый» + *Али*, *Алишат* от *Алим* «ученый» + *ат* «имя», *Алимбек* от *Алим* «ученый» + *бек*, *Алимгерей* от *Алим* + *Герей*, *Алимгиши* от *Алим* + *гиши* «мужчина», *Алимгъажи* от *Алим* + *Гъажи*; *Илму*, *Илмугъат* араб. стяж. от *Ильмугъаят* (*гъаят* «жизнь») «наукой отмеченная», *Илмутдин* «знание веры», *Илмухан* стяж. от *Илмуханым* «знающая, осведомлённая» + *ханым*, *Илмуят* / *Ильмият* «ученая».

Довольно часто в качестве пожелательных имен употребляются названия животных, растений, драгоценных камней. Обычно это слова с положительной экспрессией, выражающие идею желаемого качества. Для мальчиков это обычно имена *Аслан* «лев», *Къаплан* «тигр», *Болат* «булат», *Темир* «железо» и т.п.; для девочек — *Чечек* «цветок», *Юлдуз* «звезда», *Алтын* «золото», *Гюмюш* «серебро», *Маржан* «коралл», *Мелевише* «фиалка».

Существует своя специфика в подборе таких имен для девочек и мальчиков. В качестве мужских имен никогда не употребляются названия драгоценных металлов и камней, а также названия фруктов, ягод и цветов, которые широко употребляются как женские имена. В то же время почти нет женских имен, в основе которых лежали бы названия животных, птиц или неблагородных металлов [Джуртубаев: 85].

2. Пожелания родителей самим себе. О том, какое большое значение имела в прошлом семантика апеллятивов личных имен, свидетельствуют антропонимы, в которых выражены различные пожелания родителей самим себе. В них явно видно желание магической силой слова изменить судьбу, направить ее по желаемому пути. Имена такого рода встречаются у многих народов и основными причинами появления таких имен являются или нежелание больше иметь детей, или же желание впредь иметь ребенка определенного пола (обычно мальчика). Так, у туркмен «...если в семье одна за другой рождались девочки, а родители желали мальчика, то последней девочке давали имя *Бессир* «хватит», *Гузсоны* «последняя девочка», *Дойдык* «насытились», *Огулгерек* «желаем сына» [Аннаклычев 1970: 202], у кумыков *Улангерек*, *Къызтаман*, *Таманкъыз*.

В подобных случаях таджики «давали девочкам имена *Басбиби*, *Басби*, *Басгул* и др. *Бас* означает «хватит», «довольно», «достаточно» [Кусимова 1970: 245].

В карачаево-балкарской антропонимии такими именами являются *Болду* «хватит», *Болур* «достаточно», *Тохтар* «остановится, прекратится», *Тохтауул* «остановка», *Къызтуума* «девочка не родится».

В именнике кумыков также зафиксирована группа «охранных имен»: *Токътар* «остановится», «останется в живых», *Токътабий*, *Токътарбек*, *Токътаргъажи*, *Токътарпаша*, *Токътархан*.

3. Имена-посвящения основываются на вере в то, что с именем определенного человека в ребенка входит дух. Поэтому родители нарекают своих детей именами отдельных знаменитостей. Также к этой подгруппе отнесены мужские имена, образованные трансонимизацией онимов (*Эдил*, *Урал*, *Эльбрус*, *Мажнун*), мотивация которых объясняется соотносимостью имени с определенным объектом, субъектом. Вхождению в моду и популярности имен *Чингиз*, *Чингизхан*, *Тимур*, *Тимурлан* способствовали общественное влияние и такое явление, как рост интереса народа к своему прошлому и к его деятелям, происшедший на волне подъема национального самосознания на исходе XX века.

Таким образом, проведенный семантический анализ антропонимов показывает, что имена-описания, имена-пожелания и имена-посвящения в равной степени активно представлены в именнике кумыков.

Обманные имена

Существование таких имен объясняется желанием родителей оградить ребенка от влияния злых сил, обмануть их или напугать. Так, у алтайцев «...если в семье умирали дети, родители давали детям, родившимся позднее в качестве имени слова с отрицательным или неприличным значением, чтобы «отпугнуть» или «обмануть» злых духов, например: *Тезек* «кал», *Сирке* «гнида», *Ийт-Кулак* «собачье ухо» [Шатинова 1986: 23].

Так же в подобных случаях поступали и туркмены: «Родители, у которых один за другим умирали дети, давали новорожденным некрасивые имена, унижающие достоинство человека. Верили, что дети с подобными именами не умрут, а будут жить долго» [Аннаклычев 1970: 202]. Казахи «с целью сохранения детей от злых духов, от дурного глаза» давали детям имена *Итбай*, *Кушик-бай* «собака-богач», туркмены - *Италмаз* «даже собака не возьмет», якуты — *Маитрук*, *Бургас* (клички собак).

В именнике кумыков подобные имена не отмечены. Кумыки, когда ребенок умирал, меняли ему имя. Давали такое имя, которого нет в селе. Кроме того, когда дедушка брил ему голову, он кусочек не брил. Ребенок так и рос с чубчиком. Позже дедушка еще раз брил голову ребенку и убирал чубчик.

Приведенные примеры говорят о широком распространении подобных имен у тюркоязычных народов. Но нельзя считать это особенностью одной тюркской антропонимии. Подобный способ имянаречения существовал у многих народов мира: «...в древности у русских употреблялись такие имена как *Горе, Грязнуха, Захворай, Мертвой*» [Суперанская 1969: 31].

У адыгов «...родители давали своим детям имя, включающее слово *хьэ* «собака». Называя своих детей этим именем, родители полагали, что тем самым предохраняют их от гибели» [Кумахова 1970: 64].

У ортодоксальных евреев «в случае смерти предыдущих детей новорожденному дают имя «старик» или «старуха» [Алдарова 1976: 69].

Существовали и более сложные способы обмануть нечисть. «Если в семье дети не жили, последнего родившегося ребенка предлагали «продать» через кого-либо из посторонних. И родители «покупали» его. Делалось это через окно. Имя давалось ему особое, с магическим значением» [Юсупов 1970: 250].

Наличие аналогичного явления у народов с совершенно разной системой именования свидетельствует о большой давности этого обряда, о принципиальном значении семантики апеллятивов для религиозного человека.

Все эти и подобные примеры приводят к выводу о том, что в прошлом имена имели не только функцию выделения и введения в ряд, а могут рассматриваться наряду с религиозными обрядами. Имена и обряды, конечно, резко отличаются друг от друга. Но в данном случае справедливо замечание Д. К. Зеленина, что нужно «искать сравнительный материал не по линии внешнего сходства действий, а по линии единства функций» [Зеленин 1934: 7].

К обманным или охранным принято причислять и имена, омонимичные названиям животных, растений, различных предметов материальной культуры, которых в антропонимиконе тюркских народов довольно много [Джуртубаев: 87]. Основной принцип образования таких имен А. Г. Митрошкина определяет как «X не есть человек, X есть ...» [Митрошкина 1987: 77].

Можно выделить следующие группы таких имен:

1. Имена, омонимичные названиям домашних и диких животных.

Имена, включающие в свой состав компоненты, обозначающие названия животных или полностью совпадающие с ними, относятся к очень древнему типу. Такие имена имеются во всех языках, но состав их различен и определяется в первую очередь условиями окружающей среды, ландшафта. Так, в арабских именах часто встречаются лексемы, обозначающие быка, верблюда, гиену, льва, обезьяну, скорпиона; у древних германцев - волка, медведя, ворона, орла и т.д. [Суперанская 1988: 11]. Безусловно, в ряде случаев такие имена давались метафорически, по сходству именуемого с животным. Но могли быть и иные причины, тотемистического или табуистического характера, когда метафорический момент либо вовсе отпадает, либо оттесняется на задний план. В таких случаях «зоофорное имя может быть лишь традиционным, отражающим пережитки более древних верований» [Суперанская 1988: 12].

Тотем — определенный вид растения или животного, воспринимался как реальный предок, «от которого магическим образом зависели жизнь и благосостояние рода в целом и каждого члена ее в отдельности» [Атеистический 1986: 391], вследствие чего возникал культ того или иного животного или растения.

Одним из самых почитаемых карачаевцами и балкарцами животных был волк (*бёрю*). Сохранилось большое количество данных, свидетельствующих о бытовании культа волка. Так, «человеку, подозреваемому в воровстве, давали в руки зажженную волчью жилу или заставляли его перепрыгивать через нее, полагая, что, если подозрения основательны, у вора начнутся корчи или что он распухнет и умрет» [Азаматов 1972: 91]

Существовал и обряд лечения больного ребенка протаскиванием под пасть или шкурой волка; «из волчьей шерсти заплетали косички и вместе с просверленной овечьей косточкой (бабкой) и когтями привязывали к перекладине колыбели»; «ветрянную волчанку» лечили водой, в которую бросали волчью кость [Шаманов 1980: 85].

Имена с религиозным значением (теофорные имена)

К теофорным (букв. «богоносным») относятся имена, «...в состав которых входят либо нарицательные со значением «бог», либо собственные названия того или иного бога» [Суперанская 1978: 32].

Широкое распространение этих имен свидетельствует о существовавшем до недавнего времени в народе представлении о том, что человек, названный в честь Аллаха, может рассчитывать на его покровительство. Вследствие такого представления имена, в состав которых входит слово «Аллах», получили здесь наибольшее распространение. Этим объясняется и то обстоятельство, что значительную часть местной антропонимии составляют имена, образованные от различных эпитетов Аллаха: *кьадыр* «могучий», *рагьман* «милостивый», *рагьим* «милосердный», *разакъ* «приносящий пропитание», *карим* «щедрый», *жаппар* «могущественный», *кьагьир* «очень сильный», *кьапар* «всепрощающий» и т.п. В этом случае к основе имени прибавляется упомянутое выше слово *абд* «раб, невольник». Вот несколько имен этого структурного типа: *Абдулкьадир*, *Абдурагьман*, *Абдурагьим*, *Абдуразакъ*, *Абдулкерим*, *Абдулжаппар*, *Абдулкьасум* и др.

Исконно тюркских теофорных имен в кумыкской антропонимии очень мало, в отличие от имен с религиозным значением арабского и персидского происхождения. Но их, за некоторым исключением, вряд ли целесообразно включать в эту группу, ибо в большинстве случаев этимологией их никто не интересовался, сознательной религиозной ориентированности при их выборе не было. Они давались обычно или в честь какого-либо родственника, или исходя из простого благозвучия.

К теофорным можно отнести следующие антропонимы: *Аллагьберди* от *Аллах* + *берди* «дал». *Худайберди* «богом данный», *Худайнат* от *худай* «бог».

М. М. Текуев называет *Тейри* самым древним божеством карачаевцев и балкарцев (Текуев 1982: 136). В вариантах *Тенгри*, *Тангри* этот теоним встречается во всех тюркских языках, а также в древнемонгольском в значении «бог солнца».

Антропонимы, связанные с понятиями времени

Многие собственные имена, мужские и женские, по своему происхождению связаны с названиями месяцев, дней недели, времен года. Здесь уместно отметить, что большинство имен этого разряда состоят из

двух компонентов. В сложносоставных именах первым компонентом обычно является название месяца.

Сапар — название второго месяца лунного календаря. Личные имена, образованные от названия этого месяца: *Сапар* «родившийся в месяце сафар», *Сапарали*, *Сапарбек*.

Ражап - название седьмого месяца мусульманского лунного года (один из месяцев, в котором были запрещены войны). Давалось мальчикам, родившимся в этом месяце. *Иражап*.

Оракъай - древнетюркское обрядовое имя. Месяц жатвы, уборочная. Давалось мальчикам, родившимся во время уборочной. Сохранилось в фамилиях *Оракаев*, *Ракаев*.

Оракъчы – древнетюркское обрядовое имя. Жнец; тот, кто родился во время жатвы, уборочной.

Байрам — название десятого месяца лунного календаря (буквально «праздник»). Это слово в настоящее время утратило свое значение как название месяца, а употребляется в значении праздник. С этим словом связаны целый ряд мужских и женских имен.

Къурбан/Къурман - последний месяц лунного календаря. В старину в десятый день этого месяца совершались жертвоприношения. И в большинстве случаев ребенка, родившегося в этом месяце, нарекали именем *Къурбан*. Встречаются и сложносоставные имена: *Гъажикъурбан*, *Къурбангъажи*, *Къурманали*. Девочкам давали имена: *Къурбанкъыз/Къурманкъыз* «пожертвованная девушка» и др.

Къурбанай/Къурманай - обрядовое имя. 1. Имя, образованное путем присоединения к слову *къурбан* обращательно-назывного аффикса *-ай*. 2. Ребенок, родившийся в месяце, предшествующем празднику жертвоприношения Курбан-байрам.

По отношению к дням недели личные имена даются в честь четвертого и пятого дня недели: *Жума*, *Хамис*. Этот день в народе считается добрым, приносящим благополучие. В этот день справлялись тои (праздники), начинали большие дела, поминали умерших. С названием этого дня недели связаны следующие личные имена: *Жумабийке*, *Жумагиши* перс. /араб.– тюрк. «родившийся в пятницу мужчина», *Жумагъул*, *Жумагъажи*, *Жумай*, *Жумайсат* араб. «родившаяся в пятницу», *Жумакъав*, *Жумакъади*, *Жумакъай*, *Жумакъул*, *Жумакъыз* араб. – тюрк. «девочка, родившаяся в пятницу», *Жумакъылды*, *Жумахан*; *Хамис* «четверг; имя, дававшееся ребенку, родившемуся в пятый день недели (у мусульман не-

деля начинается с пятницы, пятым днем недели является вторник), *Хамисат*.

Антропонимы, связанные с родственными отношениями

У кумыков издавна существовал обычай давать имена в честь предков. Имена эти распространялись и на девочек, и на мальчиков. Честь и право дать своим детям имя отца или матери предоставляется старшему сыну. Причем не имя деда или бабушки получает новорожденный, а нарицательные слова, которые являются терминами родства (*анай* «бабушка», *атай* «дедушка», *агъай* «дядя», *эчив* «тетя») и становятся именами собственными.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет заключить, что наречение детей именами предков у кумыков представляет собой явление весьма распространенное.

Между тем, прослеживая, в связи с наследственными именами, различные формы обращения, бытующие среди местного населения, можно заметить, что обращение по родству к детям, получившим имена своих предков, в одном случае является более значимым и имеет гораздо более широкое распространение, вследствие чего термины обращения по родству затем становятся личными именами людей, а в другом — оно не только не выходит за пределы семьи, но и внутри нее имеет довольно узкое, дробное употребление, отражая реальное отношение родства этого лица лишь по отношению к говорящему. В этом случае термин родства не становится личным именем.

Можно отметить еще одну характерную черту местной антропонимии. Так, при обращении к ребенку, унаследовавшему имя умершего предка, его называют именем этого предка, добавляя к имени термин родства.

Нередки случаи, когда детям дают имена их умерших братьев, сестер, дядьев, теток и других родственников. В кумыкском именнике представлены следующие антропонимы, связанные с родственными отношениями: *Анав ласк.* «мамочка», *Анай ласк.* «мамочка», *Анайкъыз* от *Анай* «мамочка» + *къыз* «девочка», *Анакъыз* от *Ана* «мать» + *къыз* «девочка», *Анам* «мама моя», *Анамажай ласк.* от *анам* «моя мама» + *ажай* «мама», *Анаханум* от *ана* «мать» + *ханум* «госпожа», *Анаш* «мамочка», *Анашка* «мамочка», *Ата* 1) «отец» 2) «дар», *Атабай* «популярный, знатный, зажиточный», *Атабек* от *Ата* + *бек*, *Атабий* от *Ата* + *бий*, *Атав ласк.* 1)

«отец» 2) «дар», *Атавгъажи* от *Атав* + *Гъажи*, *Атавум* от *Атав* + *ум* (аффикс принадлежности), *Атагиши* от *ата* «отец + *гиши* «мужчина», *Атагъажи* «отец – паломник», *Атай ласк.* 1) «отец» 2) «дар», *Атайгъажи* от *Атай* + *Гъажи*, *Атакъ ласк.* 1) «отец» 2) «дар», *Атакъбай ласк.* «старший дядя», *Атакъгъажи* от *Атакъ* + *Гъажи*, *Аталиш*, *Аталыкъ*, *Атамай* от *ата* + *амай* «брат», *Атарукъ*, *Аташ* см. *Ата*, *Аташгъажи* *Аташ* + *Гъажи*, *Ажа* *тюрк.* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка», *Ажабика/Ажабике* от *ажа* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка» + *бике* «госпожа», *Ажав ласк.* матушка, старшая сестренка, тетушка», *Ажай* *тюрк. ласк.* матушка, старшая сестренка, тетушка», *Ажайбике* *тюрк.* *Ажай* + *би* (й) *ке*, *Ажакъыз* от *ажа* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка» + *къыз* «девушка», *Ажам ажа* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка» + *м* (аффикс принадлежности), *Ажий ласк.* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка», *Абул* «дед, отец, родитель», *Абулав ласк.* «дед, отец, родитель», *Абулай ласк.* «дед, отец, родитель», *Абулакъ*, *Абулам ласк.* «дед, отец, родитель», *Абулаш ласк.* «дед, отец, родитель», *Абулей ласк.* «дед, отец, родитель», *Абум* «дед, отец, родитель», *Абусу абу* «отец» + аффикс принадлежности *-су*, *Абуш ласк.* «отец», *Абюв* «отец», *Агай ласк.* от *ага* «старший брат; дядя, дядюшка» или «господин», *Акъа* «старший брат, дядя», *Акъав* «старший брат, дядя», *Акъбай ласк.* «старший брат, дядя», *Акъбайчик ласк.* «старший брат, дядя», *Акъам* *Акъа* + *м* (аффикс принадлежности), *Ижев ласк.* «мать», «старшая сестра», *Аба* муж. *др.-тюрк.* 1) старший, почтенный; отец. 2) медведь., *Абай* муж.и жен. *др.-тюрк* 1) старший брат, дядя; старший родственник. У казахов и киргизов имя *Абай* означает: 1) осторожный, внимательный, наблюдательный, предусмотрительный, прозорливый, бдительный 2) мать, старшая сестра, тётка по линии отца, *Ажакъыз* от *Ажа* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка» + *къыз* «девушка», *Бажи* «сестра», *Бажив ласк.* «тётушка», *Бажикъыз* от *Бажи* «сестра» + *къыз* «девушка», *Бажим* от *Бажи* «сестра» + *-м* (аффикс принадлежности) «моя сестра», *Бажув ласк.* «сестренка».

Отмечая, что передача имени родителей детям вызвана представлением о бессмертии души, а не простым почитанием предков, А. Г. Гафуров пишет: «Вера в то, что с именем предка в ребенка входит его дух, основывается на представлении об имени как о душе человека, которая, раз покинув тело умершего, будет потом вселяться в того или иного потомка через имя. Отсюда и все тревоги о продолжении рода и отношение к бездетности как к самому большому несчастью, ибо тогда некому будет передать имя» [Гафуров: 284].

Примеры, характеризующие традицию наследования потомками имен своих умерших предков и других родственников, убеждают нас в том, что явление это имеет здесь большое распространение, а значит и глубокие корни.

Суммируя наши наблюдения, можно сказать, что здесь потомки принимают имена своих умерших близких родственников, что эти имена затем часто заменяются в быту соответствующими терминами родства, которые и закрепляются за ними в качестве личнособственного имени. Это происходит главным образом потому, что человек, названный в честь покойного деда или бабушки, в представлении окружающих родственников олицетворяет того предка, от которого он принял свое имя.

Имя и общество

Одной из ярчайших характеристик именика является его живая реакция на разнообразные события политической и культурной жизни, происходящие как внутри страны, так и за рубежом. Проявляется это в том, что именами становятся названия событий, мест, где эти события происходили, фамилии героев этих событий и т.д. Например, имя *Улубий* кумыки давали в честь революционера *Улубия Буйнакского*, а имя *Дарвин* у лезгин являет собой своеобразный отклик на достижения науки.

Меняющаяся картина мира вносит в именник изменения такого рода особенно интенсивно в периоды решающих социальных процессов. Таким процессом в Дагестане были войны, Октябрьская революция и т.п.

А. В. Суперанская приводит образцы рекомендаций, подобных описанной выше, которые давали календари той эпохи. Так, 7 февраля в день рождения автора «Утопии» Томаса Мора (род. в 1478 г.) предлагались имена *Мора* и *Томас*; 31 мая в день, когда было вынесено Постановление Наркомпроса об обязательном совместном обучении (1918 г.), — имена *Наука* и *Луначар*; имя *Чарта* рекомендовалось в память о демонстрации чартистов в Лондоне, а *Желдора* — в память о забастовке железнодорожников в США в 1919 г. [Суперанская 1998: 58-59].

Пафос таких именовании — возвеличение революционной борьбы и революционных преобразований, увековечение памяти о революционерах. Именами становятся фамилии известных деятелей науки, искусства, политики, особенно содержащие революционные коннотации, а

также фамилии деятелей революции: *Спартак, Марат, Фрунзе*. У некоторых народов именами становятся и нарицательные существительные, связанные с революцией и революционной борьбой, а также слова, содержащие семы «новое (в том числе в науке, технике, производстве)», «революционное», «прогрессивное»: *Баррикада, Октябрь, Трактор, Атеист, Антенна, Электрон, Май, Майя* (в честь пролетарского праздника) [Рылов: 99].

Наиболее ярко творческая стихия в ономастической сфере проявилась при образовании имен путем соединения инициалов, усеченных имен и фамилий (очень часто классиков марксизма-ленинизма), соединения всякого рода сокращений: *Эдил* — «эта девочка имени Ленина»; *Рикс* — «рабоче-крестьянский союз»; *Рэм, Рэма* — «революция, электрификация, механизация»; *Марклен, Маркслен, Марлен, Марлена* — «Маркс, Ленин»; *Марлэн* — «Маркс, Ленин, Энгельс»; *Вилор, Вилора* — «В.И.Ленин — организатор революции»; *Владлен, Владлена, Владилен* — «В.И.Ленин»; *Ким* — «коммунистический интернационал молодежи»; *Карм, Кармий, Кармин* — «Красная армия». Шедевром такого рода сокращений является имя *Пявчет* — «Пятилетку в четыре года!». Для образования новых имен могли использоваться и другие способы, например, обратное чтение слова. Так, имя *Нинель* является анаграммой фамилии *Ленин*.

Календари предлагали в качестве личных имен и географические названия: *Алтай, Урал, Волга, Италия, Лозанна, Сицилия*.

Кумыки избежали наречение своих детей абсолютно недопустимыми именами. Страсть к «разрушению до основанья» привела к тому, что еще ни в чем неповинному младенцу давали такие имена, как *Ким* (Коммунистический интернационал молодежи), *Пятвчет* («Пятилетку — в четыре года»), *Трактор, Лагшмивара* (лагерь Шмидта в Арктике), *Леомар* («Ленинское оружие — марксизм»), *Эмбрион* и *Даздраперма* («Даздравствует Первое мая!»).

Случаи наречения детей древними, традиционными кумыкскими именами в городах республики вопреки существовавшим предрассудкам, что «все городское — это передовое, современное, а сельское — отсталое», свидетельствуют о переменах в обществе, глубоком уважении к прошлому своего народа. Древнекумыкский антропонимикон, актуализировавшись сегодня, мог бы привести необычайно красочный колорит в современный именной корпус.

В ходе исследования, проведенного нами, установлено: имя ребенка записывается в том варианте, который определяют родители ребенка. Субъективизм такого фактора, как эстетический компонент, приводит к тому, что, вопреки существующим нормам транслитерации, в том числе кумыкских имен, появляются графические фонодублиеты создающие большие трудности: *Гузель / Гюзель / Гёзель, Камиль / Камил, Рашит / Рашид, Шахмурза / Шихмирза.*

«Мужественность» и «женственность» кумыкских имен

Культурная значимость имени собственного и его мистическая связь с судьбой носителя в «наивном» сознании неоднократно отмечалось во многих научных трудах (Флоренский, Топоров и др.). Имена собственные во многих случаях отражают ценностную картину мира народа, говорящего на данном языке. В них также фиксируются стереотипы мужественности и женственности, свойственные всем культурам, но по-разному акцентуированные в каждой из них. С этой позиции рассматривается кумыкская антропонимика и выявляются различия в представлениях о женственности и мужественности.

Рассмотрим в сравнительном плане источники-названия, послужившие основой для кумыкских мужских и женских антропонимов.

1. Названия космических тел. Всего имен, связанных с названиями космических тел 17. Из них мужских имен всего 4, все остальные – женские имена. Как компонент личных имен название луны встречается как в мужских, так и в женских именах: *Айбике, Айханым, Айнатимат, Айдай* («как Луна»), *Айсурат* (*ай* «луна» + *сурат* «картина»); *Айбатыр, Айболат, Айдемир, Айгюн*. Названия Венеры, Солнца, Звезды характерны только для женских имен: *Зугьра//Загьра* «Венера», *Зугьраханым, Гюлзагьра, Умзагьра, Патиматзагьра; Гюнариив* (*Гюн* «Солнце» + *арив* «красивый»); *Юлдуз* «Звезда», *Юлдузат* «звездное имя».

У туркмен есть поэтическая легенда о прекрасной девушке по имени *Зухра*, в которую влюбились два ангела. Поскольку оба ангела были одинаково прекрасны, то девушка не смогла сделать выбора и превратилась в яркую утреннюю звезду. Речь идет о планете Венера, которая по-арабски называется *Зухара*. У соседей туркмен – иранских народов и азербайджанцев – чуть ли не самым распространенным женским именем после *Фатимы* было *Зухра* [Гафуров: 40].

Названия планет в приведенных выше сложных именах выступают в качестве определений. Самостоятельно названия планет *Ай* и *Гюн* в кумыкском именнике не встречаются. Таким образом, данное семантическое поле в основном образует женские личные имена.

2. Географические названия, природные явления. Женские имена данного лексического поля: *Макка*, *Мадина*, *Испаният*, *Индият*, *Тюркюстан*, *Тавбике* (*тав* «гора» + *бике* «хозяйка»), *Дюнъяханум* (*дюнъя* «мир» + *ханум* «госпожа» = *госпожа Вселенной*). Мужские имена: *Марсель*, *Казбек*, *Эльбрус*, *Стамбул*, *Арабстан*, *Гьиндустан*, *Дербентхан*, *Аштархан*, *Къырымхан*, *Борагъан*, *Боранбий* (*боран* «метель» + *бий* «господин»), *Эдильбий* (*Эдиль* «Волга»), *Денгизбий* (*денгиз* «море»).

3. Названия народностей и национальностей. Данное лексическое поле представлено в основном Мужские имена: *Арабхан*, *Татархан*, *Орусхан*, *Черкесхан*, *Авархан*, *Тавлу* «горец; аварец», *Ногъай*, *Къарачай*, *Къабарты*, *Къырым*, *Мисирпаша*, *Къазанлы*. Женские имена: *Аварханум* // *Авархан*. Данные имена указывают на культурно-экономические связи кумыков с разными этническими группами. Женских имен данного лексического поля значительно меньше мужских.

4. Названия драгоценных камней, металлов, оружия. Женские имена: *Маржан*, *Маржанат* «коралл», *Якъут* «яхонт», *Зумрут* «изумруд», *Алтын* «золото», *Марият* «жемчуг», *Бурлият* «бриллиант», *Езбике* (*ез* «медь» + *бике* «госпожа»), *Гюмюш* «серебро», *Ебе* «стрела». Мужские имена: *Ташбек* (*таш* «камень» + *бек* «1. господин 2. крепкий»), *Айдемир* (*Ай* «Луна» + *демир* «железо»), *Болат* «сталь», *Къылыч* «сабля». Все эти имена-дезидеративы: давая своим детям такие имена, родители хотели видеть девочек красивыми, милыми, приятными, а мальчиков — мужественными, крепкими, сильными.

5. Названия диких и домашних животных, птиц, рыб. Женские имена: *Жайран* «джейран, серна», *Марал* «лань», *Мая* «верблюдица», *Кабаш* «курдючный баран», *Гёгюрчюн* «ласточка», *Тоту*, *Тотур*, *Тотукъуш* (*тоту* «попугай» + *къуш* «птица»), *Сонахан*, *Сонаханым*, *Сона* «селезень», *Чабакъ* «рыба». Мужские имена: *Бёрю* «волк», *Арслан* «лев», *Къаплан* «тигр», *Тана* «бык», *Къочгъар* «баран», *Эркеч* «козёл», *Къозу* «ягнёнок», *Гючюк* «щенок», *Лачин* «сокол», *Чотан* // *Чортан* «щука». Как видно из примеров, в данном лексическом поле кумыкской антропонимии встречаются названия диких и домашних животных, птиц, которые отличаются особыми качествами — красотой, горделивостью, величавостью (для женских имен); силой, красотой, ловкостью, зоркостью (для мужских

имен).

6. Названия красивых, ароматных цветов и растений. Женские имена: *Роза* «роза», *Лала* «тюльпан», *Мелевише* «фиалка», *Гюлханым* (гюл «цветок» + ханым «госпожа»), *Алмагюл* «яблоневый цветок», *Гюлчечек* «цветок-роза», *Гюллер* «цветы», *Гюлбахча* «цветочный сад», *Сюйгюл* «любимый цветок», *Райгъан* «базилик». Мужские имена представлены реже: *Терекмурза* (терек «дерево» + мурза «господин»). Женские имена, связанные с названиями цветов, растений, выражают красоту, изящество, сладость, нежность. Этимология этого разряда личных имен наиболее прозрачна. Мужские имена, связанные с названиями растений, выражают стойкость, выносливость в суровых условиях, неприхотливость.

7. Названия вкусных плодов, сладостей. Женские имена: *Инжилхан*, *Инжили* (инжил «инжир»), *Хурма* «финик», *Наркъыз* (нар «гранат» + къыз «девушка»), *Зайтунат* «маслина», *Гюлгъанат* (гюлгъан «сорт груш»), *Лимон* «лимон», *Шекер*, *Шекерхан*, *Шекерханым* «сахар», *Балкъыз* (бал «мёд» + къыз «девушка»). Мужские имена встречаются реже: *Зайтун* «маслина».

8. Названия, выражающие физические и физиологические особенности человека, черты характера, свойства ума. Женские имена: *Гиччикъыз* (гиччи «маленькая» + къыз «девушка»), *Гиччибике* (гиччи «маленькая, крохотная» + бике «госпожа»), *Арив* «красивая», *Аривжан* (арив «красивая» + жан «душа»), *Аривай* (арив «красивая» + ай «Луна»), *Аривзат* (арив «красивая» + зат «вещь»), *Жанарив* (жан «душа» + арив «красивая»), *Акъпатимат* (акъ «белая»), *Гёзел* «прекрасная», *Асил* «драгоценная, дорогая», *Алтынчач* (алтын «золото» + чач «коса»), *Мингликъыз* (мингли «с родинкой» + къыз «девушка»); мужские имена: *Гиччулан* (гиччи «маленький» + улан «парень»), *Сарали* (сари «желтый» + Али «имя пророка»), *Къартгиши* (къарт «старый» + гиши «человек, мужчина»), *Къарамурза* (къара «черный» + мурза «господин»), *Акъмурза* (акъ «белый» + мурза «господин»), *Акъгёз* (акъ «белый» + гёз «глаз»), *Гёкгёз* (гёк «синий, голубой» + гёз «глаз»), *Сююнч* «радость», *Саламат* «спокойствие», *Низам* «дисциплина», *Дилбар* (дил//тил «язык» + бар «есть»).

9. Антропонимы, связанные с названиями профессий, званий, титулов и прочих обозначений человека в обществе. Мужские имена: *Ёлчу* «путешественник», *Будайчы* «хлебороб», *Оракъчы* «жнец», *Къойчу* «чабан», *Индырчы* «человек, работающий на току», *Алим* «ученый», *Муталим* «ученик», *Устакъ*, *Устакъай* «мастер», *Къачакъ* «дезертир», *Абрек* «бандит», *Къазакъ* «батрак», *Генже* «последыш», *Солтан* «султан», *Уллу*

бий (улли «великий, большой» + бий «бий»), *Шаирсолтан* (*шаир* «поэт» + *солтан* «султан»), *Къонакъбий* (*къонакъ* «гость»); женские имена: *Сюрмели* (*сюрме* «сурьма»), *Бийке* «госпожа», *Ханиса* (*хан* «хан» + *ниса* «женщина»).

10. Термины родства и свойства. Женские имена: *Ана*, *Анав* «мать», *Аба*, *Улаба* (улли «старшая» + *аба* «бабушка») — «прабабушка», *Биби* «сестра», *Ажай* «мать», *Эчив* «тётя» и др. Мужские имена: *Улата* (улли «старший» + *ата* «отец»), *Атав*, *Атай*, *Атакъ* «отец», *Инив* «брат», *Агъай* «старший брат» и др.

11. Кумыки, как и многие другие тюркские народы, испытали сильное влияние мусульманской культуры, о чем свидетельствует большое количество арабизмов в кумыкской антропонимии. Женские имена: *Жумакъыз* (*жума* «пятница» + *къыз* «девушка»), *Ясин* «название суры из корана», *Женнет* «рай», *Гъюрият* «революция». Мужские имена: *Жумагиши* (*жума* «пятница, неделя» + *гиши* «мужчина»), *Оразай* «месяц уразы», *Динислам* (*дин* «религия» + *ислам* «ислам»), *Къурман* «жертвоприношение», *Магъаммат* «имя пророка», *Расул* «пророк», *Али* «пророк», *Ражаб* «название 7 месяца по лунному календарю», *Вазир* «везир», *Мурит* «мюрид» и др. В этой группе можно выделить имена, обозначающие науки и связанные с ними понятия: *Илму* «наука» (производные имена: *Илмугъаят*, *Илмугъат*, *Илмуханум*), *Жумла* «предложение», *Калимат* «слово, изречение» и др.

Широко представлены в составе кумыкских имен дезидеративы (имена-пожелания): а) пожелания ребёнку и б) пожелания родителей самим себе. Так, первая подгруппа представлена следующими антропонимами. Женские имена: *Юзманат* (*юз* «сто» + *манат* «рубль»), *Гёзел* «прекрасная», *Сыйлы* «уважаемая, пользующаяся уважением», *Арив* «красивая», *Саламат* «спокойная» и др. Мужские личные имена: *Батыр* «герой, богатырь», *Алим* «ученый», *Гъаким* «начальник, богатый», *Темир* «железный», *Къоркъмас* «бесстрашный», *Эртабун* (*эр* «мужчина» + *табун* «группа») и др. Вторая группа представлена именами: *Таманкъыз*, *Къызтаман* (*таман* «хватит» + *къыз* «девушка»), *Улангерек* (*улан* «парень» + *герек* «нужен»). Эти имена давались с пожеланием иметь сына после рождения нескольких девочек. Когда сыновья часто умирают, даются имена-дезидеративы *Оълмес* «не умрёт», *Къалсын* «чтобы остался (не умирал)», *Таймас* «не уйдёт, не умрет», *Токътар* «остановится», *Яраш*, *Къураш* «чтобы подошел, остался, не умирал». Когда рождаются одни сыновья, дается имя с пожеланием иметь дочь: *Улантай* (*улан* «сын» + *тай* «уйди»).

У кумыков встречаются имена, которые даются в честь знаменитых личностей. Их тоже следует отнести к именам-пожеланиям: *Индира, Къазакъ, Уллубий, Отелло, Спартак, Сократ* и др. Теперь такие имена даются редко.

Именной фонд кумыкских имен формировался, как известно, под сильным влиянием общественно-экономических особенностей их быта, религиозного культа, языческих представлений кумыков о магической силе имени как важнейшем элементе личности, представляющей и определяющей судьбу именуемого. Отражая особенности жизни древних кумыков, семантика антропонимических основ представляет большой интерес для исследования: она дает материал для осмысления экстралингвистического фона личных имен, их национальной специфики, нередко обусловленной этнопсихологией носителей языка, выявляет лексические единицы, ушедшие из современного языка.

Примечательную черту кумыкской антропонимии составляет большой процент сложных имен. Первым компонентом большинства сложных имен являются как качественные, так и относительные прилагательные, выполняющие метафорическую функцию. Второй частью в основном выступают имена существительные. Наиболее употребительными в кумыкском именнике являются следующие детерминативы (некоторые из них не служат сами по себе именем): *гюл* «цветок», *арив* «красивый», *акъ* «белый», *нюр* «луч», «свет», *гиччи* «маленький», *ай* «луна» и др. *Гюлкъыз, Гюльяр, Гюлханым, Аривай, Аривзат, Нюрханым, Нюргъаният, Нюръян, Нурмагъаммат, Нюрпаша, Алнюргъаят, Гиччихан, Гиччикъыз. Аймесей* и т.п. Детерминант *арив* «красивый» свойственен только женским именам, детерминанты *гюл* и *акъ* в составе мужских имен встречаются исключительно редко.

Остальные же детерминанты используются как в мужских, так и в женских именах.

Отмечаются своеобразные «гнезда» женских имен кумыков: *Рашия - Рашияхан — Рашияханым, Илму — Илмухан — Илмуханым, Тоту - Тотухан — Тотуханым, Патимат — Патимахан — Патимаханым, Женнет — Женнетхан — Женнетханым*. Компоненты *хан* и *ханым* по-разному представлены в диалектной системе кумыкского языка. Так, компонент *ханым* в ЖЛИ почти не свойственен хасавюртовскому диалекту, тогда как *хан* вообще не употребляется в женском именнике кайтакского и подгорного диалектов. Компонент *хан* «правитель» в хасавюртовском диалекте является элементом мужских имен: *Темирхан, Муслимхан, Алихан*

и др. В женских же именах *хан* — это усеченная форма *ханым* «моя госпожа».

Довольно широко представлены парные сочетания мужских и женских имен: *Керим — Керимат, Салим — Салимат, Загыр — Загырат, Малик — Маликат, Гъабиб — Гъабибат, Камил — Камилат, Солтан — Солтаният* и др. В этих и во многих других антропонимах, пришедших из арабского языка, *-ат* можно считать показателем женского имени.

Рассмотрим антропокомпоненты, характерные для сложных женских личных имен кумыков.

1. Наиболее популярным и часто встречающимся в структуре кумыкских женских сложных имен элементом, отражающим эмоциональный, ласкательный оттенок, является слово *гюл* «роза, цветок». В составе сложных имен данный антропокомпонент занимает главным образом препозицию: *Гюлпери, Гюлжан, Гюлбагъыдат, Гюлкъыз, Гюлчечек, Гюлжамал, Гюлханым, Гюлсенем* и др. В постпозиции встречается реже: *Алмагюл, Айгюл, Суюгюл*.

Элемент *гюл* «роза, цветок» в составе женских имен широко употребителен не только у кумыков, но и у других тюркских народов. Эпитет *гюл* «роза» часто встречается в сложных женских именах туркмен [Сапарова: 77-78], каракалпаков [Баскаков 1978: 138]. Широко распространен он и у казахов. Название фруктов, ягод, цветов в качестве мужских имен не встречается. Так называют только девочек [Султаньяев: 75].

В кумыкском именнике мы обнаружили около 100 таких имен. В этих эпитетах в сложных женских именах отражаются национальные черты народа, его отношение к женщине.

Как уже отмечалось выше, элемент *гюл* «роза» в кумыкских двухэлементных женских собственных именах чаще встречается в препозиции по отношению к другому элементу, хотя имеются случаи, когда он может выступать как в постпозиции, так и в препозиции, и, наконец, случаи, когда тот же элемент наличен только в препозиции.

Как видно из перечисленных выше женских кумыкских имен, элемент *гюл*, входящий в их структуру, несет не только смысловую, но и формальную, отвлеченную от прямого своего значения *гюл* «роза, цветок» семантику эмоционального, нежного, ласкательного оттенка, придаваемого основному имени.

Таким образом, детерминативный элемент *гюл* «роза, цветок» в современных кумыкских женских именах имеет обобщающее отвлеченное значение формата, придающего имени эмоционально-эспрессивную

окраску, и только в сочетаниях с другими детерминативами приобретает самостоятельное значение [Баскаков 1978: 142].

2. *-ханым* (и усеченная форма *-хан*): *Илмуханым — Илмухан, Салимаханым — Салимахан, Ниярханым — Ниярхан, Назлыханым, Зайналханым, Кепияханым, Аслыханым*. Употребляется и как самостоятельный антропоним. В составе сложного имени занимает только постпозицию.

3. *-къыз* «девушка». Имена с этим компонентом подразделяются на 2 типа: а) «имя + *къыз*»: *Гюлкъыз, Къурманкъыз, Байрамкъыз, Гъажикъыз, Инжикъыз*; б) «*къыз* + имя»: *Къызтаман, Къызайбат, Къызханум, Къызбийке*. Как самостоятельный антропоним не употребляется.

4. *-бике* (*-бийке*) «госпожа». В сложных именах занимает в основном постпозицию: *Жанбике, Айбике, Асилбике, Ажабике, Акъбике, Байбике, Зазабике, Нюрбике, Сююнчбике*. Употребляется и как самостоятельный антропоним.

5. *-нюр-* (*-нур-*). Используется для образования антропорифм в мужских и женских именах. Занимает в сложном имени препозицию: а) в женских личных именах: *Нюрпият, Нюркъыят, Нюръян*; или б) в мужских именах: *Нюрагъмат, Нюрпаша, Нюрали* и др. Как самостоятельный антропоним не используется.

6. *-жан* «душа». Занимает постпозицию и образует сложные женские и мужские имен. Женские личные имена: *Аривжан, Пиржан, Райжан, Нюржан, Гюлжан*. Мужские личные имена: *Жангиши, Жанарслан, Жанмурза, Жанболат*. Самостоятельно в качестве имени не используется.

7. *-ай* «луна». В основном занимает препозицию и употребляется как в мужских, так и в женских именах. В женских личных именах: *Айгюл, Айбала, Айгерек, Айгимик, Айсурат, Айбике, Айнатимат, Айханым, Аривай*. В мужских личных именах: *Айболат, Айбатыр, Айгюн, Айдемир*. Самостоятельно имя не образует.

8. *-акъ* «белая / белый». Функционирует в женских личных именах и мужских именах, занимая только препозицию: *Акъбет, Акъбийке, Акъпатув; Акънатимат, Акъмурза, Акъгёз, Акъболат*.

9. *-арив-* «красивая / красивый». Присоединяется к первой и ко второй части только женских имен: *Ариважай, Аривай, Ариват, Аривбет, Аривжан, Аривзат, Аривкъыз, Гюнариг, Жанариг, Мингариг*. Используется и в качестве самостоятельного антропонима.

10. *асил-* «благородная, знатная». Встречается в препозиции сложных женских имен *Асилбийке/ Асилбике* от *Асил + би(й)ке*, *Асилгюл* «благородный цветок», *Асилжан* «благородная душа», *Асилзат* от *Асил + зат*

«вещь, нечто», *Асилханым* «благородная госпожа» и в мужском имени *Асилхан* «благородный хан». Употребляется и как самостоятельное женское имя.

11. *бал-* «мед». Употребляется в препозиции женских и мужских личных имен: *Балбийке* от *бал* «мед» + *бийке* «госпожа», *Балгиши* от *бал* «мёд» + *гиши* «мужчина», *Балкъыз* «медовая девушка, девушка подобная мёду», *Балтерек* «медовое дерево», *Балшекер* «медовый сахар».

Характерными антропоформантами для мужских личных имен являются:

12. *-болат-* «сталь». Употребляется как в пре-, так и в постпозиции только личных мужских имен: *Болатхан*, *Айболат*, *Бекболат*, *Болатбек*, *Темирболат*. Употребляется и как самостоятельный антропоним.

13. *шагь-* «шах». Занимает только препозицию: *Шагьмурат*, *Шагьсолтан*, *Шагьгерей*, *Шагьмандар*. Самостоятельно имя не образует.

14. *ших-* «шейх». Занимает главным образом препозицию *Шихмурза*, *Шихсолтан*, *Шихтемир*, *Шихмурат*; в постпозиции употребляется в имени *Алиших*. Самостоятельно не употребляется.

15. *-бай-*. Слово *бай* в современных тюркских языках означает «богатый». В составе большинства кумыкских антропонимов оно десемантизировано и превратилось «в служебный формант, означающий «мужское имя» [Никонов 1984: 194]. Употребляется как в препозиции, так и в постпозиции в мужских и женских именах (чаще в мужских). Мужские: *Элбай* от *эл* «страна» + *бай* «богатый», *Байсолтан* от *бай* «богатый» + *солтан* «царь, правитель». *Байбатыр* — *батыр* «храбрец, богатырь». *Айбай* «луна» + «богач», *Атабай* «популярный, знатный, зажиточный», *Байбаш* от *бай* «богатый» + *баш* «голова», *Байбек* от *бай* «богатый» + *бек* «господин», *Байболат* от *бай* «богатый» + *болат* «сталь», *Байгерей* от *бай* «богатый» + *герей*, *Байгиши* «богатый мужчина» от *бай* «богатый» + *гиши* «мужчина», *Баймурза* от «богатый господин, князь, царевич»; Женские: *Байбийке/Байбийке* «богатая княжна, княгиня» от *бай* + *бийке*, *Бийкебай* «богатая княжна, княгиня» от *бийке* + *бай*», *Байкъыз* от *бай* «богатая» + *къыз* «девушка».

В препозиции: *Байгиши*, *Байболат*, *Байсолтан*, *Баймурза*, *Байгиши*; в постпозиции: *Атабай*, *Эгизбай*. Данный антропокомпонент встречается реже и в женских именах: *Байзат* (*бай* «дорогая» + *зат* «вещь»), *Байбийке*, *Бийкебай*.

16. *-бий-* «бий». В препозиции: *Биймурат, Бийгерей, Бийгиши, Бий-солтан, Бийболат*; в постпозиции: *Тотурбий, Къзакъбий, Мисирбий, Солтанбий*. Самостоятельно имя не образует.

17. *-бек-*. Формант образован от титула тюркской военной аристократии. Восходит к ониму *беки* «господин, начальник, глава племени, помещик у тюркских народов» (КСИС 1952: 58). Употребляется как в препозиции, так и постпозиции исключительно в мужских именах *Алибек* от *Али* «возвышенный», *Асылбек* от *асыл* «благородный», *Батырбек* от *батыр* «храбрец, богатырь», *Къалабек* от *къала* «крепость». В препозиции: *Бекмурза, Бектемир, Бекболат*; в постпозиции: *Тотурбек, Гъамзабек, Ярашбек, Жанбек, Батырбек, Мурзабек*. В качестве самостоятельного имени не используется.

18. *-дин-* «вера, религия». В препозиции: *Динмагъаммат, Динислам*; в постпозиции: *Исламдин, Ирамдин, Алидин, Валидин*. Как самостоятельный антропоним не употребляется.

19. *-герей-*. От названия династии крымских ханов *гирей*. Возможное происхождение слова: 1) из монг. *гарай* «заслуженный, достойный, обладатель прав»; 2) из греч. *герайос* «почтенный, старый» (Гафуров 1971: 70). Участвует в образовании только мужских имен. Употребляется как в препозиции, так и постпозиции: *Сююнчгерей* от *сююнч* «радость», *Хангерей* от *хан*, *Абдулгерей* от *Абдул* «раб Божий», *Аслангерей* от *аслан* «лев» *Темиргерей* от *темир* «железо, железный», *Шагъгерей* от *шагъ* «шах», *Эсенгерей* от *эсен* «добрый», *Герейгъажи, Герейсолтан, Герейхан*. В постпозиции используется только с антропокомпонентами, образующими сложносоставные имена.

20. *-мирза, -мурза*. Слово *мирза, мурза* встречается во многих тюркских языках в значении «сын князя, дворянин». «Первоначально - звание, которое в Золотой Орде давали представителям благородных фамилий восходит к ар. *амир* «господин, князь» и перс, *заде* «сын», (*а*)мир *за(де)* — *мирза*, буквально: «сын господина, князя, принц». У народов Востока в разное время означало: 1) аристократический титул; 2) указание на образованность, ученость; 3) секретарь, писец. Менее вероятной считается этимология из ар. *мирза* «щедрый, гостеприимный» [Гафуров 1971: 98]. *Къарамурза* — *къара* «черный». *Саримурза* - *сари* «рыжий». *Шихмирза* - *ших* «царь, правитель». *Элмирза* — *эл* «село, страна».

В основном употребляется в постпозиции сложных имен: *Адилъмирза, Шихмирза, Терекмурза, Явмурза, Къарамурза, Агъамурза, Ногъаймур-*

за. В препозиции: *Мурзабек, Мирзахан*. Нередко встречается и как самостоятельный антропоним.

21. *-хан* - титул феодального правителя у тюркских и монгольских народов. *Алмасхан древнетюрк.-булгар.*; *историч* от *Алмас + хан*. Имя хана волжско-камских булгар, жившего в X веке. *Ханмирза, Амирхан* - *амир* ар. «повелитель, правитель, князь». *Магометхан* от ар. *Магомет* «прославляемый», *Элдерхан, Яхсайхан, Ханбийке* от *хан* «князь» + *бийке*, *Авархан* от *авар + хан*, *Агъахан* от *агъа* «господин, хозяин + бек», *Арапхан* от «арабский хан», *Асилхан* от *асил* «благородный» + *хан*, *Аскерхан* от *аскер* «воин» + *хан*.

В препозиции: *Ханмирза, Хангерей, Хангиши, Ханарслан, Хансолтан*. Используется только в качестве антропокомпонента.

22. *-гиши* «мужчина». Образует антропорифмы, употребляясь в постпозиции сложных имен: *Жангиши, Хангиши, Къарагиши, Алигиши, Гъажигиши, Салимгиши* и др. Встречается только в качестве антропокомпонента сложных мужских имен.

23. *-улла*. Занимает только постпозицию в мужских именах: *Рагъматулла, Минатулла, Хайрулла, Насурулла, Абдулла, Гъадиятулла*. Используется только в качестве антропокомпонента.

24. *абу-* (*аб-*) «ар. отец». Употребляется только в качестве антропокомпонента в сложных мужских именах в препозиции: *Абубакар, Абу-супьян, Абуталиб, Абсамат*.

25. *-солтан-* «солтан». Встречается как в начале, так и в конце сложных мужских имен: *Мингсолтан, Салимсолтан, Бийсолтан; Солтангиши, Солтангерей, Солтанагъмат, Солтанали* и др. Употребляется и как самостоятельное имя. В сложных женских личных именах не употребляется.

26. *-паша* «паша». Занимает главным образом постпозицию: *Нурипаша, Алимпаша, Умарпаша*. В препозиции встречается только в имени *Пашабек*. Используется и как самостоятельное имя.

27. *-гъажи-*. Встречается как в препозиции сложных мужских имен, так и в постпозиции: *Гъажиагъмат, Атагъажи, Агъматгъажи, Гъажигиши, Ягъьягъажи*. В женских именах употребляется очень редко и только в препозиции: *Гъажикъыз, Гъажикъатын*. Нередко употребляется и в качестве самостоятельного мужского имени. В мусульманский период, полагаем, с той же целью часто использовалось слово *гъажи* - «паломник». При этом слово *гъажи*, стоявшее впереди основного имени, служило именно имяобразованием, но содержательного значения не имело, например *Гъажимурад*, тогда как это же слово, стоящее после имени, озна-

чало, что носитель имени совершил паломничество в Мекку и имеет статус хаджи: *Агъматгъажи*.

28. *-агъа* «господин». Употребляется в основном в препозиции сложных мужских личных имен: *Агъабек, Агъавьяш, Агъакерим, Агъарагъим, Агъахан, Агъамурза, Бахтумагъа*.

29. *амир-* «эмир». Функционирует в качестве антропокомпонента в сложных мужских личных именах только в препозиции и используется в качестве самостоятельного личного имени: *Амирали, Амирхан, Амурхан, Амир*.

30. *гиччи-* «маленький / маленькая». Только в качестве антропокомпонента в препозиции женских и мужских личных имен: *Гиччиулан, Гиччикъыз, Гиччибек, Гиччихан, Гиччибике*.

31. *улуу-* «большой / большая». Употребляется только в качестве антропокомпонента в препозиции сложных мужских личных имен кумыков: *Уллубий «великий князь», Уллухан «великий хан», Уллуакъай от улуу «большой» + акъай «старик»*

32. *-мурат* «цель». Употребляется в пре- и постпозициях сложных мужских имен кумыков, а также самостоятельно: *Алимурат, Гъажимурат, Мурат, Муратбек, Муратхан, Солтанмурат, Муратхангъажи, Шихмурат, Биймурат*.

33. *-иман* «вера». Функционирует в качестве антропокомпонента только в сложных мужских личных именах в препозиции: *Иманали, Иманкъазали, Иманзагъир, Иманмурза*.

34. *-наби-* «пророк». Употребляется самостоятельно и в качестве антропокомпонента в пре- и постпозиции сложных мужских имен: *Магъамматнаби, Наби, Набигулла, Набийрулла, Нибиюлла*.

35. *-темир-* «железо». Употребляется во всех позициях сложных мужских имен, а также самостоятельно: *Байтемир, Бектемир, Бийтемир, Къантемир, Таштемир, Темир, Темирбек, Темирбий, Темирболат, Темирсолтан, Темирхан, Шихтемир*.

36. *байрам-* «праздник». Употребляется как самостоятельно, так и в качестве антропокомпонента сложносоставных мужских и женских имен (только в препозиции): *Байрамали, Байрамбек, Байрамкъыз, Байрамгиши от Байрам «праздник» + гиши «мужчина»*.

37. *-жан-*. От персидского *джан* «душа». Входит в состав как мужских, так и женских имен. Мужские имена: *Жантемир* от *темир* «железо». *Жанкиши* от *киши* «человек, мужчина». *Жаныбек* от *бек* «крепкий, сильный». Женские имена: *Аривжан* от *арив* «красивая», *Алмажан* от *алма*

«яблоко», *Алтынжан* от *алтын* «золото», *Балажан* от *бала* «ребенок», *Гюлжан* от *гюл* «цветок, роза», *Нюржан* от *нюр* «свет, сияние», *Эслижан* от *эсли* «разумная, рассудительная». Самостоятельно в качестве личного имени не используется.

Таким образом, антропокомпоненты, образующие сложные личные имена кумыков с функциональной точки зрения можно разделить на следующие типы: а) антропонимы, характерные только для женских личных имен; б) антропонимы, характерные только для мужских имен и в) антропонимы, которые участвуют в создании сложных мужских и женских имен.

У многих народов мира, в частности, у тюркоязычных, имеет место явление, которое называют антропонимической серией [Ройзензон: 37-40]. Смысл его состоит в том, что дети одной семьи нередко нарекаются таким образом, что их имена образуют по семантическим или формальным (иногда по формально—семантическим) признакам ряд схожих образований. Таким образом, антропонимическая серия — это, с одной стороны, группа имен, характеризующаяся общностью аффиксации, с другой стороны, такой ряд имен, у которого совпадают одинаковые сегменты имен; наконец, антропонимической серией можно признать и такие сочетания имен, которые традиционно даются при наречении близнецов [Ройзензон 1978: 144].

Рассмотрим, каков истинный характер, каковы масштабы распространения антропонимических серий у кумыков.

Часто встречаются семьи с одной антропонимической серией, т.е. семьи, у которых имена детей образуют только одну серию, например: *Элдерхан – Жаватхан – Рашитхан – Селдерхан*.

Зафиксированы по две антропонимические серии, это значит, что в одной и той же семье имена детей образуют два антропонимических ряда, две серии. Говоря о том, что в той или иной семье имена детей образуют одну, две или три серии, нельзя не учесть и того обстоятельства, что данные серии не всегда охватывают всех детей данной семьи, т.е. нередко, кроме серии, остаются еще имена, не входящие в нее.

Чаще всего близнецы-двойняшки образуют такие антропонимические серии:

а) мужская серия — *Хасан – Хусен , Пирали – Нурали* (с. Янгикент), *Пирмагьаммат – Нурмагьаммат* (с.Тюменлер);

б) женская серия: *Садия – Надия, Аида – Саида*.

Антропонимическую серию образуют как антропокомпоненты, так и аффиксоподобные элементы разного происхождения, например, – *улла*, *умм-*, *-ат*. Формант *умм-* препозитивен, оба других форманта постпозитивны.

Наличие столь богатых антропосерий дает большие возможности при имянаречении для создания антропорифм. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет предположить, что исторически имена кумыков рифмовались. Рифмованные имена отражали родственные связи. И в настоящее время кумыки имена детей связывают с именами родителей или братьев и сестер внешним оформлением – рифмой. Рифмуются по нисходящей линии имена: а) отца и сыновей: *Салимхан – Алимхан – Адилхан, Айнутдин – Зайнутдин – Багъавдин – Хайрутдин* (с. Кёстек); *Абдулкъадыр – Абдурагъман – Абдуразакъ – Абдулгъалим* (г. Хасавюрт); б) матери и дочерей: *Умухан – Кабахан – Шавахан* (с. Кёстек), *Кабахан – Евахан – Маккахан – Рабияхан* (с. Кёстек).

По горизонтальной линии в семье рифмуются имена: а) братьев: *Арсланхан – Залимхан – Камилхан* (с. Отемиш); *Илмидин – Салавдин – Багъавдин – Исамдин – Имамдин – Айнутдин – Изамдин* (с. Кёстек); б) сестер: *Илмуханум – Шевлеханум – Рашияханум – Равияханум* (с. Отемиш); *Мадияхан – Гьидияхан – Атияхан – Нюрьяхан – Женнетхан – Маккахан* (с. Кёстек).

Таким образом, фактический материал свидетельствует о том, что в сложных антропонимах в той или иной мере отразилось образное и поэтическое начало, запечатлевшее в себе определенные отношения человека к действительности на различных ступенях общественного развития.

Многочисленный пласт составляют имена, как правило, заканчивающиеся титулами: *хан, бий, бек, мирза*. Иногда титул ставился перед именем, но, по сути, это не имело значения. Исключение составляет слово *бек*: когда оно пишется в начале слова, то имеет значение «крепкий» (*Бекболат, Бекташ*); в конце имени, как правило, означает титул (*Байбек, Алибек*).

Личные имена у различных народов имеют свои специфические черты. У славян преобладают компоненты «добр», «свет», «свят», «мир», «слав». У греков и римлян – слова, подчеркивающие в человеке гуманное.

Каждой женщине хочется быть красивой и привлекательной, как каждому мужчине хочется быть сильным и мужественным. А если уж не получилось чего-либо из этого во внешности и характере родителей,

они возлагают свои надежды на детей. Поэтому и встречалось так много красавиц: *Арив, Гёзел, Жамил, Жамиля, Жаминат, Жамал*. Нередко слово *Гёзел* «красавица» усиливалось ещё каким-нибудь благозвучным термином, образуя сложное имя.

Цветы – одно из украшений нашей жизни. Один их вид и нежный аромат нередко пробуждают лучшие человеческие чувства. Поэтому вполне понятно, почему цветочная тема нашла столь благосклонное отношение к себе со стороны женщин при наречении именем. Имена «цветочные», то есть связанные с общим понятием «цветок» (*гюл*) или отдельным их видами, составляют весьма значительную часть кумыкских женских имён.

Ещё одну, довольно значительную группу, составляли женские имена со странной, казалось бы, здесь мужской основой *улан* «сын, мальчик». Однако для всеведущего человека причина появления их вполне понятна. Дело в том, что в кумыкской среде в силу сложившейся традиции появление первенца всегда связывалось с мечтами о мальчике-наследнике. Если же мечты не оправдывались, и рождалась девочка, её могли назвать именем, которое как бы магически утверждало появление мальчика-сына. Таким путём суеверные родители надеялись повлиять на судьбу, чтобы в дальнейшем она была более милостива к ним, особенно часто это наблюдалось в тех семьях, где рождались одни девочки, или родившиеся мальчики не выживали. Поэтому и появлялись такие требовательные имена, как *Улангерек* «сын нужен», или *Угъланбеги* («достаточно девочек»).

Однако ряд женских имен в прошлом был весьма далёк от того, чтобы связывать их с понятием о прекрасной половине человечества. Это были имена, уничижающие человеческое достоинство. В переводе они звучат, как «насытилась», «хватит, довольно», «последняя девочка», «старуха», «старая», «старая дева», «плохая» и т.д. Отрадно, что подобные имена почти не встречаются в наши дни среди представительниц юного поколения, как это имело место среди их бабушек и матерей. В то же время, красивые традиционные женские имена, из которых я смог здесь назвать только незначительную часть, получили особое распространение. В советский период встречались также отдельные случаи переосмысления традиционных или проникновения иноязычных (русских и европейских имён).

Полярность понятий мужественности и женственности, их четкое формальное разграничение свойственны кумыкским личным именам.

Кумыкские мужские имена связаны с понятиями высокого социального статуса, силы, мужественности, богатства. Женские имена, как правило, соотнесены с семантическим полем «внешность», «красота», а также с полем вкусовых и тактильных ощущений. В ряде семантических областей мужские и женские имена идентичны.

Большое количество заимствованных имен в кумыкском языке имеет «непрозрачную» внутреннюю форму, что также в определенной степени способствует ослаблению гендерной стереотипизации. Статистический анализ личных имен позволяет говорить о прямой зависимости количества мужских и женских имен от социальных факторов, определяющих гендерную политику государства на том или ином этапе его развития.

О синкретизме кумыкских имен

Две подруги – кумычка *Алтын* и аварка *Меседо*. Трудно сказать, какие у них характеры, но имена, точно золотые. А подруги *Гёзел* и *Джамиля*, судя по их именам, должны быть красавицами. В чём же дело? Почему имена разные, а обозначают одно и то же – «золото», «красавица»? Да потому, что все они разноязычного происхождения, разными путями попавшие в пёструю толпу кумыкских имён. *Алтын* и *Гёзел* – имена тюркского происхождения, *Меседо* – аварского, а *Джамиля* – арабского. Синкретизм – смешение разнородных элементов в одной системе. В данном случае речь идёт о языковом синкретизме кумыкских личных имён, их разноязычном происхождении. А это явление, как и ряд других, вызвано пестротой и сложностью этнических и исторических процессов, происходивших на территории проживания кумыков.

Конечно, не следует думать, что все кумыкские имена сохраняют своё одноязычное происхождение – тюркское, иранское, арабское, русское или иное. Очень многие из них отразили языковой синкретизм непосредственно в самой форме имени, часто состоящем из двух разноязычных основ во всевозможных комбинациях. Например, женское имя *Гюлжамал* состоит из персидского *гюл* «цветок» и арабского *жамал* «красивая», то есть дословно «красивый цветок». Мужское имя *Жумагиши* состоит из арабского *жума* «пятница» и тюркского *гиши* «мужчина». А женское имя *Гюлжамал* связывает арабскую «красоту» с иранской «розой» («*гюль*»), означая «красивая роза».

Кумыкское имяобразование во многом сходно с имяобразованием у других тюркских народов. К числу его особенностей можно, вероятно, отнести минимальное число элементов, образующих имя, заимствованных из других языков, исключая арабский. Связано это с тем общеизвестным фактом, что кумыкский язык в наибольшей степени сохранил в чистоте свои могучие древнетюркские корни. Именно поэтому известные тюркологи видят в нем ключ для исследования древнеписьменных языков тюркской системы. Другой особенностью кумыкского имяобразования и имянаречения являлось использование исключительно «добротного» исходного материала в качестве имени или компонента имени. Это были имена богов и божеств, благородных и великих героев, могучих сил и явлений природы, сильных и благородных животных, прежде всего тотемных, и т. д. Связано это, вероятно, с тем, что имя для кумыков имело магическое значение.

Глава 3. МОРФОЛОГИЯ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Как отмечает Г. Ф. Благова, в пратюркской антропонимической системе задействованы четыре части речи - существительные, прилагательные, числительные, глаголы. Особенно многочисленны антропонимические единицы, генетически связанные с существительными. Приведем примеры простых личных имен *Адия* «дар, подарок, награда», *Ажай* «матушка, старшая сестренка, тетушка», *Ания* «подарок», *Асад* «лев», *Байракъ* «флаг», *Баъли* «черешня», *Бюлбюл* «соловей», *Гюмюш* «серебро»; «символ внутренней чистоты, безгреховности».

Нередко встречаются и прилагательные: *Аман* «здоровый, благополучный», *Гёзел* «красивая, прекрасная, прелестная», *Назик* «нежная, изящная», *Азиз* «дорогой», *Арив* «красивый», *Къайсар* «настойчивый, волевой», *Гиччи* «маленький», *Сыйлы* «почтенная», *Асли* «основная», «коренная», «подлинная, настоящая».

Среди адъективных сложносоставных личных имен компактную группу составляют прилагательные цветообозначения, которые выступают компонентами сложносоставных личных имен: *акъ* «белый», *къара* «черный», *сари* «желтый», *гёк* «голубой»: *Агъат* тюрк. стяж. от *акъ* «белый» + *ат* «конь», *Акъбий* - *акъ* «белый; светлый, чистый» + *бий* «князь», *Акбулат* - *акъ* «белый; светлый, чистый» + *булат* «сталь высшего сорта; крепкий, как булат (сталь)»; *Акъбет* - *акъ* «белый» + *бет* «лицо»; «белолица», *Акъбийке* «белая (благородная) княгиня, княжна», *Акъболат* тюрк./перс. «крепкий как сталь», *Акъкъыз* - *акъ* «белый» + *къыз* «девушка»; «белолицая девушка», *Акътай* - *акъ* «белый» + *тай* «жеребенок»; «белый жеребёнок», *Къарабатыр* - *къара* «могучий» + *батыр* «герой, богатырь»; «могучий богатырь», *Къарабек* - *къара* «могучий» + *бек* «правитель»; «могучий правитель», *Къарагиши* - *къара* «могучий, грозный» + *гиши* «мужчина»; «грозный мужчина», *Къарамагъаммат* - *къара* «могучий» + *Магъаммат* «имя пророка» «великодушие, щедрость веры», *Къарачач* - *къара* «черная» + *чач* «коса»; «чернокобая»; *Сарижат* «светоч», *Гёкгёз* «голубоглазый». Активность прилагательных цветообозначения в образовании личных имен объясняется полисемантической прилагательных этой группы. Они передают также ряд отвлеченных понятий, таких, как, например, мудрость носителя имени, его мощь, долгожительство и т.п. [См. Благова 1997, 1998].

Из числительных в кумыкском антропонимиконе задействованы только количественное числительное *юз* «сто» и *минг* «тысяча» как компоненты сложносоставных имен: *Юзманат* «сто рублей». *Мингарив* «тысячекратно красивая».

Из глаголов компактную группу составляют глаголы состояния *токъта* «стоять», «пребывать», *толгъан* «становиться полной (о луне)», *къалсын* «пусть останется», *оьлмес* «не умрет», *турсун* «пусть останется», а также глаголы *тай* «уйди», *таман* «хватит», *яраш* «согласись», *гелди* «пришел, наступил», *тув*, *тувгъан* «родился», *берди* «дал»: *Элтувгъан* «родился старейшина страны, народа». По мнению профессора Т. М. Гарипова, имя *Ильдуган* (*Ильтуган*) заимствовано из языка хазар (IV – X века); *Айтув* - *ай* «луна» + *тув* «рождаться»; *Бикатув* - *бике* «госпожа» + *тув* «родилась»; *Гюнтувгъан* - *гюн* «солнце» + *тувгъан* «взошло; родилось»; *Токътабий* – *токъта* «подожди» + *бий* «князь»; *Токътарбек* – *токътар* «пождет» + *бек* «князь»; *Толгъанай* – *толгъан* «полная» + *ай* «луна»; *Турсун* «пусть останется, живёт. Пусть живет, дай Бог жизни (пожелание ребенку)»; *Къалсын* «пусть живёт, останется»; *Таймас* «ребенок, жизненный путь которого не оборвется, который не умрет»; *Оьлмес* «не умрёт». *Худайберди* - «богом данный»; *Акъберди* – *акъ* «белый» + *берди* «дал»; *Байберди* – *бай* «богатый» + *берди* «дал», *Къалыркъыз* – *къалыр* «останется» + *къыз* «девушка» – «девушка, которая останется, должна жить»

Части речи компонентов личных имен будут видны при рассмотрении моделей сложносоставных личных имен.

Некоторые из существительных или прилагательных целесообразнее называть просто именем, так как они совмещают в себе значения той и другой конкретной именной части речи. Пример такого имени - слово *бай* «бай, богач, богатый, хозяин, господин». А. Гафуров [1987: 131] указывает также значения 1) «богатырь» и *перен.* 2) «господь». Оно является одним из наиболее распространенных компонентов мужских личных имен, а иногда встречается и в составе женских, например: *Айбатыр* «луна» + «богатырь», *Байкъыз* - *бай* «богатая» + *къыз* «девушка», *Айбай* - «луна» + «богач», *Байбаш* - *бай* «богатый» + *баш* «голова», *Баймурза* «богатый господин, князь, царевич», *Байрамкъыз* - *байрам* «праздник» + *къыз* «девушка» «девушка–праздник», *Бийкебай* - *бийке* «благородная женщина-хозяйка, княжна» + *бай* «богатая» «богатая княжна, княгиня», *Байбике* «благородная женщина-хозяйка, госпожа» + *бай* «богатая». *Бай* как самостоятельное имя в кумыкском языке не употребляется. В кумыкских личных именах на первом плане значение прилагательного.

Слово *къара*, широко известное как прилагательное со значением «черный, темный», в различных тюркских языках имеет также значения, в которых выступает как существительное (например, *кирг.* «опора», «множество, масса», «крупный скот», «письменность, грамота», *узб.*

«тьма, темень, чернота», кирг., туркм., узб. «силуэт, очертание, тень», тат. «черное пятно, бесчестье», туркм. «клевета», узб. «траур, траурная одежда»), а поэтому в этих языках оно не прилагательное, а имя [Исхакова: 6].

В составе личных имен кумыков *къара* означает не только «черный, темный» (*Къарагёз* «черные глаза», *Къарачач* «черная коса», но имеет и другие значения, не свойственные ему в современном языке: «сильный, мощный, могучий» (ср. кум., кирг., тат. *Къарабатыр* «сильный, мощный, могучий богатырь»), «крупный, большой» [Джанузаков 1989: 94]), «великий» (*Къарахан* «великий хан»). Г. Ф. Саттаров определяет значение имени *къара* и как «богатый»: *Къараман* - «обладатель богатства, достатка, силы, могущества») [1981: 104].

Указанные значения компонента *къара* содержатся в работах [Саттаров 1981: 103; Гафуров 1987: 155-156; Джанузаков 1989: 94]. Материал кумыкского языка подтверждает мысль Х. Ф. Исхаковой о том, что *къара* в личных именах является не прилагательным, а именем по двум причинам: 1) в числе значений компонента *къара* имеется значение «простой народ», которое находит подтверждение в объяснении значения имени *Къарабаш*. Носитель имени *Къарабаш* - это не только «мальчик с черными/темными волосами (головой)» - 2-ое значение, но и «раб, слуга» - 1-ое значение.

Слово *къара*, в кумыкском, азербайджанском, киргизском и туркменском языках употребляется и как самостоятельное имя, в узбекском - как самостоятельное мужское и женское личное имя. А. Гафуров [1987, 155] тюркское личное имя мужское *Къара* переводит как «могучий, сильный, великий» [Исхакова: 8].

В личных именах сохраняются словообразовательные и словоизменятельные аффиксы перечисленных частей речи. Приведем некоторые из них.

Аффиксы именных частей речи - существительных, прилагательных, числительных:

1. Аффикс существительного *-чы/-чи/-чу/-чю*, имеющий значение имени деятеля - «тот, кто...». Среди существительных наблюдается большое количество корневых слов. Производные существительные, скорее всего, проникали в антропонимическую систему уже в готовом виде. Примеры древнетюркских антропонимических единиц со словообразовательным аффиксом *-чы*: *Ёлчу* (от *ёл* «дорога + аффикс *-чу*) «путешественник», *Къойчу* (от *къой* «овца» + *-чу*) «чабан; пастух, пасущий

овец», «владелец овечьих стад», *Сабанчы* (от *сабан* «пашня» + аффикс -чы) «пахарь, хлебопашец», значение мужского имени – «рожденный во время сева», *Оракъчы* (от *оракъ* «серп» + -чы) «жнец», *Боранчы* (от *боран* «буран» + аффикс -чы), родился во время бурана, *Иннырчы* (от *инныр* «ток» + аффикс -чы) «молотильщик», *Йырчы* (от *йыр* «песня» + аффикс -чы) «певец» и др. Существительные в пратюркской антропонимической системе используются, как правило, в основном падеже.

2. Аффикс существительного *-даш*, *-деш* со значением «сотоварищ по...», «тот, кто вместе с ...»: *Адаш* «тезка» от *ат* «имя» + *-даш*. Это имя имеет также значение «друг, приятель, товарищ», сюда примыкает и мужское имя *Айдаш* «имеющий качества луны, красивый, как луна» от *ай* «луна» + *-даш*; *Къардаш* (стяж. от *къарындаш*) «рожденный одной матерью (вместе с кем-то), единоутробный». Это имя давалось ребенку, родившемуся от другого (нового) мужа.

3. Аффикс существительного *-лыкъ*, *-лик*, *-лукъ*, *-люк* с абстрактным значением: *Аталыкъ* (от *ата* «дед; отец» + *-лыкъ*) «отцовство», *Шавлукъ* (от *сав* «здоровый» + *-лукъ*) «здоровье». Ср. с кирг. *Эрлик* «мужество, геройство, храбрость; подвиг» от *эр* «муж, мужчина; возмужалый; герой, богатырь, храбрец» + *-лик*, *Шатлык* «радость» от *шат* «радостная» + *-лык*; туркм. *Аманлык* «благополучие, спокойное течение жизни» от *аман* «невредимый, здоровый», «пощада, спасение» + *-лык*, узб. *Оталик* «патриарх, глава рода» от *ота* «отец» + *-лик*, *Омонлик*, «здоровье, благополучие; благоденствие» от *омон* «невредимый, сохранный», «пощада, спасение» + *-лик*, *Яхшилик* «доброта, добродетель; добро, благодеяние» от *яхши* «хороший, добрый, славный; приличный» + *-лик* [Исхакова: 8].

4. Аффикс отглагольного существительного *-ыш*, *-иш*, *-уш*, *-юш* со значением процесса или результата действия: *Багъыш* «присмотр, уход» от *бакъ-* «присматривать, ухаживать, воспитывать» + *-ыш* (имя выражает пожелание родителей, чтобы сын ухаживал за ними, когда они состарятся); *Багъышбек* от *бакъ* + *-ыш* + *бек*, *Табуш* «доход, успех», личное имя скорее «находка» от *тап-* «находить; зарабатывать; делать открытие; родить» + *-уш*; *Уруш* от *ур* «бить» + *-уш* «битва», *Давуш* от *дав* «война» + *-уш* «завоеватель». Ср. с др. тюркскими языками: каз. кирг. *Конуш* «остановка на ночлег», «место расположения аула», «родное пепелище» от *кон-* «останавливаться на ночлег» + *-уш* (вероятно, личное имя указывает на время и место рождения); тат. *Акланыш* «оправдание» от *аклан-* «оправдаться» + *-ыш* (имя давалось, когда у женщины, считавшейся бесплодной рождался сын [Саттаров 1981: 30]: *Таныш* «знакомый, свой человек» от

таны- «узнавать» + -ш; узб. *Келиш* «приход, прибытие» т.е. «рождение» от *кел-* «прибывать, приходить, являться» + -иш [Исхакова: 10].

5. Аффикс множественного числа *-лар/-лер* содержится в следующих мужских именах *Агъалар* от *агъа* «господин» + *-лар* (аффикс множественности), *Агъалархан* от *Агъалар* «господин господ» + *-лар*). + *хан* и в женском имени *Гюллер* «роза» от *гюл* «роза» + *-лер*».

6. Аффикс принадлежности 1 л. ед. числа *-ым, -им, -юм, -ум*: *Ханымай* (от *хан* «князь» + *-ым* + *ай* «луна»), *Агъайым* (от *агъай* «старший брат» + *-ым* (аффикс принадлежности), *Агъавум* (от *агъав* «старший брат» + *-ум* (аффикс принадлежности), *Ажам* (от *Ажа* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка» + *-м* (аффикс принадлежности), *Акавум* (от *Акав* «господин» + *ум* «аффикс принадлежности», *Акашим* (от *Акаш* + *им* (аффикс принадлежности).

7. Как отмечает Х. Ф. Исхакова «аффикс принадлежности 3 л. ед.ч. *-сы/-си/-су/-сю* в простых личных именах встречается только в азербайджанском языке, например; аз. *Атасы* «его господин» от *ата* «господин» + *-сы*, *Багы* от *баг-* «его сад» + *-ы*, *Гулу* «его раб» от *гул* «раб» + *-у*, *Кулу* «его цветок» от *кул* «цветок» + *-у*. В других языках аффикс принадлежности 3 л. ед.ч. встречается только в составе сложных имен» [Исхакова: 11-12]. В кумыкском именнике мы обнаружили следующие имена с аффиксом принадлежности 3 лица единственного числа: *Мамасы* от *Мама* + *-сы*, *Абусу* от *Абу* «отец» + *-су*, *Айгюлю* от *ай* «луна» + *гюл* «роза» + *-ю* «лунная роза», *Бахтум* от *Бахт* «счастье» + *-ум*.

8. Уподобительный суффикс *-дай/-тай* встречается в именах *Айдай* от *ай* «луна» + *-дай* «как месяц, подобный месяцу. *Хамутдай* (от *хам* + *ат* + *-дай*) «имя, воздающая хвалу, достойная похвалы». Возможно и женское имя *Шавадай*. Ср. каз. ж. *Айдай* «луноподобная» от *ай* «луна» + *-дай*, *Валдай* «сладкая, как мед» от *бал* «мед» + *-дай*, м. *Жандай* «дорогой, как душа» от *жан* «душа» + *-дай*, *Тастайбек* «крепкий, как камень» от *тас* «камень» + *-тай* + *бек* «крепкий»; кирг. *Айдайкан* «луноподобный хан», где *кан* «хан».

Г. Ф. Саттаров приводит также показатель мужского пола *-тай*, заимствованный из монгольского языка [Саттаров 1981: 174].

9. Аффикс прилагательного *-лы/-ли/-лу/-лю* со значением «содержащий..., имеющий ...»: *Бийатлы* от *бий* «князь» + *атлы* «всадник», *Жанатлы* от *жан* «душа» + *ат* «имя» + *-лы* «душевное имя», *Назлы* от *наз* «нежность, ласковость, грациозность, изящность» + *-лы* «нежная, ласковая; грациозная, изящная». *Назлыханум* от *наз* + *лы* + *ханум*, *Оразлы* от *ораз* «счастье» + *-лы* «счастливая», *Сыйлы* от *сый* «уважение, почет» + *-лы*

«почтенная», *Сыйлыкъуш* от *сый* + *-лы* + *къуш* «птица» «знаменитая птица», *Сыйлыкъыз* от *сый* «уважение, почет» + *-лы* + *къыз* «девушка», *Тажлы* от *таж* «корона» + *-лы*, *Гюллю* от *гюл* «цветок» + *лю* «цветочная». Ср. аз. ж. *Баллы* «сладкая» от *бал* «мед» + *-лы*, *Гюллю* «с цветами» от *гюл* «цветок, цветы» + *-лю*, *Назлы* «нежная, изнеженная; грациозная» от *наз* «нега; фация» + *-лы*.

Атлы «всадник» от *ат* «лошадь» + *-лы*, мужское имя, вероятно, содержит пожелание, чтобы ребенок стал состоятельным человеком, имел и любил лошадей. Как видно на примерах тюркских личных имен, значение существительного (или другого апеллятива) не следует переносить на имя буквально, личное имя может указывать на время или обстоятельства рождения, выражать пожелание новорожденному стать обладателем определенного рода богатств, качеств, склонностей, умений [Исхакова: 12]. Ср.: каз. *Жолды* «тот, у кого путь счастливый», «удачливый» от *жол* «дорога, путь» + *-ды*, *Хайырлы* «выказывающий милость; щедрый, добрый» от *хайыр* «добро, благо, чудо, отзывчивость» + *-лы*, *Нурлы* «лучистый» от *нур* «луч, свет» + *-лы*; кирг. *Майлы* «имеющий жир, масло», т.е. «состоятельный, богатый» от *май* «масло, жир» + *-лы*, ж. *Мингли* «с родинкой», значит, «счастливая» от *минг* «родинка, родимое пятно» + *-ли*; тат. *Котлы* «счастливый; хвалимый; благополучный; живой, невредимый, здоровый» от *кот* «счастье» + *-лы*, *Юллы* «тот, у кого будет долгая жизнь, долгий жизненный путь» от *юл* «дорога, путь» + *-лы*; туркм. *Гузuly* «имеющий ягненка, ягнят» от *гузы* «ягненок» + *-лы*, *Сирли* «имеющий тайну, таинственный, загадочный» от *сир* «тайна» + *-ли*.

10. Аффикс прилагательного *-сыз* со значением «не содержащий, не имеющий» в кумыкских личных именах не представлен. Единичные примеры встречаются в других тюркских языках: кирг. *Сансыз* «бесчисленный» от *сан* «число, количество» + *-сыз*; имеется также киргизское родоплеменное название *сансыз* [Лезина-Суперанская 1994: 335]; тат. *Атсыз* «не имеющий имени» от *ат* «имя» + *-сыз*, такое имя давалось, чтобы уберечь ребенка от злых сил; туркм. *Гайгысыз* «не испытывающий горя, печали», «беспечный, беззаботный» от *гайгы* «горе, огорчение; грусть, печаль; скорбь», «беспокойство, забота» + *-сыз* [Исхакова: 13].

11. Среди кумыкских, казахских и татарских личных имен имеется по одному примеру на форму интенсивной степени прилагательного. Это пример сохранения грамматического явления в личных именах, хотя образование этой формы похоже на префиксацию: *Аппакъ*; «белей-

ший, совершенно белый, совершенно чистый» от *акъ* «белый, чистый» [Исхакова: 13].

12. В кумыкском антропонимиконе очень много личных имен с уменьшительными или ласкательными аффиксами *-й, -в, -ш*: *Атай* - *ата* «отец», *Умакъай* «господин, хозяин, князь общины, народа, нации», *Уматай* «отец (глава) общины, народа, нации», *Чопалав* «пастух, гуртовщик», *Яраш* «подходящий, примирившийся», *Абув* «отец», *Дадав* «бабушка», *Ижев* «мать», «старшая сестра», *Инив* «меньший брат», *Набиш* от *Наби* + ласк. афф. *-ш* и др.

Простые личные имена, представляющие собой глагольные формы, содержат словоизменительные аффиксы глагола:

1. Аффикс 3 л. ед.ч. повелительного наклонения *-сын, -син, -сун, -сюн*: *Турсун* «пусть останется, живёт, дай Бог жизни (пожелание ребенку), *Къойсун* «пусть оставит (жить), *Къалсын* «пусть живёт, останется», *Къалсынбек* (от *Къалсын* «пусть живёт, останется» + *бек*, *Таймас* «1. Ребенок, жизненный путь которого не оборвется, который не умрет. 2. Ребенок, который не будет поступать вопреки родительскому слову», *Таймасхан* от *Таймас* «не уйдет» + *хан* «князь», *Таймакъади* (от *тайма* «не уходи» + *къади*», *Къайтмас* «не вернётся, не повернёт вспять, не отступающий». Ср.: аз., турк. *Дурсун*, каз. *Турсын*, тат. *Торсын*, кирг., узб. *Турсун* «пусть живет»; кирг. м. и ж. *Журсун*, узб. м. *Журсун* «пусть ходит», т.е. «пусть здравствует, пусть будет долголетним, благополучным, узб. *Булсин/Бусин* «пусть будет, пусть родится» от *бул-* быть, стать» + *-син*, *Келсин* «пусть придет, явится, пусть родится» от *кел-* «приходить, являться» + *-син*.

2. Аффикс прошедшего категорического (или неочевидного) времени *-ды –ди, -ду, -дю* представлен в двух формах лица и числа - это 3 л. ед.ч. и 1 л. мн.ч.: *Жумакъылды* (от *жума* «пятница» + *къылды* «совершил намаз») «совершил пятничный намаз», *Табулду* (от *табул* «найтись» + *-ду*).

Данная форма прошедшего категорического (или неочевидного) времени 3 л. ед.ч. часто встречается и в других тюркских именниках: кирг., туркм., узб: *Берди* «дал», т.е. [бог] дал [сына]» от *бер-* «давать» + *-ди*; туркм. *Гелди*, узб. *Келди* «пришел, явился», т.е. «родился» от *гел-, кел-* «приходить, являться» + *-ди*; кирг. *Болду*, узб. *Булди* «появился, родился» от *бол-, бул-* «быть, стать» + *-ду/-ди* соответственно; кирг. м. и ж. *Турду*, узб. м. *Дурди/Турди* «встал, остался жить» от *тур-, дур-/тур-* «встать; жить» + *-ду/-ди*; туркм. *Ачылды* «раскрылся, распустился, расцвел» от *ачыл-* «рас-

крываться, распускаться, расцветать» + *-ды*; узб. *Севди/Суйди* «полюбил» от *сев-/суй-* «любить» + *-ди*; каз. *Табылды* «нашелся, был найден» от *табыл-* «быть найденным» + *-ды* [Исхакова: 15].

3. Форма 1 л. мн.ч.: *Сагындыкъ* «долгожданный ребенок (мальчик)» от *сагыын-* «скучать» + *-ды* + *-къ*. Сохранилось в фамилии Сагындыков. Ср. кирг. *Сагындык* от *сагыын* «тосковать, скучать по ком» + *-ды/-ди* + *-к/-къ*; кирг. *Кубандык*, туркм. *Гувандык* «мы обрадовались» от *кубан-*, *гуван-* «радоваться» + *-ды* + *-к/-къ*; имеется казахское родоплеменное название *кувандык* [там же: 258]; аз. *Тандыг* «мы нашли» от *тап-* «находить» + *-г* и т.п.

4. Аффикс причастия прошедшего времени *-гъан*, *-ген*: *Толгъанай* от *толгъан* «полная» + *ай* «луна», «полная луна». *Элтувгъан* от *эл* «страна» + *тувгъан* «родился», «родился старейшина страны, народа». По мнению профессора Т. М. Гарипова, имя *Ильдуган* (*Ильтуган*) заимствовано из языка хазар (IV – X века). *Эртувгъан* от *эр* «мужчина, мальчик» + *тувгъан* «родился», «родился мальчик», *Айтувгъан* от *ай* «луна» + *тувгъан* «взошла, родилась», «взошла луна»; в переносном значении: «родился ребенок (мальчик) красивый, как месяц», *Тувгъанай* (от *тувгъан* «взошла, родилась» + *ай* «луна, Гюнтувгъан от *гюн* «солнце» + *тувгъан* «родился».

Ср. с другими тюркскими языками: каз. *Берген*, узб. *Берган* «данный [богом]» от *бер-* «давать» + *-ген/-ган*; каз. *Болган*, тат. *Булган* «родившийся», «удавшийся, достигший успеха» от *бол-*, *бул-* «быть, стать, становиться» + *-ган*; узб. *Ускан* «выросший» от *ус-* «расти» + *-кан*, узб. *Курган* увидевший», т.е. «родившийся» от *кур-* «видеть» + *-ган* [Исхакова : 15].

5. Суффикс причастия будущего времени *-р*: встречается в простых именах *Яшар* от *яша-* «жить» + *-р* «тот, кто будет жить», *Къоркъмас* «тот, кто не будет бояться» от *къоркъ-* «бояться» + *-ма-* (аффикс отрицания) + *-с*, *Солмаз* «та, что не завянет», т.е. «будет жить» от *сол-* «вянуть» + *-ма-* + *-з*, *Оьлмес* «тот, кто не умрет» от *оьл-* «умирать» + *-ме-* + *-с*, а также в сложносоставных именах *Тохтарбек* от *тохтар* «остановится» + *бек* «князь», *Явчабар* «маслом, жиром покроем», *Тункъатар* от *тун* «1) слава; 2) ночь + *къат* «1) затвердеть; 2) наступить» + *-ар*; 1) тюрк. (булгар). «слава затвердеет, укрепится» 2) «родившийся глубокой ночью».

Ср.: аз. *Яшар*, туркм. *Яшар* «тот, кто будет жить» от *яша /яша-* «жить» + *-р*; аз. *Севэр*, узб. *Севар* «тот, кто будет любить» от *сев-* «любить» + *-эр/-ар*; аз. *Багыр* «тот, кто посмотрит», т.е. «родится» от *баг-* «смотреть» + *-ыр*, *Горхмаз* «тот, кто не будет бояться» от *горх-* «бояться» + *-ма-* (суффикс отрицания) + *-з*, ж. *Солмаз* «та, что не завянет», т.е. «будет жить» от *сол-* «вянуть» + *-ма-* + *-з*; каз. *Табар* «тот, кто найдет» от *тап-* «находить» +

ар, *Талмас* «тот, кто никогда не устанет, не утомится» от *тал-* «уставать, утомляться + *-ма-* + *-с*; тат. *Улмэс* «тот, кто не умрет» от *ул-* «умирать» + *-мэ-* + *-с*, тат. м. и ж. *Сунмэс*, узб. *Сунмас* «тот, кто не погаснет», «тот, кто будет долго жить» от *сун-* «гаснуть» + *-мэ-/ма-* + *-с*, узб. *Ёнар* «тот, кто будет гореть» от *ён-* «гореть» + *-ар*.

Сложные личные имена

Большинство сложных личных имен состоит либо из одних именных компонентов, либо из именного и глагольного компонента. Имеется небольшое количество сложных имен, состоящих только из глаголов. Существуют также отдельные личные имена, в состав которых входит наречие. Сложные имена образуются по следующим моделям.

Сложные имена, не содержащие глагольных компонентов

1. «Существительное + существительное». В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, имя существительное, предшествуя другому, позиционно превращается в прилагательное, «выступает как определение, выражающее различные признаки или качества именного компонента» (Мусаев 1984: 221). Однако было бы неверным считать, что любое существительное в позиции определения выполняет роль прилагательного. «Вопреки распространенному мнению, - пишет А. А. Юлдашев, — в позиции определения в роли прилагательного может выступать далеко не всякое существительное, а лишь те из них, которые могут быть осмыслены как прилагательные, в частности имена, обозначающие материал (типа *алтын* «золото», *гюмюш* «серебро»), названия свойства, названия живых существ по свойству и т.п. (Юлдашев 1972: 250). *Алтынкъыз* (*Алтынкыз*) — *алтын* «золото», *къыз* «девушка», *Алтынчач* - *алтын* «золото», *чач* «волосы», *Балкъыз* (*Балкыз*) — *бал* «мед», *къыз* «девушка», *Гёзелбек* «прекрасный князь» от *гёзел* «прекрасный» + *бек* «князь», *Устархан* «хан мастеров» от *уста(р)* «мастер» + *хан*; *Уланбий* «мужчина-князь» от *улан* «парень» + *бий* «князь»; *Темирташ* от *тимер* «железный» + *таш* «камень»; *Тавжан* от *тав* «гора» + *жан* «душа», *Тавбий* «князь гор» от *тав* «гора» + *бий* «князь»; *Сибирхан* «князь Сибири» от *Сибир* «Сибирь» + *хан* «князь»; *Къойсолтан* от *къой* «баран» + *солтан* «султан»; *Сююнчханым* «радостная госпожа» от *сююнч* «радость» + *ханым* «госпожа», *Гёзелханым* «прекрасная госпожа» от *гёзел* «прекрасная» + *ханым* «госпожа»; *Инсанханым* от *инсан* «человек» + *ханым* «госпожа», *Гюлженнет* «райский цве-

ток» от *гюл* + *женнет* «рай», *Мавлеткъыз* от *мавлет* «мавлид» + *къыз* «девушка»; *Къызбике* от *къыз* «девушка» + *бике* «госпожа»; *Айбике* от *ай* + *бике* «благородная женщина-хозяйка, госпожа».

2. «Существительное с суффиксом принадлежности 1 л. ед.ч. *-ым/-им/-ум/-юм/-м* + существительное». В кумыкском именнике данная модель встречается редко: *Ханымай* от *хан* + *-ым* + *ай* «луна»; *Тотумай* от *тоту* «попугай» + *-м* + *ай* «луна».

В других тюркских языках данная модель встречается довольно часто, например: кирг. *Кожомкул* от *кожо* «господин, хозяин» + *-м* + *кул*, тат. *Ишемгол* от *иш* «ребенок, ровня, друг, товарищ» + *-ем* + *гол*, туркм. *Жанымкул*, узб. *Жонимкул* от *жан/жон* «душа» + *-ым/-им* + *кул*; аз. *Атымотан* от *ат* «старший брат, старший родственник, дядя; господин» + *-м* + *отан* «мальчик», *Атамотан*, где *ата* «отец»; *Досумбек*, ж. *Жанымбубу*, где *бубу* «шаманка, женщина-бахши»; тат. ж. *Айымбикэ/Аембикэ, Ишембикэ* [Исхакова: 18].

3. Модель «существительное с аффиксом принадлежности 3 л. ед.ч. *-ы/-и* + существительное» представлена одним кумыкским и одним узбекским примерами: *Бахтигюл* «счастливая роза» от *бахт* «счастье» + *-и* + *гюл* «роза», *Жоникул* от *жон* + *-и* + *кул*.

4. Модель «существительное с аффиксом принадлежности 3 л. ед.ч. *-ы/-и* + прилагательное»: *Жанибек* от *жан* «душа» + *-и* + *бек* «крепкая, вечная», *Агъасибек* от *агъа* «старший брат» + *-си* + *бек* «крепкий, вечный»; аз. *Адыширин*, где *ширин* «сладкое, приятное»; узб. *Жонибек*, каз. *Жанибек* от *жан* + *-и* + *бек* «крепкая, вечная».

5. «Существительное + существительное с аффиксом принадлежности 3 л. ед.ч. *-ы/-и/-у* встречается в имени *Айгюлю* от *ай* + *гюл* «роза» + *-ю* (аффикс принадлежности) «лунная роза». Ср.: аз. *Агагулу*, кирг. *Эшкулу*, где *эш* «друг», туркм. *Аллагулы, Илбеги* от *ил* «племя, народ» + *бег* «бек, правитель, старейшина» + *-и*, *Гушбеги*, где *гуш* «птица».

6. «Существительное + существительное + существительное»: *Гюлярханум* от *гюл* «роза» + *яр* «подруга, возлюбленная» + *ханум* «госпожа». Ср.: тат. *Гюлярхан* от *гюл* «цветок» + *яр* «подруга, возлюбленная» + *хан* «хан», *Бибигюлбану* от *биби* «госпожа, хозяйка, женщина высшего круга» + *гюл* + *бану* «госпожа».

7. «Существительное + прилагательное»: *Гюлсары* от *гюл* «цветок» + *сары* «желтый», *Гюлгъайбат* от *гюл* «роза» + *гъайбат* «красивая», *Гюнарив* от *гюн* «солнце» + *арив* «красивый», *Жанарив* от *жан* «душа» + *арив* «красивая». Ср.: каз. *Айжарык* от *ай* «луна» + *жарык* «светлый, ясный», *Айжас* от

ай + *жас* «молодой», *Алтынсары*, где *алтын* «золото», *сары* «желтый», кирг. *Айымсулуу* от *айым* «госпожа» + *сулуу* «красивая», *Туйсылу* от *туй* «свадьба; праздник, торжество, радость» + *сылу* «красивая, прекрасная, изящная, стройная»; туркм. *Атаягшы* от *ата* «дед (по отцовской линии), отец» + *ягшы* «хороший, добрый», *амрузак* от *амур* «жизнь» + *узак* «долгий»; узб. *Йуляхши* от *йул* «дорога, путь» + *яхши* «хороший» [Исхакова: 18].

8. «Существительное + прилагательное с аффиксом -лы/-ли». По мнению Х. Ф. Исхакова, данная модель представлена только в туркменских именах. Однако на материале кумыкских личных имен мы обнаружили антропонимы, соответствующие данной модели: *Жанатлы* от *жан* «душа» + *атлы* «всадник», *Бийатлы* от *бий* «князь» + *атлы* «всадник».

9. Модель «прилагательное + существительное» довольно часто встречается в кумыкском именнике: *Ариважай* от *арив* «красивая» + *ажай* «мама», *Аривай* от *арив* «красивая», «красивенькая» + *ай* «луна», *Ариват* от *арив* «красивый» + *ат* «имя», *Аривбет* «ясноликая» от *арив* «красивый» + *бет* «лицо», *Аривжан* от *арив* «красивый» + *жан* «душа», *Аривзат* от *арив* «красивый» + *зат* «вещь», *Аривкъыз* от *арив* «красивая» + *къыз* «девушка», *Гиччибек* от *гиччи* «маленький» + *бек* «князь», *Гиччибийке* от *гиччи* «маленькая» + *бийке* «госпожа», *Гиччигиши* от *гиччи* «маленький» + *гиши* «мужчина», *Гиччихан* от *гиччи* «маленький» + *хан* «князь», *Уллубий* от *улуу* «большой» + *бий* «князь», *Улухан* от *улуу* «большой» + *хан* «князь», *Улууакъай* от *улуу* «большой» + *акъай* «старик», *Сююнчханым* от *сююнч* «радость» + *ханым* «госпожа», *Гёзелханым* от *гёзел* «прекрасная» + *ханым* «госпожа», *Эсенболат* от *эсен* «здоровый, невредимый» + *болат* «сталь», *Эрке* от *эрке* «нежная, ласковая» + *къыз* «девушка», *Акъкъыз* (*Аккыз*) — *акъ* «белая», *къыз* «девушка», *Гиччиулан* - *гиччи* «маленький, младший», *улан* «сын».

Среди сложных существительных, образованных по этой модели, наиболее многочисленны те композиты, в которых первым компонентом выступают прилагательные со значением цвета *акъ* «белый», *къара* «черный» и т.д.). Вовлечение цветowych прилагательных в качестве первого компонента в образовании сложных существительных является одним из наиболее древних способов образования новых слов. Об этом свидетельствует, прежде всего, их распространенность во всех тюркских языках - как современных, так и древних [Аракин 1976: 20- 26; Кононов 1978: 159–179].

Ср. кирг. *Азатбек* от *азат* «свободный, вольный» + *бек* «бек (феодалный властитель, ниже хана)», *Сарыбаш* от *сары* «желтый, русый», «старый, умудренный жизнью» + *баш* «голова», тат. *Асылъяр* от *асыл* «очень хороший, дорогой; красивый; благородного происхождения» + *яр* «друг, товарищ, возлюбленный», *Куккуз* от *кук* «синий» + *куз* «глаз, глаза», туркм. *Акжигит* от *ак* «белый, светлый, чистый, радостный, счастливый, благословенный» + *жигит* «джигит, парень, юноша», *Асилхон* от *асил* «настоящий, чистый, неподдельный», «драгоценный» + *хон* «хан, правитель» (кроме того, *хон* присоединяется к имени, придавая оттенок уважения), *Иминмирза* от *имин* «надежный, спокойный, благополучный» + *мирза*, «грамотный человек; господин; человек, принадлежащий к привилегированному классу», «царь, царевич» [Исхакова: 19].

10. «Прилагательное + существительное с аффиксом принадлежности 3 л. ед.ч. --ю: *Айгюлю* от *ай* «луна» + *гюл* «роза» + *ю* «лунная роза», *Айнюрю* от *ай* «луна» + *нюр* «свет, луч» + *-ю* «лунный свет». Ср.: аз. *Маммэдгулу* от *Маммэд* «Мухаммет» + *гул* + *-у*, *Жомартгулы* от *жомарт* «щедрый» + *гул* + *-ы*.

11. «Прилагательное с аффиксом -лы, -ли, -лу, -лю + существительное»: *Назлы* «нежная, ласковая; грациозная, изящная» от *наз* «ласка» + *-лы* + *ханум* «госпожа», *Тавлугъажи* от *тав* «гора» + *-лу* + *гъажи* «поломник», *Майлыкъуш* от *майлы* «жирная» + *къуш* «птица». Ср.: кирг. *Майлыбаш* от *майлы* «имеющий масло, жир», т.е. «богатый, состоятельный» + *баш* «голова», *Куттубек* от *кутту* «счастливый, удачливый» + *бек*, тат. *Котлыхан* от *котлы* «счастливый» + *хан*, туркм. *Гутлымырат* от *гутлы* «счастливый» + *мырат* «желание, стремление, цель», *Халлыораз*, где *холлы* «с родинкой» + *ораз*; узб. *Мойлибек*, ср. кирг. *Майлыбаш*; *Сирлибек*, *Сирлимирза*, где *сирли* «имеющий тайну, таинственный, загадочный», *мирза* «грамотный человек, господин».

Сложные имена, содержащие глагольные компоненты

Тип сложных слов, образованных сочетанием имени с той или иной формой глагола, встречается в различных языках. Германисты называют их императивными именами. По мнению М. Д. Степановой, императивные имена представляют собой застывшие повелительные предложения [Степанова 1953: 111]. З. А. Потиха рассматривает этот тип как образования, возникшие в результате лексико-синтаксического способа словообразования, т.е. путем слияния, сращения в одно слово длительно

употребляемого словосочетания [Потиха 1970: 248]. В «Грамматике современного русского литературного языка» этот тип сложных имен рассматривают как сложения с опорной основой глагола [Грамматика 1970: 166], а в «Русской грамматике» такие сложные слова называют сложениями «с опорным компонентом, содержащим глагольную основу» [Грамматика 1960: 246].

Э. Бенвенист отмечает две особенности сложных имен такого типа. «Одна особенность заключается в том, — пишет он, — что они обозначают одушевленные существа или предметы не как носителей какой-либо функции — эта функция могла бы им принадлежать, никогда не реализуясь в действии, — но как действительно выполняющих или выполнивших названное действие и тем самым как существа или предметы особые и определенные. Следовательно — и это вторая характерная черта, — этот способ образования создает определения, которые подходят для индивидов, а не для классов...» [Бенвенист 1974: 249].

Неудивительно поэтому, что большинство сложений этого типа являются собственными именами или прозвищами людей. *Аллагьберди* - *Аллах* + *берди* «дал», *Элбуз* — *эл* «село, страна», *буз* «разорять, разрушать», *Къызтувма* (*Кызтувма*) — *къыз* «девушка», *тувма* «не родись», *Эртув* — *эр* «мужчина», *тув* — «родиться».

В кумыкском именнике встречаются следующие модели сложносо- ставных имен с глагольным компонентом:

1. «Форма 3 л. ед.ч. повелительного наклонения + существительное»: «*Турсунай*, где *тур-* «живи» + *-сун* + *ай* «луна»; кирг. м. и ж. *Турсунай* то же, что и в казахском, *Къалсынбек* от *къал-* «жить, остаться» + *-сын*, + *-бек*, *Такъсынбек* от *такъ-* + *-сын* «пусть повесит» + *бек*.

2. «Существительное + форма 3 л. ед.ч. прошедшего категорического (неочевидного) времени на *-ды*, *-ди*, *-ду*, *-дю*: *Агъаверди* от *агъа* «старший брат, старший родственник, дядя; господин» + *верди* «дал», *Алаверди* от *Алав* «высота, вершина» + *верди* «дал», *Худайберди* основа тюрк. *берди* «богом данный». *Аллагьверди* от *Аллагь* «Аллах» + *верди* «дал».

3. «Прилагательное + форма на *-ды/-ди*: *Акъберди* «счастливый, благословенный», «долгоживущий» + *акъ* «белый, светлый».

4. «Существительное + форма на *-гъан/-ген* (причастие прошедшего времени или спрягаемая форма 3 л. ед.ч. прошедшего неочевидного времени): *Гюнтувгъан* от *гюн* «солнце» + *тувгъан* «взошло», *Элтувгъан* «родился старейшина страны, народа», *Эртувгъан* «родился богатырь»

от *эр* «мужчина, богатырь» + *тувгъан* «родился», *Эртувгъангъажи* от *Эр-тувгъан* + *Гъажи*.

Ср.: каз. *Бектурган* «долгоживущий» от *бек* «бек; крепкий, крепко» + *турган* «живущий»; кирг. *Чынтурган* от *чын* «правда, истина, истинный, действительный, настоящий» или компонент казахского родоплеменного названия *чин* [Лезина-Суперанская 1994: 433] + *турган* «остался жить, живущий»; тат. *Байтуган*, узб. *Бойтуюн* (ср. казахское родоплеменное название *байтуган* [там же: 102]).

6. «Существительное + форма на *-ар/-с*»: *Къойбагъар* от *къой* «баран» + *бакъ-* «смотреть» + *-ар*.

7. «Деепричастие на *-и* + форма 2 л. ед.ч. повелительного склонения». По этой модели образовано кумыкское и татарское имя *Сатыбал* «купленный [ребенок]», букв. «купи» от *сатып* «купив» + *ал* «возьми»; ср. «казахское родоплеменное название *сатыбалды* [Лезина-Суперанская 1994: 344].

Среди глагольных антропонимических единиц имеются реконструированные вербальные формы, например, *Таманкъыз*, *Къызтаман*, *Улантай*, а также причастия на *-гъан* (*Толгъанай*) и *-ар* (*Тункъатар*). В постпозитивном использовании его возможно интерпретировать как нулевую форму 3-го лица ед. числа прошедшего перфективного времени. Репертуар таких форм значительно шире в современных тюркских языках. Спецификой тюркской антропонимической системы является наличие в ней глагольных антропонимических единиц - личных форм прошедшего категорического времени и, возможно, прошедшего перфективного времени изъявительного склонения (в том и другом случае - безаффиксальное 3-е лицо ед. числа), будущего некатегорического времени, повелительного склонения (нулевая форма 2-го лица ед. числа, ср. русские клички охотничьих собак вроде *Догоняй*) и форма 3-го лица ед. числа повелительного склонения: *Токътар*, *Къалсын*, *Таймас*, *Турсун*. Такие глагольные формы в составе антропонимов воспринимаются в качестве цельных, неразложимых единиц и получают грамматические приметы имени.

Из рассмотрения моделей, составляющих структуру личных имен, видно, что они (модели) имеют различную степень распространенности. Есть высокочастотные модели, такие как «существительное + существительное» или «прилагательное + существительное». Из совсем малочастотных моделей часть представлена небольшим числом имен, но в раз-

ных языках, часть - единичными (вплоть до одного) примерами в одном каком-либо языке.

В простых и сложных личных именах содержатся наиболее распространенные аффиксы именного словообразования, именного и глагольного формообразования и некоторые аффиксы словоизменения.

Каждая из задействованных частей речи в пределах антропонимической системы обнаруживает неодинаковое отношение к словообразовательным и словоизменительным средствам языка.

Теперь рассмотрим комбинаторно-сочетательные признаки антропонимов. Ввиду того, что помимо односоставных личных имен для тюркской антропонимической системы в высокой степени характерны сложносоставные имена, в том числе так называемые «двойные имена», учет комбинаторики компонентов внутри сложносоставных имен, как и их «синтаксис», приобретает несомненную актуальность. Как известно, от других лексических категорий личные имена отличаются своей исключительной способностью к «синтаксическому словообразованию», при котором происходит специфическая лексикализация синтаксических конструкций [Старостин 1974: 85]. Поскольку исследование моделей раннекумыкских антропонимов должно составлять тему самостоятельной работы, обрисуем такие модели лишь в самом общем виде.

Приводимые ниже модели представлены, во-первых, реальными сложносоставными именами, а во-вторых, «наполовину реальными» сложносоставными именами: один компонент в таких именах - реальный, а другой, с ним сочетающийся, варьируется разными лексемами в древних и современных тюркских языках, так что в составе имени реконструируется не сам этот компонент, а его место в соответствующей модели сложносоставного имени.

Модель «существительное + существительное»: оба ее компонента выступают в основном падеже (безаффиксальная форма). По данной модели сочетаются обычно компоненты из разных семантических групп (подгрупп), причем одним из таких компонентов часто бывает сословный титул (или другой социальный термин). Наиболее типично его место в постпозиции, хотя такой компонент может выступать и в препозиции. В соответствии с позицией сословного титула внутри личного имени варьируют свои места и компоненты разных семантических групп, например, из группы названий металлов или же зоологической лексики. Ср.: *Темирбий* «богач-железо»; *Болатхан* от *болат* «сталь» + *хан*, *Арсланхан* «лев-принц». *Къапланбек* *Къаплангерей* *Къаплангъажи*

Термины родства, сочетаясь с другими социальными терминами, также могут располагаться в препозиции: *Агъавъяш* (*агъав* «старший брат» + *яш* «мальчик»), *Уллубий* «старший князь», но *Гиччибек* «младший бек». *Абаханум* от *аба* + *ханум*, *Ажайбике* от *Ажай* + *би* (*й*) *ке*, *Ажакъыз* от *Ажа* «мать, старшая сестра, тётка, бабушка» + *къыз* «девушка», *Анайкъыз* от *Анай* «мамочка» + *къыз* «девочка», *Анакъыз* от *Ана* «мать» + *къыз* «девочка», *Анаханум* от *Ана* «мать» + *ханум* «госпожа», *Атагъажи* «отец – па-ломник»

Но изредка среди раннекумыкских антропонимов встречаются и такие, которые можно возвести к определенным конструкциям с формально выраженной связью. Это модель «существительное + существительное с аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа -и». Данная модель в современной кумыкской антропонимической системе встречается исключительно редко: *Уланбеги* (*улан* «сын» + *бег* «господин» + аффикс принадлежности 3 л. ед.ч.).

Модель «прилагательное + существительное» по своей формальной организации (препозитивность прилагательного - постпозитивность существительного) опирается на определительное словосочетание. Особенно были распространены сочетания с прилагательными цветообозначения: *Къарахан* «черный хан», *Гиччулан* «младший сын», *Къарамурза* «черный + господин». Из числа словосочетаний с относительными прилагательными назовем *Мингликъыз* «девушка, обладающая родинкой», *Алтынчач* «золотая коса» и т.п. Естественно, наибольшее разнообразие существительных (в отношении семантики) представлено в их сочетаниях с препозитивными *улуу* и *гиччи* — здесь обычно используются социальные термины и термины родства, ср. *Гиччибек* от *гиччи* «маленький» + *бек*, *Гиччибийке* от *гиччи* + *бийке* и *Гиччикъыз* от *гиччи* «маленькая» + *къыз* «девушка», *Гиччиулан* от *гиччи* + *улан* «мальчик».

Модель «существительное + прилагательное» по своей формальной организации (препозиция существительного - постпозиция прилагательного) восходит к предикативному словосочетанию. По полученным данным не всякое прилагательное может выступать в постпозиции. Ср.: *Жанарив* «красивая душой» от *жан* «душа» + *арив* «красивая», *Гюнарив* от *гюн* «солнце» и *арив* «красивый», *Жанатлы* от *жан* «душа» + *атлы* «имя», *Аривай* «красивая луна», «красивенькая» от *арив* «красивая» + *ай* «луна», *Ариват* «красивое имя» от *арив* + *ат* «имя», *Арибет* «ясноликая» от *арив* + *бет* «лицо», *Аривжан* «красивая душа» от *арив* + *жан* «душа», *Аривзат* «красивая вещь, нечто» от *арив* + *зат* «вещь, нечто», *Аривкъыз* «красивая

девушка» от *арив* + *къыз* «девушка», *Атлыгиши* от *ат* «конь» и *гиши* «мужчина». *Ариважай* от *арив* + *ажай* «мама».

Модель «существительное + глагол», реконструированная в виде «существительное + основа глагола» (поскольку используемые при этом глагольные формы в древних и современных тюркских языках по большей части не совпадают), представлена в раннетюркских антропонимах предикативным сочетанием «существительное + глагол в форме прошедшего перфективного времени безаффиксального 3-го лица ед. числа». Раннетюркские антропонимы, построенные по данной модели, имеют первым компонентом существительные из антропоцентрической сферы, вторым компонентом - словоформы *тув-* («родить», «родиться»), *таман* «хватит, достаточно» и др.: *Айтувгъан*, *Къызтаман*, *Улантай*. При нулевой грамматической оформленности именного компонента этих антропонимов с точки зрения «исходной» (для онимизации) синтаксической конструкции приведенные примеры можно рассматривать как составные именные предикативные сочетания.

Глагольные модели в повелительной форме представлены редкими раннетюркскими антропонимами. Пример: *Къалсын* (обращение к божественным силам), *Оьлмес* «не умрет» и т.п.

Помимо двучленных сложносоставных имен в раннекумыкской антропонимии имелись также и трехчленные имена. Чаще всего они производились за счет присоединения к «двойному» имени титула, названий должности, профессии, племенной принадлежности, возрастной характеристики нарекаемого; при этом титульная часть обычно находится в постпозиции, другие же характеристики могут падать и в препозицию, не исключено варьирование. Например: *Муратхангъажи*, *Бекмурзагъажи*, *Сотанбекгъажи*, *Къарабатыргъажи*, *Гулиярханум* и т.д.

При определении типа тюркских антропонимов существенным является учет еще двух, прежде не изучавшихся факторов [Благова 1997]. Во-первых, валентность каждого личного имени (т.е. активно или пассивно употребляется данное имя, распространено ли оно среди носителей общенародного языка или только данного его диалекта). Во-вторых, это комбинаторно-позиционные возможности данного компонента сложносоставного имени (т.е. выступает ли компонент только в инициальной позиции или же только в непервой позиции, или же может употребляться и в той, и в другой позициях). Исследование этих и некоторых других проблем кумыкской антропонимии явится несомненным вкладом в развитие тюркской антропонимии.

В отличие от нарицательной лексики, имеющей обычно достаточно четкий структурированный характер, антропонимическая лексика такой особенностью зачастую не обладает. Это объясняется, прежде всего, неоднородностью кумыкского именника с точки зрения его происхождения. В именную систему любого языка входят новые и старые имена, созданные в языке данном и заимствованные. Старые имена, генетически восходящие к апеллятивам, структурируются нередко с большим трудом. В связи с генетической вторичностью древних имен (образованием на базе апеллятивов), их структура подлежит не актуальному, а историческому членению. Однако и историческое членение этих личных имен не всегда может вскрыть достаточно достоверно их морфемную сегментацию. Многие из них восходят к апеллятивам чужих языков. Есть среди них и имена с полностью утраченными апеллятивами. Из-за отсутствия в подавляющем большинстве случаев внутренней мотивированности антропонимов, определяемой смыслом лежащих в их основе нарицательных слов, личные имена нередко воспринимаются как непроемные и лишенные внутренней формы.

Глава 4. СТРУКТУРА ЛИЧНЫХ ИМЕН

Структура кумыкских имен, хотя и разнообразна, в целом может быть представлена следующими моделями:

1. Одноосновные простые имена: *Марьям, Наида, Аида, Рашит, Али*.
2. Сложные имена, состоящие из двух или нескольких основ: *Нурмагомед, Ханмирза, Гюльнара, Гюлзаман* (гюл «цветок» + заман «время»).
3. Сложные имена, представляющие собой составные императивные предложения: *Къызтаман* (къыз «девочка» + таман «хватит, достаточно»), *Улангерек* (улан «мальчик» + герек «нужен») и др.
4. Производные одноосновные имена, образованные с помощью аффиксов: *Къойчу* от къой «баран», *Сабанчы* от сабан «плуг», *Мамасы* от мама «отец».
5. Двойные и тройные имена: а) состоящие из двух, редко нескольких, самостоятельных имен для именованного человека: *Адилмирза, Гъажигъмат, Магъамматзапир, Муратхангъажи*; б) одно из двойных имен является самостоятельным именем, а другое - нет: *Гюлбет* (гюл «цветок» + бет «лицо», *Акъпатимат* (акъ «белая» + Патимат), *Нюрмагъаммат* (нюр «свет, луч» + Магъаммат); в) ни один из компонентов антропонимической единицы не используется в качестве самостоятельного имени: *Айтувгъан* (ай «луна» + тувгъан «родился», *Къартай* (къарт «старый» + ай «луна»), *Гиччикъыз* (гиччи «маленькая» + къыз «девочка»).
6. Сокращенные имена, которые по своему словообразовательному типу являются простыми или производными. Большею частью они образованы от сложных полных имен: *Аду* от *Абдурагъман*, *Жами* от *Жамиля*, *Патиш* от *Патимат* (о полуименах см. работы Р. А. Мусаевой).

Вышеизложенные соображения относительно структурирования антропонимов могут быть своего рода ориентиром при дальнейшем, более углубленном исследовании их словообразовательного аспекта.

В разряд двухосновных антропонимов включаются и двойные имена. Выделение их в особую структурную группу антропонимов представляется нецелесообразным по причине двухкомпонентности их состава. Встречающиеся в мужском и женском кумыкском именнике мотивированные имена относятся в зависимости от количества в их структурах антропооснов либо к разряду двухосновных (*Гюлзаман* = *гюл* + *заман*), либо к разряду одноосновных (*Сабанчы* от *сабан*). Следует отметить, что в составе двухосновных антропонимов наряду с полноосновными структурами с неизменными компонентами содержатся прототипы с сокращенными первыми или вторыми основами, так называемые «сложносокращенные» имена (по терминологии апеллятивной лексики). Точная картина структурного построения сложносокращенных имен оказывается довольно пестрой. Здесь можно выделить следующие наиболее типичные группы словообразовательного оформления этих опорных имен: а) усеченная основа + полная основа – *Абдурагым* от *Абдурагым*; б) основа + усеченная основа: *Гюлбес* от *Гюлбостан*, *Гюлхан* от *Гюлханым*.

Как показывает моделирование, по своему морфологическому строению дериваты мужских личных имен подразделяются на а) морфемные, б) абброморфемные, т.е. образованные вопреки морфемным швам в прототипах, когда изменению подвергается либо одна, либо сразу две составляющие его части. Появление абброморфемных дериватов возможно при сокращении не только морфологически членимых (сложных и производных), но и морфологически нечленимых (корневых) антропонимов.

По месту сокращения опорных единиц производные личные имена делятся на: а) инициальные, с отсеченной финальной частью; б) финальные, с элиминированной начальной частью; в) медиальные, с редуцированными одновременно инициальной и финальной частями прототипа.

По данным подсчета, самым продуктивным способом обогащения усеченной антропонимии в кумыкском языке является одноразовое сокращение.

При сопоставлении опорных и усеченных имен было установлено, что число производящих и производных единиц не совпадает. Это объ-

ясняется тем, что на базе одного и того же имени возможно образование нескольких усечений по принципу объемности и ступенчатости. Образование вторичных единиц осуществляется при ступенчатой деривации по формуле *именная единица > усеченная единица₁ > усеченная единица₂*: *Абдурагьман > Адуман > Аду*.

Тенденция «к сокращению длины имени за счет устранения из его состава избыточных компонентов, без которых имя может продолжать функционировать как имя» [Востонославянская 1972: 349] характерна для всех языков.

Возникновение нескольких вторичных единиц на базе одной и той же первичной позволяет говорить о действии в сфере производства усеченных мужских имен помимо одноразового или одноступенчатого сокращения прототипов, ступенчатого, или объемного их усечения. Наличие ступеней деривации может создать впечатление об отсутствии каких-либо правил, регулирующих образование кратких антропонимических форм. Ближайшее рассмотрение усеченных имен, их сопоставление с исходными, однако, показывает, что определенная степень предсказуемости все же существует. Заслуживает внимания, прежде всего тот факт, что большинство антропонимов подвергаются одноразовому усечению.

В результате анализа морфологической структуры производящих простых имен было установлено, что основная масса их представлена: 1) десубстантивными именами; 2) деадъективными именами; 3) девербальными именами.

В основе десубстантивных имен лежит имя существительное: *гюл* «цветок», *нар* «гранат», *бал* «мед», *алтын* «золото», *кьойчу* «чабан», *бёрю* «волк».

Деадъективные имена были созданы на базе прилагательных: *батыр* «мужественный», *сыйлы* «уважаемый», *гёзел* «красивая», *гиччи* «маленькая, маленький», *уллу* «большой», *кьара* «черный», *акь* «белый».

Девербальные имена являются отглагольными образованиями: *Ольмес* «не умрет», *Кьалсын* «пусть останется», *Кьоркьмас* «мужественный», *Алыкьач* (*алып* «взяв» + *кьач* «беги»), *Таймас* «не уйдет» и др.

Однако существует группа имен, которую нельзя отнести ни к одному вышеперечисленному блоку. Это сложные имена, образованные от разных частей речи: *Аллагьверди* «Бог дал», *Кьызтаман* «хватит девочек», *Эртувгьан* «родился мужчина».

Десубстативные имена представляют собой соединения:

1) двух именных субстантивных основ: *Айгюн, Айдемир, Гюлкъыз, Гюлчечеч, Наркъыз*.

2) имени прилагательного и имени существительного: *Байгиши, Гиччибек, Къартай, Къарагиши, Аривзат*.

3) глагол + имя существительное: *Таманкъыз, Токътархан, Оьлмесхан, Къалыркъыз, Къайтбек*.

Девербальные имена построены по модели: существительное + глагол: *Эртувгъан, Тункъатар, Гюнтувгъан*.

Особый интерес с точки зрения морфологических свойств представляют двухкомпонентные имена. Они характеризуются не только частеречным многообразием составляющих их компонентов, но и специфичностью употребления этих компонентов.

Соединение антропонимических основ в двухкомпонентные имена обуславливалось, как известно, лингвистическими и социальными факторами.

В качестве первых компонентов десубстантивных имен со структурой «прилагательное + существительное» употребляются антропоосновы, принадлежащие к разряду качественных прилагательных, обозначающих свойства и качества: *Пашманханым* (*пашман* «печальная» + *ханым* «госпожа»), *Аривжан* (*арив* «красивая» + *жан* «душа»), *Аривай* (*арив* «красивая» + *ай* «луна»), *Гиччихан* (*гиччи* «маленький» + *хан*), *Къарамурза* (*къара* «черный» + *мурза* «господин»).

В качестве первого компонента десубстантивных имен, построенных по модели «глагол + существительное», используются непереходные глаголы.

В качестве первых компонентов деадъективных конструкций «существительное + прилагательное» использовались разнообразные по лексикограмматическому разряду имена существительные, как конкретные, так и абстрактные: *Жанарив* (*жан* «душа» + *арив* «красивый»), *Гюнарив* (*гюн* «солнце» + *арив* «красивое»), *Гиччихан* (*гиччи* «маленький» + *хан*).

Антропонимизация слов, заимствованных из арабского языка, происходит на собственно арабской почве, а также на почве объединения арабского антропокомпонента с тюркским или персидским. В антропонимиконе исследуемого периода имеются сложные личные имена, соответствующие следующим лексико-генетическим моделям: арабский компонент + арабский компонент (*Магъамматали, Исламгъажи*), арабский компонент + персидский компонент (*Магъамматмирза, Алимирза*), персидский компонент + арабский компонент (*Мирзали, Гюльмагъам*

мат), арабский компонент + тюркский компонент (*Гъажигиши*, *Гъажикъыз*), тюркский компонент + арабский компонент (*Аймаржан*, *Айпатимат*)

Сложилось мнение, что онимическая лексика может пополняться:

1) путем онимизации нарицательных имен: *Темир*, *Мелевше*, *Бюлбюл*, *Чечек*;

2) путем заимствования готовых имен или именных основ из других языков: *Маржан*, *Якъут*, *Болат*, *Сабур*;

3) путем искусственного создания имен из лексики своего языка: *Айбатыр*, *Гюнариш*, *Сыйлыкъыз*, *Аривжан*;

4) путем деривации на базе собственного имени своего языка: *Оракъчы*, *Сабанчы*, *Тавлу*, *Гюллер* [Теория и методы ономастических исследований: 71].

Следует отметить, что наряду с чистым заимствованием и чистой деривацией в кумыкской антропонимии имеет место и деривация на базе заимствований.

В кумыкском языке непроеизводный антропоним состоит из одного слова, которое, как и в других тюркских языках, «может быть исконным общетюркским или принадлежать одному тюркскому языку, может быть и заимствованным словом» [Мусаев 1984: 219].

Характерной чертой кумыкских непроеизводных антропонимов является то, что в их образовании участвуют в основном имена существительные и прилагательные.

Непроеизводные имена, образованные от имен существительных.

Мужские: *Абрек* «разбойник, абрек», *Ана* «мать», *Ата* «отец», *Байрам* «праздник», *Будай* «пшеница», *Темир* «железо».

Женские: *Алтын* «золото», *Бийче* «княгиня», *Баъли* «вишня», *Юлдуз* «звезда», *Инжи* «бисер», *Гюмюш* «серебро», *Шекер* «сахар».

Непроеизводные имена, образованные от имен прилагательных.

Мужские: *Асыл* «благородный», *Батыр* «храбрый», *Къонгур* (*Конгур*) «бурый; рыжеватый», *Сабур* «неспешный, степенный».

Женские: *Айбат* «красивая, нарядная», *Гёзел* «прекрасная», *Арив* «красивая», *Чебер* «красивая. изящная».

Таким образом, можно сделать вывод, что в образовании кумыкских антропонимов, как производных, так и непроеизводных, наиболее активно участвуют имена существительные («поскольку имена личные - единицы номинативные, первостепенное значение в процессе их обра-

зования приобретают основы имен существительных») (Ономастика 1988: 8), реже - имена прилагательные.

Числовые определения, используемые в качестве личного имени, помимо реального порядка рождения детей в семье, у многих народов связаны с древней символикой чисел, различной у разных народов. Т. Ж. Жанузаков, указывая на давнее существование в казахском языке личных имен, образованных от чисел, отмечает, что этот способ является одним из наиболее древних и распространенных мотивов наречения именем и что он присущ не только всем тюркским языкам, но и индоевропейским, семитским и др. (Жанузаков 1970: 196). К. М. Мусаев пишет, что у большинства тюркских народов «в образовании антропонимии участвуют названия чисел 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, а также названия сотни, тысячи и десяти тысяч..» [Мусаев 1984: 218].

К числу «необязательных, но довольно часто встречающихся именных основ» относит имена числительные А. В. Суперанская [Суперанская 1969: 29].

В кумыкской антропонимии таких имен почти нет. *Алтав* усеч. от *алты* «шесть»+ *тав* «гора»; *Алтай* древнетюркск.-монгольск. 1. Высокая гора, покрытая лесом. 2. Золотая гора, *Юзбек* от *юз* «сто» + *бек*, *Мингарив* «тысячикратно красивая»

В количественном отношении производные имена более распространены, чем непроизводные.

В результате анализа морфологической структуры производящих простых имен было установлено, что основная масса их представлена: 1) десубстативными именами; 2) деадъективными именами; 3) девервальными именами.

Глава 5.
ТАЙНЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
В ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ КУМЫКОВ

Язык — неотъемлемая и важнейшая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, не только знание ее исторической, географической, экономической и прочих детерминант, но и попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры, с их «точки зрения».

Очень лаконично и точно о связи культуры и языка сказал Э. Сепир: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [Сепир: 193]. Согласившись с таким определением, необходимо признать, что мы проникаем в образ мышления нации, в ее способ видения мира, понимаем особенности менталитета носителей данной культуры и данного языка, только познав план содержания этого языка, а глубинное знакомство с семантикой чужого языка, в свою очередь, предполагает, овладение языковой картиной мира именно этого национального языка как системой его видения мира [Корнилов: 78]. «Задача отыскания в том или ином языке черт, а priori приписываемых соответствующему национальному характеру, безнадежна и не представляет большого интереса. Анна Вежбицкая в своей книге «Semantics: Culture and Cognition»... открывает такой подход к проблеме связи языка и национального характера, при котором... предлагается выявлять свойства национального характера, вычитывая их из национально-специфического в соответствующих языках (1996).

Для культурологии такое абстрактное образование, как языковая картина мира, крайне необходимо, поскольку это не что иное, как вербализованная система «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер. Без знания этой системы «матриц» национального сознания трудно понять многое из того, что и составляет национальную культуру, в частности: этические, нравственные и ценностные приоритеты, систему образности, систему ассоциативного мышления и т. д. Знание языковой картины мира другого языка — это необходимый фундамент, база для любых культурологических изысканий. Погружаться в ис-

следование чужого культурного контекста без знания исходного набора «матриц» национального мировидения, вербализованного и систематизированного в языковой картине мира соответствующего языка, — все равно, что пытаться прочесть слова и предложения на незнакомом языке, не удосужившись предварительно выучить алфавит этого языка [Корнилов: 80]. Помимо всего прочего язык — это вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества, которым можно пользоваться не только для конкретных нужд общения, сообщения и хранения информации, оформления логических операций, не и для того чтобы просто наслаждаться им, созерцать его богатство, неповторимость.

Язык — не только инструмент коммуникации, но и инструмент познания, и коллективное национальное творение — «дом бытия духа народа», которое призвано отражать и сохранять для последующих поколений национальную языковую картину мира. Для человека, стремящегося проникнуть в тайны национальной ментальности, важны именно эти нюансы, а вовсе не перечни возможных структурных схем предложений или парадигмы грамматических форм [Корнилов: 133].

В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе структуры именослов с прозрачной внутренней формой. Антропонимы с прозрачной мотивацией отражают образность мышления нации, которая является составной частью национального менталитета. Всякая более древняя стадия развития языка является более прозрачной, чем стадия новейшая, ибо в ней присутствует дух, подчиняющийся живой речи, подсознательным схематическим законам.

У каждого народа есть свой фонд личных имен, национально окрашенный и отличный от всех других. Каждый народ располагает своей логикой, своим представлением об истине, своим набором ментально-лингвальных ценностей, картой понятий, бестиарием (зверинцем) и набором предметов и понятий. Имена собственные во многих случаях отражают ценностную картину мира народа, говорящего на данном языке. В них также фиксируются стереотипы мужественности и женственности, свойственные всем культурам, но по-разному акцентированные в каждой из них.

Кумыкские мужские имена связаны с понятиями высокого социального статуса, силы, богатства. В старокумыкском и в древнерусском языке много так называемых "княжеских" имен. В именах *Султан, Мурза, Герей, Хан, Бек, Амир, Паша, Шагь* явно выражена эта центральная, орга-

низирующая и регулирующая роль княжества. У адыгов более 30 «княжеских» женских имен [Блягоз], а у кумыков – более 50.

Женские имена, как правило, соотнесены с семантическим полем "внешность", а также с полем вкусовых и тактильных ощущений. В ряде семантических областей мужские и женские имена идентичны. В германских именах преобладает военная символика: и мужские и женские имена смещены в сторону поля "мужественность". При сопоставлении лексико-семантических особенностей личных имен удалось выявить блоки нарицательной лексики, которым отдавалось предпочтение при образовании личных мужских имен. К таковым принадлежат обозначения ведения военных действий, борьбы, названия оружия и его частей, название свойств и признаков человека, именование людей по их социальному положению, роду занятий, месту жительства. В кумыкских и русских именах наблюдается значительно меньше соотнесенность с военной сферой.

Звуковую символику и значения кумыкских и русских женских имен можно также интерпретировать как смещение в сторону концепта "женственность", особенно это касается уменьшительных форм.

Номенклатура современных кумыкских личных имен представляется своеобразной, весьма причудливой мозаикой, составленной из именованных древних и новых, исконно кумыкских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам. На семантическом уровне некоторые кумыкские сложные имена предстают как своеобразные экзоцентрические композиты. Значение некоторых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов: *Айтувгъан*, *Айгелди*, *Алыпкъач*, *Ашагъмат*, *Багъымбек*. Значение других кумыкских сложных имен современный читатель может легко понять. Эти имена представляются уже эндоцентрическими или неидиоматическими сложными словами: *Алтынчач* «золотая коса», *Пашманханым* «грустная, печальная», *Женнеткъыз* «райская девушка», *Тавбий* «князь гор» и др.

Компоненты сложных имен черпались из особого фонда именных слов. Кумыки верили в магические свойства «благожелательных» именных слов дарить носителю имени защиту и покровительство, богатство, здоровье, благополучие, отвагу, славу, почет и т.д. Сюда относятся, например, следующие слова: *яхшы* «хороший, добродетельный; благоприятный; полезный, подходящий; умелый; добро, дар», *бай* «могущественный; высокого звания; богатый; власть», *таш* «камень», *арив* «красивая»,

гёзел «прекрасная», асил «благородная, драгоценная, дорогая», сююнч «радость», гюл «роза», чечек «цветок», нюр «луч», бал «мёд», сыйлы «уважаемая», жан «душа», болат «сталь», батыр «герой», мурат «цель», байрам «праздник».

У тюрков есть множество женских имен с корнем *арив* // *сылу* "красивая": кум. *Арив* «красивая», *Аривай* «красивая как луна», *Ариват* «красивое имя», *Аривбет* «красивое лицо», *Аривжан* «красивая душа», *Аривзат* «красивая вещь, нечто», *Аривкъыз* «красивая девушка», *Гюнарив* «прекрасное солнце, день», *Жанарив* «красивая душа», *Мингарив* «тысячекратно красивая»; узб. *Сулув*, *Ойсулув*; башк. - *Акһылыу*, *Айһылыу*; татар. *Нурсылу*, *Сылу*, *Сылубикэ*, *Сылуниса* и др. Подобные имена являются собой не предметы, а концепты, они ценностно окрашены. Следовательно, они представляют собой не столько физическую субстанцию, сколько духовную.

Наиболее популярным и часто встречающимся в структуре кумыкских женских сложных имен элементом, отражающим эмоциональный, ласкательный оттенок, является слово *гюл* "роза, цветок". Впрочем, элемент *гюл* "роза, цветок" в составе женских имен широко употребителен не только у кумыков, но и у других тюркских народов, главным образом Средней Азии. Эпитет *гюл* «роза» часто встречается в сложных женских именах у туркмен [Сапарова: 77-78], каракалпаков, узбеков (Баскаков: 138). Широко распространен он и у казахов (Султаньяев: 75). В кумыкском языке данный компонент занимает в основном препозицию: *Гюлкъыз*, *Гюлбет*, *Гюлбике*, *Гюлжамал*, *Гюлханум*, *Гюлгъайбат*. Из 140 женских имен с компонентом *гюл* только в шести именах *гюл* занимает постпозицию. Это имена *Айгюл*, *Айгюлю*, *Алмагюл*, *Сюйгюл*, *Асилгюл*, *Къызылгюл*.

Еще больше «розовых» имен в восточно-лезгинских языках, которые испытали сильное влияние азербайджанского языка. Однако в других дагестанских языках такого количества имен с антропокомпонентом *гюл* нет.

Как видно из перечисленных выше женских кумыкских имен, элемент *гюл*, входящий в их структуру, несет не только смысловую, но и формальную, отвлеченную от прямого своего значения *гюл* "роза, цветок" семантику эмоционального, нежного, ласкательного оттенка, придаваемого основному имени. В этих эпитетах сложных женских имен отражаются национальные черты народа, его отношение к женщине. Все это свидетельствует о повышенной эмоциональности, сентиментально-

сти, сердечности кумыкской души, кумыкского национального характера.

Причиной возникновения у древних тюрков столь необычных красивых имен был особый взгляд на слово вообще. По их убеждению, слово могло обладать чудесной силой. Вера в особую магическую силу слова наделяла и личные имена особыми, сверхъестественными свойствами влиять на характер человека и, следовательно, на его судьбу. В некоторые имена закладывалось как бы будущее их носителей. На антропонимическом уровне в качестве оснований для различения можно использовать феномен чрезмерного преобладания оценочно окрашенных личных имен у кумыков.

В другую группу имён входили такие, которые должны были в соответствии с намерениями родителей помочь воспитать в ребёнке ту или иную положительную черту характера или просто сулили обладателю этого имени успех и благополучие. Здесь можно встретить такие понятия, как мудрость, доброта, сила, справедливость, благочестие, слава: *Алим* «ученый», *Асил* «благородная», *Асилгюл* «благородный цветок», *Батыр* «мужественный», *Эрболат* (*эр* «мужчина» + *болат* «сталь»), *Атлыгиши* «всадник», *Хангиши* «ханская персона».

Названия диких и домашних животных занимают значительное место в именниках разных народов. Эти имена, очевидно, возникли в тот период, когда люди верили в магическую силу слова (имени) и старались придать имени то качество, которое хотели видеть в своем ребенке: здоровье, крепость, силу, ум, находчивость и др. Поэтому преимущественно применялись в качестве имени названия сильных, могущественных зверей: *Арслан* «лев», *Къаплан* «тигр» и тотемных животных, как *Бёрю* «волк», *Лачин* «соколенок», *Жайран* «лань». Но кумыки никогда не называли своего ребенка именем *Къаз* «гусь», *Жымчыкъ* «воробей», *Къоян* (заяц), *Мишик* «кошка», *Къаргъа* «ворона», *Эркеч* «козел», *Къой* «баран», *Сыйыр* «корова», *Бабиш* «утка», *Хораз* «петух» и т.п.

«Птичий» элемент в фамилиях действительно сильнее названий других представителей живой природы. «В России птицы всегда пользовались большой любовью, и множество фамилий произошло от их названий», - пишет Б.О.Унбегаун [148]. Однако у зверей в русских фамилиях на каждую положительную характеристику или ассоциацию, приходится минимум 3 отрицательных. У птиц же эти различия более-менее сглажены. Даже в процентном отношении резко видны отличия. Количество положительных характеристик у птиц на 10% превышает такой

же показатель у зверей, в то время как отрицательных характеристик птицы имеют на 12% меньше. В кумыкском языке нет ни одного имени с отрицательной характеристикой птицы. Сопоставление одноименных антропосистем в разных национальных языках наиболее ярко демонстрирует различие, несовпадение признаков, которые кладутся в основу номинаций. Такие контрастивные описания — суть демонстрации национально-индивидуального отображения единого содержательного инварианта;

Наименования растений в именнике кумыков встречаются исключительно редко. В русских же фамилиях большое место занимают помимо названий растений названия злаковых и овощей (*Пшеничников, Огурцов, Морковин* и др.).

Нет в кумыкских именах и названий насекомых.

В антропонимической языковой картине мира очень важную роль играет цвет. Цвет небес - синий или голубой - это цвет постоянства, вечности: им обозначалась принадлежность к небесным, богоизбранным и "осененным" племенам (голубые тюрки), ханам, каганам или животным. Вторым основным цветом для тюрков является белый. Белый цвет, наряду с красным и желтым, составляет символику огня и солнца. Эти цвета - синий, белый и черный, несмотря на отрицательную значимость последнего (злые духи, смерть, угроза, измена), являются основными в классической тюркской древности, а бело-голубая гамма и в современной Турции престижна и универсально уважаема - это цвет жилых массивов, мебели, особенно в приморских городах, цвет яхт, катеров и отелей [Урусбиева: 79]. В кумыкском именнике заслуживает внимания только два цвета *къара* «черный» (18 имен) и *акъ* «белый» (25 имен). Другие цвета встречаются исключительно редко. Данный фрагмент языковой картины по количеству цветов значительно богаче представлено в русском именнике. Однако если сравнить два цвета – белый и черный – в кумыкском и русском языках в содержательном плане эти концепты в кумыкском выглядят значительно богаче. *Акъбий, Акъболат, Акъгёз, Акъкъыз, Акъмурза, Акътай, Акътемир, Акъбет, Акъбийке, Акъкъыз, Акъпатимат* и *Къара, Къарачач, Къарабатыр, Къарабек, Къарабий, Къарагиши, Къарагъач, Къарамурза, Къарахан, Къарачай* и др. Антропокомпонент *къара* «черный» в женских именах не используется

Таким образом, существуют языковые характерологические признаки определенной яркости для концептуализации ментальных признаков, представленных в системах личных имен.

Приведенных примеров достаточно, чтобы почувствовать особенность восточного мировосприятия и мирооценки. Особенное заключается в общей стилистической тональности. Прежде всего, заметна разница в «строительном материале» сопоставляемых антропосистем. Восточные имена тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности, что как нам, кажется, вполне соответствует самому статусу имен национальной языковой картины мира: статусу нравственно-ценностных оценок любых социально значимых жизненных ситуаций и определенных моделей поведения человека в них, статусу информем коллективного опыта; предписаний поведения человека, формирующих национальную иерархию ценностей [Корнилов: 273]. Возвышенная поэтическая стилистика выражения столь значимого для любого народа ценностного смысла вполне оправдана. Стилистика же русских идеологом ценностного смысла в одноименных фрагментах языковой картины мира оказывается явно сниженной, многие из них отмечены иронией, другие просто оскорбительны (*Косой, Дурак, Умник, Щука, Нечай, Меньшак, Пьянов* и др.). В ономастической литературе отмечается, что подобные прозвища давались из суеверия, но они отражают и определенные мироощущения и мировосприятие русского человека, его обреченность и пассивность [Мысенко: 169].

В тюркских именниках мы не обнаружили имен-числительных. Зато они практиковались у русских, у славян вообще, а также у других народов мира. Например, у римлян: *Квинт* - пятый, *Секст* - шестой, *Сентимий* - седьмой, *Октавий* - восьмой, *Ноний* - девятый; у арабов: *Вахит, Ахат, Саня, Рабига*. От корней русских имен числительных образовались такие фамилии, как *Первушины, Третьяковы, Десятовы* и им подобные. По именам *Меньшик* и *Меньшой* (младшие в семье) впоследствии возникли фамилии *Меньшиковых* и *Меньшовых*, а по имени первенца - *Старшиновы*. Сопоставление одноименных антропосистем в разных национальных языках наиболее ярко демонстрирует различие, несовпадение признаков, которые кладутся в основу номинаций. Такие контрастные описания — суть демонстрации национально-индивидуального отображения в одном из фрагментов языковой картины мира.

В кавказском менталитете существует феномен чрезвычайно уважительного, почтительного отношения к родственникам и людям старшего возраста. Это почтительное отношение, очевидно, можно даже назвать культом, а уж считать кавказской культурно-этнической доминантой можно, вне всякого сомнения. Так, у многих народов Кавказа млад-

ший брат не обращается к старшему брату или старшей сестре по имени. Для этого существуют специальные термины родства. Невестка, по старым обычаям многих народов Кавказа, не имела права называть по имени мужа, а также свекровь свекра и т.д. Невестку близкие родственники жениха называют не по имени, а *гелиним* «моя невестка», *алтыным* «мое золотце», *гюлюм* «мой цветок», *айдай* «словно Луна». Многочисленные подтверждения табуированию имен находим и в других этносах. Закрепление за именем определенной коннотации – это явление данной культуры, результат сложных ассоциаций, характеризующих именно данный национальный менталитет.

В кумыкском языке, как и в других тюркских языках, существует постоянная потребность соотносить любое имя или предмет с лицом: *анам* "моя мама", *суйгеним* "моя любимая", *уланым* «мой сын» и т.д. В основе этой категории лежит идея обладания одного объекта другим. Хотя в системе личных имен трудно представить обладание предметом, т.к. сам носитель имени является его обладателем, тем не менее, в кумыкской антропонимике мы обнаруживаем показатели принадлежности первого и третьего лица: *Абум, Агъавум, Агъайым, Акъашым, Атавум; Агъасы, Мамасы, Абасы, Абусу*. В менталитете тюркского человека изначально заложено стремление подчеркнуть принадлежность предмета определенному лицу. Без конкретизации такой принадлежности предметы как бы не существуют. Для тюркского менталитета все вокруг должно кому-то принадлежать.

Понятие «*сабурлукъ*» («степенность, неторопливость») стоит близко к понятиям «терпение», «тяжесть». Все эти качества особенно ценятся в ситуациях действия и общения, принятия решений, в народной дипломатии и т.д. Отношение к понятию «терпение» явствует из имен *Сабур//Сабир, Сабурхан, Сабуртдин* и др.

Личные имена *Денгиз* «море», *Денгизбий* (*денгиз* «море» + *бий* «князь»), *Тавбий* (*тав* «гора» + *бий* «князь»), *Тавболат* (*тав* «гора» + *болат* «сталь»), *Элбий* (*эл* «страна» + *бий* «князь»), *Элсюер* (*эл* «страна» + *сюер* «полюбит»), *Элтувгъан* (*эл* «страна» + *тувгъан* «родился») репрезентируют и пространство, и время, это категория текучести и безбрежности, получившая метафизическую обработку еще в античности.

В наибольшей степени национальная специфика проявляется при анализе личных имен с прозрачной внутренней формой и имен, образованных в результате метафорических переносов. Имена с прозрачной мотивацией и имена-метафоры отражают образность мышления нации,

которая является составной частью национального менталитета. Имена являются собой не предметы, но концепты, они ценностно окрашены. *Бийке* «госпожа» в именах *Акъбийке* «белая княгиня», *Тавбийке* «княгиня гор», *Айбийке* «лунная княгиня», *Байбийке* «богатая княгиня», *Гъайранбийке* «изумительная княгиня» представляет собой не столько физическую субстанцию, сколько духовную.

Как и любая другая специфика, специфика национального менталитета выявляется путем различного рода сопоставительных описаний, каждое из которых имеет собственные цели. Один и тот же фрагмент информационного континуума может члениться логико-понятийным компонентом разных языковых сознаний совершенно по-разному. Вот основные типы подобных различий: несовпадение объемов значений концептов (ср. концепт «роза», в тюркских, восточно-лезгинских и других дагестанских языках); различная степень дифференциации значений одноименных концептов (ср. концепт «растительный мир» или «бестиарий» в личных именах русских и дагестанцев); лексические лакуны, обнаруживаемые только на фоне других языков (ср. «княжеские имена» в антропонимиконе дагестанцев). Лексические лакуны становятся очевидными только при сопоставлении с другими языками. Вне сопоставления они не осознаются носителями языка. Определенным концептам того или иного языка в других языках может не находиться даже приблизительно соответствий, т.е. определенные информемы в одних языках, становясь поименованными, переходят в разряд концептов, а в других – нет.

Личные имена отражают особенности менталитета каждой нации. Практически любая система личных имен несет в себе неповторимую национальную образность мышления, которая наиболее ярко проявляется во внутренней форме семантически прозрачных личных имен. Антропонимикон каждого языка – огромная «кладовая» иллюстративного лингвистического материала для подтверждения тех или иных черт национального характера, один из языковых источников знания о национальном характере и менталитете. При таком подходе языковая картина мира – это база данных, на основании исследования которых только и можно делать заключения об особенностях национального мировидения.

Таким образом, в системах личных имен можно обнаружить специфические черты, которые играют важную роль в формировании национального характера и национального менталитета. Думается, что

обилие изобразительных именов слов в языках народов Кавказа свидетельствует о такой ментальной черте народа как наблюдательность; от спокойно-пытливого взгляда кавказца не ускользнет ни малейшая деталь, связанная с имянаречением.

Когнитивно-стилистический и ментальный аспекты описания собственного имени в широком смысле, безусловно, может стать основой для культурно-прагматической систематизации антропонимических единиц. Сравнительное и сопоставительное исследование личных имен позволят обнаружить национальные культурно-исторические «следы» и национальный колорит данной антропосистемы, будут способствовать построению более полной и репрезентативной типологии регулярно реализуемых в данной национальной картине мира антропонимических единиц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ещё в начале прошлого века С. Р. Минцлов высказывал мнение: «Каждое имя пробуждает в человеке наиболее свойственные этому имени черты... Имя не только предрешает человеку выдающееся или теневое положение, но до некоторой степени очерчивает их характер». Как

бы ни старались многие филологи и философы трактовать судьбу человека, его характер, его будущее исходя из сочетания звуков его имени, неопровержимых доводов, подтверждающих или опровергающих это мнение, не существует. Этот факт сам по себе доказывает, что тема личных имён имеет ещё немало аспектов, требующих дальнейшего рассмотрения и изучения.

Интерес к изучению тюркских личных имен начиная с В. В. Радлова остается традиционным для отечественных тюркологов. Направление сравнительного исследования личных имен всех тюркских народов было намечено 86 лет назад А. Н. Самойловичем, который весьма обстоятельно изучал имена туркмен и ногайцев (свидетельством тому была его картотека, насчитывавшая свыше тысячи таких имен) и составил "Указатель собственных имен" к собранию казахских и алтайских легенд, преданий, сказок [Самойлович 1921: 98].

Антропонимия кумыков складывалась в течение многих веков, и на ней оставили свой отпечаток контакты с различными племенами и народностями. Свидетельством этому является тот факт, что в лексическом составе кумыкской антропонимии кроме слов из основного словарного фонда имеется древний пласт, состоящий из непрозрачных, древнетюркских, субстратных названий, а также большой слой слов, заимствованных из языков народов, с которыми в новейшее время кумыки не контактировали.

Современные кумыкские личные имена сохраняют пратюркский «костяк» — саму структурную организацию пратюркской антропонимической системы с ее семантической структурой, с ее материальными составляющими — антропонимическими единицами (т.е. реальными односоставными личными именами и компонентами сложносоставных имен).

Первое, что способствовало сохранности кумыкской антропонимической системы в веках — это важнейшее экстралингвистическое свойство, а именно теснейшая связь с древними этническими традициями тюркских народов. Надо сказать, что эти традиции характеризуются большой силой устойчивости, скрытой жизненностью древних воззрений. Все это не могло не сказаться на процессах онимизации, превращения апеллятива в личное имя. Предполагается, что пратюркская антропонимическая система стала складываться, когда древние тюрки придерживались языческих воззрений и верований. Специфика тюркской онимизации состояла в том, что раннетюркские антропонимы пред-

ставляли собой, как это установил Л. Н. Гумилев, «не канонизированные имена, а описательные, меняющиеся с возрастом и общественным положением человека. Это скорее прозвища» [Гумилев: 82-83].

Сохранность антропонимической семантической структуры также, можно считать, в немалой степени обеспечивается действием древних этнических традиций и традиционнопатриархального самосознания тюрков.

Не секрет, что кумыкская антропонимическая система в разные исторические периоды и на разных территориях подвергалась активному воздействию мусульманской (арабской и персидской) антропонимической системы.

Во все времена люди, рвущиеся к власти или захватившие власть, чтобы придать видимость законности своему господству сочиняли для себя фантастические генеалогии и присваивали себе сверхпочетные титулы, звания, регалии. И кумыкский материал подтверждает, что имя социально, что оно возникло в определенных социальных слоях и обслуживало интересы данного слоя.

Анализ морфологических свойств опорных имен и их составляющих подтверждает положение о том, что собственные имена могут образовываться от любой части речи. Однако онимизация частей речи не одинакова. В исследуемом материале этому процессу подвергались преимущественно существительные и прилагательные и весьма редко глаголы.

В результате анализа установлено многократное использование одних и тех же основ в составе композитов, что особенно характерно для десубстантивных и деадъективных именных единиц.

В отличие от нарицательной лексики, имеющей обычно достаточно четкий структурированный характер, антропонимическая лексика такой особенностью зачастую не обладает. Это объясняется, прежде всего, неоднородностью кумыкского именника с точки зрения его происхождения. В именную систему любого языка входят новые и старые имена, созданные в языке данном и заимствованные. Старые имена, генетически восходящие к апеллятивам, структурируются нередко с большим трудом. В связи с генетической вторичностью древних имен (образованием на базе апеллятивов), их структура подлежит не актуальному, а историческому членению. Однако и историческое членение этих личных имен не всегда может вскрыть достаточно достоверно их морфемную сегментацию. Многие из них восходят к апеллятивам чужих языков. Есть среди

них и имена с полностью утраченными апеллятивами. Из-за отсутствия в подавляющем большинстве случаев внутренней мотивированности антропонимов, определяемой смыслом лежащих в их основе нарицательных слов, личные имена нередко воспринимаются как непроезженные и лишённые внутренней формы.

Структура кумыкских имен, хотя и разнообразна, в целом может быть представлена следующими моделями: а) одноосновные простые имена, б) Сложные имена, состоящие из двух или нескольких основ, в) сложные имена, представляющие собой составные императивные предложения, г) производные одноосновные имена, образованные с помощью суффиксов, д) двойные и тройные имена, е) сокращённые имена, которые по своему словообразовательному типу являются простыми или производными.

Следует отметить, что в составе двухосновных антропонимов наряду с полноосновными структурами с неизменными компонентами содержатся прототипы с сокращёнными первыми или вторыми основами, так называемые «сложносокращённые» имена (по терминологии апеллятивной лексики). Точная картина структурного построения сложносокращённых имен оказывается довольно пестрой.

Как показывает моделирование, по своему морфологическому строению дериваты мужских личных имен подразделяются на а) морфемные, б) абброморфемные, т.е. образованные вопреки морфемным швам в прототипах, когда изменению подвергается либо одна, либо сразу две составляющие его части. Появление абброморфемных дериватов возможно при сокращении не только морфологически членимых (сложных и производных), но и морфологически нечленимых (корневых) антропонимов.

В результате анализа морфологической структуры производящих простых имен было установлено, что основная масса их представлена: 1) десубстантивными именами; 2) деадъективными именами; 3) deverбальными именами. Однако существует группа имен, которую нельзя отнести ни к одному вышеперечисленному блоку. Это сложные имена, образованные от разных частей речи.

Соединение антропонимических основ в двухкомпонентные имена обуславливалось, как известно, лингвистическими и социальными факторами.

Антропонимизация слов, заимствованных из арабского языка, происходит на собственно арабской почве, а также на почве объедине-

ния арабского антропокомпонента с тюркским или персидским. В антропонимиконе исследуемого периода имеются сложные личные имена, соответствующие следующим лексико-генетическим моделям: арабский компонент + арабский компонент, арабский компонент + персидский компонент, персидский компонент + арабский компонент, арабский компонент + тюркский компонент, тюркский компонент + арабский компонент.

Важной особенностью антропонимикона является их генетическая вторичность по сравнению с нарицательными. Поэтому, рассматривая морфологическую специфику опорных имен, выявляем частеречную принадлежность антропонимических композитов, степень их употребительности в составе сложного имени. В результате анализа морфологической структуры производящих сложных имен было установлено, что основная их масса представлена: десубстантивными, деадъективными и девербальными. Причем, основной производящей базой процесса усечения являются десубстантивные среди двухосновных имен и деадъективные среди одноосновных. Анализ морфологических свойств подтвердил положение об образовании собственных имен от любой части речи. Однако отметим, что ономизация частей речи не одинакова. Это подтверждается материалом исследования.

В лексико-грамматическом отношении антропонимические композиты представлены большей частью абстрактными именами существительными, качественными и оценочными прилагательными, переходными глаголами, как правило, обозначающие действие. При исследовании лексико-семантических особенностей имен удалось выявить блоки нарицательной лексики, которой отдавалось предпочтение при образовании личных мужских и женских имен.

К таковым принадлежат обозначения название свойств и признаков человека, именование людей по их социальному положению, роду занятий, месту жительства.

Имена собственные не только имеют глубокую национально-культурную специфику, но и связаны с восприятием мира и определенным образом отражают его познание. Имя собственное, на наш взгляд, как и другие языковые явления, позволяет открыть «доступ к ненаблюдаемому когнитивному миру человека, структурам его сознания» [Кубрякова: 7, а также прояснить осмысление человеком своего места в социуме. Наконец, совершенно не изучены вопросы, связанные с участием

антропонимов в формировании языковой картины мира и с отражением в антропонимических системах меняющейся картины мира в целом.

Более конкретно задачи изучения имен и фамилий с этих позиций можно сформулировать в виде следующих вопросов: Как человеку дается имя? Как функционирует его имя (фамилия) в течение его жизни, в разных социумах, какова прагматика различных форм имени? В каких случаях имя/фамилия сопровождается этикетными словами и какова прагматика подобных сочетаний? Какие национально-культурные особенности наблюдаются в функционировании имен известных людей, литературных персонажей?